

1427 2684

КІЕВЛЯНИНЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ,

НА 1850 ГОДЪ

ИЗДАНІЯ

М. Максимовицеиъ.

МОСКВА.

1850.

КІЕВЛЯНИНЪ

НА 1850 ГОДЪ.

Алексаю Филитовичу
Павлову

въ приѣздѣ съ Свѣдѣн. Краудманомъ
отъ Максимовича.

1850 г. 23 апр. Москва.

КІЕВЛЯНИНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МИХАИЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

*Да вѣдаютъ потомки Православныхъ
Земли родной минушую судьбу.*

ПУШКИНЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1850.

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 17 дня, 1850 года.

*Ценсоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Смирновъ.*

ИЗДАНИЕ

ПЕРЕЯСЛАВСКІЯ СКАЗАНІЯ.

СКАЗАНИЕ ПЕРВОЕ.

О ГОРОДѢ ПЕРЕЯСЛАВѢ

ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЯ ВРЕМЕНА.

Верстахъ въ 80-ти ниже Кіева, на правомъ берегу Трубежа, тамъ гдѣ сливается съ нимъ тихая Альта, лежитъ городъ Переславъ. Славенъ былъ этотъ городъ и въ древней Княжеской Украинѣ, и въ Украинѣ Козацкой. Но теперь его слава звучитъ только въ его имени. Глядя на него теперь, и не подумалъ бы, что онъ считался некогда *третьимъ* городомъ въ ряду городовъ Рускихъ.

А онъ точно былъ таковъ, на первыхъ порахъ своего историческаго бытія. Такъ въ 907 году, когда Вѣщій Олегъ приступалъ съ побѣдою къ Царюгороду, онъ заповѣдалъ Грекамъ «дати уклады на Рускіе города: первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переславъ, и на Польтескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая города; по тѣмъ бо городомъ сѣдаху князя подь Ольгомъ суще». ¹ Тоже

¹—См. Лѣтопись Нестора подь 907 г. Тамъ же: «тогда возмуть мѣсячное свое, первое отъ города Кіева, и пакы изъ Чернигова, и Переслава, и прочія города.» Въ договорѣ Игоря съ Греками, 945 г., сказано: «возмуть мѣсячное свое съи слобное, а гостѣ мѣсячное, первое отъ города Кіева, пакы изъ Чернигова и Переслава.»

и въ 1054 году, когда великій князь Ярославъ, передъ смертью своею, отдавалъ Кіевскій престоль старшему сыну Изяславу: второму сыну Святославу далъ онъ Черниговъ; а третьему, любимому сыну Всеволоду назначилъ Переяславъ.

Всеволодомъ Ярославичемъ начался новый рядъ Переяславскихъ князей, изъ рода Владимірова; и съ ними новый отдѣлъ въ жизни Переяслава.

А какіе князья были въ немъ прежде, объ томъ не говоритъ летописанье Руское. Изъ всѣхъ Переяславцевъ 10-го вѣка, оно славить намъ только одного могучаго *отрока*, который, сломивъ Печенѣжскаго великана, рѣшилъ Владимірову побѣду надъ Печенѣгами, на Трубѣжскомъ броду, 992 года. И вотъ какъ это было, по древнему разсказу, записанному Несторомъ.

— Какъ воротился Владиміръ князь съ Хорватской войны, то пришли Печенѣги изъ-за Сулы. Владиміръ пошелъ противъ нихъ; и встрѣтилъ ихъ на Трубѣжѣ, у того броду, гдѣ нынѣ Переяславъ. И сталъ Владиміръ на этой сторонѣ, а Печенѣги на той; и не смѣли ни тѣ ни другіе переходить черезъ рѣку. И подѣхалъ Печенѣжскій князь къ рѣкѣ, позвалъ Владиміра, и говоритъ ему: «выпусти ты своего воина, а я своего, и пусть борются; когда твой воинъ ударитъ моимъ, не воевать намъ три года; а когда ударитъ нашъ воинъ, воеемъ три года.» И разошлись они врозь. Тогда Владиміръ пришелъ въ станъ свой, и послалъ биричей по шатрамъ кликать: нѣтъ ли такого воина, чтобы схватился съ Печенѣжиномъ? И не нашлось никого. Заутра пріѣхали Печенѣги, и вывели своего воина; а у нашихъ не было. И почалъ тужить Владиміръ, посылаючи по всѣмъ воинамъ. И пришелъ къ князю одинъ старый мужъ, и говоритъ ему: «княже! есть у меня меньшей сынъ; я вышелъ съ

четырьмя, а онъ дома. Съ дѣтства его нѣтъ никого, кто бы одолѣлъ его. Разъ я погрозился на него, когда онъ мялъ кожу; а онъ прогнѣваясь на меня, перервалъ кожу руками.» Слыша это, обрадовался князь, и послалъ за нимъ; и привели его къ князю; и князь повѣдалъ ему все. А онъ говорить: «княже, не вѣдаю смогу ли; пусть испытають меня; нѣтъ ли быка великаго и сильнаго?» И нашли быка, великаго и сильнаго; и велѣлъ онъ раздражить быка. Положили на него желѣза горячаго, и пустили его. И побѣжалъ быкъ мимо отрока. И ухватилъ онъ быка рукою за бокъ; и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько захватила ему рука. И сказалъ ему Владимірь: «можешь бороться съ Печенѣжиномъ!»

Заутра пріѣхали Печенѣги, и начали звать: «нѣтъ ли воина, а нашъ вотъ готовъ!» Владимірь же въ ту ночь велѣлъ снарядиться въ оружіе. Приступили тогда обѣ стороны. Выпустили Печенѣги своего воина. Былъ онъ превеликъ зѣло и страшень. И выступилъ воинъ Владиміровъ; и увидѣлъ его Печенѣжинъ, и посмѣялся, ибо онъ былъ середняго росту. И отмѣривъ между обоими полками, спустили борцовъ; и схватились они; и начали крѣпко держать другъ друга; и задавилъ онъ Печенѣжина въ рукахъ до смерти, и ударилъ имъ объ земь. И закричали; и побѣжали Печенѣги; а Русь погналась за ними, рубя ихъ; и прогнала ихъ. А Владимірь, радъ будучи, заложилъ городъ на томъ броду, и назвалъ его Переяславомъ: *зане перея славу отрокъ-отъ!* И сдѣлалъ Владимірь великимъ мужемъ его, и отца его. И воротился Владимірь въ Кіевъ, съ побѣдою и славою. —

=

Въ преданіяхъ Переяславскаго народа забыть уже этотъ могучій отрокъ, заслужившій у князя Владиміра

себѣ и отцу своему великую почесть, а своему городу новый *пригородъ*.² Не помнятъ они и о прочихъ богатыряхъ Владиміровыхъ, понынѣ славимыхъ въ сказкахъ и пѣсняхъ Великорусскихъ. Отъ нынѣшнихъ Переяславцевъ услышите вы рассказы о *вѣлетняхъ* (т. е. великанахъ), когда-то жившихъ въ здѣшней сторонѣ, въ томъ числѣ и о могучемъ Переяславцѣ *Свидѣ*. Вамъ укажутъ и могилу *Свидову* подъ Переяславомъ, на лѣвой сторонѣ Трубежа. Но изъ Никоновской лѣтописи можно усмотрѣть, что нашего Переяславскаго ратоборца съ Печенѣжиномъ звали *Янъ Усмошвецъ* (по-нынѣшнему сказать: *Иванъ Кожевникъ*); что онъ подвизался противъ Печенѣговъ еще и въ 1001-мъ и въ 1004-мъ годахъ, вмѣстѣ съ другимъ извѣстнымъ богатыремъ, Александромъ или Алѣшею Поповичемъ.

Въ тѣ поры, именно съ 992 года по 1008-й, былъ на Руси митрополитомъ Леонтій, преемникъ св. Михаила, вызванный Владиміромъ изъ Греціи. Онъ именовался митрополитомъ Переяслава Рускаго; ибо митрополія Руская княземъ Владиміромъ назначена была первоначально въ Переяславѣ, при церкви Михайловской. Объ этомъ воспоминаетъ и Несторъ, подъ 1089-мъ годомъ своей лѣтописи, говоря: «бѣ бо преже въ Переяславѣ митрополѣя.» И нѣтъ сомнѣнья, что она была здѣсь слѣшкомъ сорокъ лѣтъ, пока Ярославъ не назначилъ ея въ Кіевѣ, при церкви Софійской, воздвигнутой имъ на мѣстѣ знаменитой побѣды надъ Печенѣгами 1034 года. Послѣ

²—Подъ названіемъ *пригородка* эта часть Переяслава встрѣчалась мнѣ въ записяхъ второй половины 17-го вѣка. Князь Владиміръ заложилъ вновь этотъ укрѣпленный *городъ*, назвавъ и его *Переяславомъ*, въ память того, что ими это оправдалъ Переяславскій отрокъ: «зана перея славу отрокотъ!» Напрасно въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи поставлено: «зана Переяславъ отроку тому имя!»

того въ Переяславѣ учреждено было епископство; но объ немъ рѣчь впереди.

Къ временамъ Владиміровымъ относится еще построение въ Переяславѣ каменной Воздвиженской церкви ³ и, по всей вѣроятности, монастыря Іоанновскаго, въ которомъ былъ заключенъ въ порубъ и постриженъ въ монахи князь Игорь Ольговичъ въ 1146 году. Теперь нѣтъ уже и слѣдовъ того монастыря; неизвѣстно даже и мѣсто его. Но Михайловская церковь и донинѣ есть, надъ своимъ древнимъ основаніемъ, въ той части города, которая называется въ просторѣчи *Замкомъ*. Эта часть Переяслава смотреть уже пустыремъ; но въ древности тутъ-то и былъ *городъ*, заложный и укрѣпленный княземъ Владиміромъ. Тутъ были тогда знатнѣйшіе дворы: и *Княжой*, съ церковью Успенскою, основанною Мономахомъ (1098 года), и *Епископскій*, съ церковью Михайловскою. А воротъ было трое: Епископскія, Княжія и Кузнечьи. ⁴ Во времена Литовскія эта часть Переяслава обращена была въ замокъ, процвѣтавшій въ первой половинѣ 17-го вѣка. Въ томъ вѣкѣ называлась она еще *Верхнимъ городомъ*; а въ прошломъ столѣтіи она была Переяславскою *крѣпостію*. Земляной валъ вокругъ нея, теперь уже полуразрушенный, насыпанъ былъ въ 1709 году, козаками и плѣнными Шведами.

Что касается до остальной, обширнѣйшей части города, то здѣсь былъ тотъ первоначальный Переяславъ, который исторически извѣстенъ съ 907 года; въ 17-мъ вѣкѣ онъ назывался *Нижнимъ городомъ*, и съ тѣхъ поръ считается онъ собственно *городомъ* или *мѣстомъ*, въ отличіе отъ *замка*

³—См. Лѣтопись Никоновскую подъ 1008 г.

⁴—Упоминается въ Лѣтописи Кіевской подъ 1136 и 1149 годами.

и трех *передгородьевъ*.⁵ Остатки вала, которымъ онъ былъ обведенъ и который возобновленъ въ царствованіе Елисаветы, понынѣ видны. Старожилы помнятъ трое городскихъ деревянныхъ воротъ, называвшихся у нихъ *брáмами* или *бáш-тами*; ⁶ помнятъ и то, какъ въ ночное время городова стража, расхаживая по валу отъ однихъ воротъ къ другимъ, кричала: «въ славномъ городѣ Переяславѣ!» Но съ 90-хъ годовъ замолкли эти ночные оклики, недавашіе спать добрымъ людямъ; разобраны ворота и городовыя и крѣпостныя; и Переяславъ нынѣ живетъ себѣ спокойно, на распашку, отдавая иногда свои старые валы за деньги на выварку селитры. Онъ не пускается вдаль; не такъ, какъ было за девять вѣковъ, когда и послы и купцы Переяславскіе ходили въ Царьгородъ, и брали тамъ себѣ оклады у Грековъ, какъ заповѣдалъ Вѣщій Олегъ.

⁵— Предмѣстья назывались въ древности *передгородьями*, (какъ видно изъ Лѣтописи Кіевской); а по-нынѣшнему они зовутся на Украинѣ *подворками*.

⁶— Тѣ ворота, которыя были къ р. Альгѣ, называемой по-здѣшнему *Ильтицкою*, именовались *Ильтицкими*; а предмѣстье за ними *Замыльчьемъ*. Другія ворота были *Кіевскія*; а предмѣстье за ними называлось *Закіевобрамскимъ*. Третья ворота, къ рѣкѣ Трубежу, къ Долгому-мосту, назывались *Долгомостянскими*; а предмѣстье за Трубежомъ зовется *Замостьемъ*.

СКАЗАНИЕ ВТОРОЕ.

О ПРАЗДНИКЪ СВ. БОРИСА

ПОДЪ ПЕРЕЯСЛАВОМЪ.

=

Девятый вѣкъ уже, какъ на Руси ублажается память святыхъ князей нашихъ Бориса и Гльба. Преподобный Несторъ, описывая ихъ житіе и убіеніе, славословилъ ихъ, какъ «двѣ свѣтлыя звезды, озаряющія всю землю Рускую», какъ «заступниковъ Руской земли, всегда молящихся о своихъ людяхъ, и подающихъ исцѣленіе всѣмъ, приходящимъ къ нимъ съ вѣрою и любовью.»

Народъ Украинскій сохранилъ особенную вѣру къ святымъ мученикамъ — князьямъ, которыхъ молитвы и помощь не разъ видѣла Русь, въ своихъ побѣдахъ надъ врагами. Еще и теперь на Украинѣ за великое *свято* чтутъ *второе Мал*, и отлагаютъ въ этотъ день полевая работы, по пословицѣ старыхъ людей: «на Гльба и Бориса за хлѣбъ не берися!»

Второе Мал празднуется издревле, ¹ какъ день *перенесенія* мощей ихъ, бывшаго въ Вышгородѣ. Тамъ оно совершено въ первый разъ 1072 года, при Ярославичахъ, когда князь Шзяславъ поставилъ тамъ новую Борисогльбскую церковь, вмѣсто прежней. Второе перенесеніе мощей,

¹.—Праздникъ перенесенія мощей св. Бориса и Гльба установленъ, безъ сомнѣнія, въ 1072 году. Существованіе его въ древнее время видно уже изъ того, что второе перенесеніе мощей 1115-го года было тоже втораго *Мала*. Въ Лаврентьевской лѣтописи читаемъ: «въ лѣто 6695 (1187) мѣсяца *Мал* въ 2-й день на пренесеніе святою мученику Бориса и Гльба.»

того же числа, было 1115 года, когда Владиміръ Мономахъ, съ двумя Святославичами, соорудилъ въ Вышгородѣ каменную церковь во имя св. мучениковъ.² Отъ этой Вышегородской церкви, со времени Батыева нашествія, уцѣлѣло только каменное основаніе, на которомъ стоитъ нынѣшняя деревянная церковь; да и самое мѣстопробываніе святыхъ мощей, съ той поры, покрылось для насъ неизвѣстностью.

Но Рускіе богомольцы и нынѣ ежегодно собираются въ Вышгородѣ праздновать память святыхъ князей, 24-го Іюля, въ день убіенія Борисова. Такъ установилъ еще древній Ярославъ, когда онъ, построивъ тамъ первую церковь во имя Бориса и Глѣба, и положивъ въ ней мощи святыхъ братьевъ своихъ, заключилъ свою радость о томъ восьмидневнымъ пиромъ народу, и назначеніемъ десятины на новую церковь.³

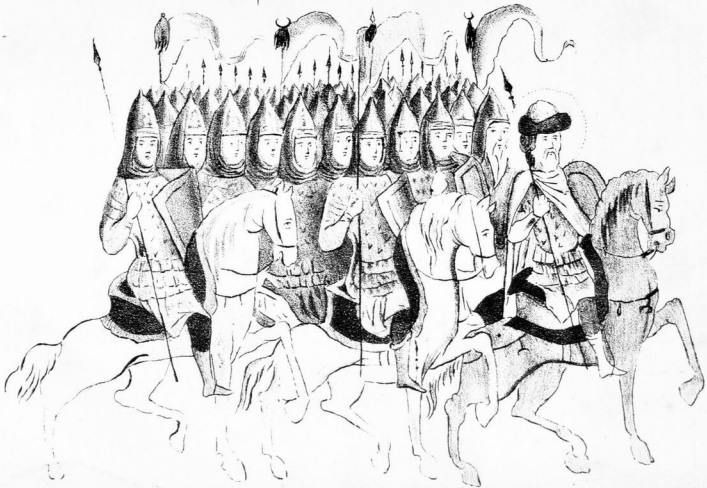
Что касается до втораго Мая, то этотъ день съ особенностью торжественностью празднуется подъ Переяславомъ, верстахъ въ трехъ отъ него, на лѣвомъ берегу Альты, на мѣсть убіенія Борисова.

Ежегодно къ этому дню Альтское поле покрывается тысячами народа всякаго званія и возраста. По окончаніи литургии, бываетъ большой крестный ходъ изъ Переяславскаго кафедральнаго Собора на берегъ Альты. Съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ священнослужители всходятъ на помость, на которомъ совершается водоосвященіе, множество недужнаго

²—Первое перенесеніе мощей описано въ Лѣтописи Несторовой и въ особомъ Житіи Борисовомъ; а второе перенесеніе въ Лѣтописи Кіевской.

³—Вышегородское празднество при Ярославіи описано въ Житіи Борисовомъ. Оно происходило въ 1020-мъ году или векорѣ послѣ него (а не въ 1035-мъ и не въ 1050-мъ).—Ярославъ праздновалъ восемь дней, подобно тому, какъ и Владиміръ, поставивъ Преображенскую церковь въ Васильковѣ, праздновалъ восемь дней. Но на праздникъ перенесенія мощей при Владимірѣ Мономахѣ (1115 г.) празднество продолжалось три дни.

СТЫБОРИСЪ ИДЕТЬ НА ПЕНЬ

народа входить въ рѣку. Нельзя безъ умиленія глядѣть на это молитвенное чайнѣ движеніе воды, во все продолженіе молебствія. Но еще торжественнѣе то святое мгновеніе, когда съ погруженіемъ животворящаго креста, возгласять: »Спаси, Господи, люди Твоя!» Тогда, съ именемъ святаго Бориса на устахъ и съ крестнымъ знаменемъ, народъ цѣлыми сотнями стремится въ освященную рѣку, чтобы окупаться въ ней, и вмѣстѣ съ сброшенною съ себя одеждою, потопить въ ней свои недуги и печали.

Берегъ Альты, гдѣ совершается это народное празднество, *благословился* кровью святаго Бориса въ 1015 году, черезъ девять дней по кончинѣ святаго Владиміра. Любимый сынъ его—разумный и набожный Борисъ—ходилъ тогда изъ Кіева противъ Печенѣговъ, и на возвратномъ пути остановился на берегу Альты. Здѣсь пришла ему вѣсть о смерти отца. Воины разошлись отъ него, и онъ остался только съ своими отроками. Плакавшися по отцѣ, Борисъ ночью пѣлъ заутреню въ шатрѣ своемъ, передъ образомъ Спасителя. Въ то время убійцы, посланные Святополкомъ, подступили близко къ шатру; и когда Борисъ легъ уже на одрѣ, они, какъ дикіе звѣри, напали на него и прокололи его копьемъ. Любимый отрокъ его, Георгій Угринь, упалъ на него также заколотый, и потомъ еще обезглавленный для того, чтобы скорѣе снять съ его шеи большую золотую гривну на цѣпи, возложенную Борисомъ. Изъ другихъ отроковъ избавился отъ убійства только братъ Георгія, Моисей Угринь, бѣжавшій въ Кіевъ, къ Борисовой сестрѣ Предславѣ. Въ послѣдствіи онъ, потерпѣвъ много въ Польскомъ плѣну, сподобился почить нетлѣнно среди угодниковъ Божіихъ, въ Ближней или Антоніевой пещерѣ.

Убійцы Бориса, увертѣвши его въ шатеръ, и положивъ на *кóла*, повезли его еще дышущаго. Узнавши объ томъ Святополкъ, послалъ двухъ Варяговъ, чтобы *прикончатъ* его. Одинъ изъ нихъ видя, что Борисъ еще живъ, прон-

зиль его мечемъ къ сердцу. Такъ скончался блаженный Борисъ. Тѣло его принесли тайно въ Вышгородъ, и положили у церкви св. Василия. — Тамъ возлѣ него, черезъ четыре года, положено было и тѣло юнѣйшаго брата его Глѣба, отысканное ловцами по повелѣнію Ярослава. Кроткій Глѣбъ зарѣзанъ былъ въ томъ же 1015-мъ году 5-го Сентября, на рѣкѣ Смядинѣ (ниже Смоленска), другими убійцами, посланными отъ того же *окаянаго* брата ихъ Святополка.

На мѣстѣ убіенія Борисова, черезъ четыре года по его кончинѣ, стоялъ князь Ярославъ, готовясь на роковую битву съ Святополкомъ и Печенѣгами. Тамъ онъ молилъ Бога объ отмщеніи братоубійць, и взывалъ къ убіеннымъ братьямъ, прося ихъ молитвы себѣ на помощь. Это было въ пятокъ, при восходящемъ солнцѣ. И соступились обое. И была съча зла, какой не было дотолѣ въ Руси. Но къ вечеру одолѣлъ Ярославъ; а Святополкъ бѣжалъ навсегда, гонимый Божьимъ гнѣвомъ. Такимъ образомъ, въ 1019-мъ году, на Альтскомъ полѣ, рѣшилась въ то время судьба Кіева и цѣлой Руси.

Поставилъ ли что здѣсь Ярославъ, въ память Бориса и славной побѣды своей, и что было здѣсь въ продолженіе вѣка, объ томъ нѣтъ у насъ древняго сказанья. Но нельзя предположить, чтобы такое достопамятное мѣсто осталось въ забвеніи тогда, какъ Борисъ и Глѣбъ уже прославились своею святостью; и особенно, когда состоялся новый праздникъ — *перенесенія* мощей ихъ въ Вышгородъ. Воротясь съ того празднества въ свой Переяславъ, князь Всеволодъ Ярославичъ и епископъ Петръ, конечно, учредили и у себя на Альтѣ праздникъ *втораго Мал*; и вѣроятно, не позже 1073 года возникла здѣсь часовня, упоминаемая въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Летской* т. е. *Альтской божницы*.⁴

⁴.—Находя, по лѣтописямъ, и въ Кіевѣ и въ другимъ мѣстахъ, не мало Рускихъ божницъ, мы несомнѣнно принимаемъ *Летскую божницу* за православную Рускую часовню, которая существовала на мѣ-

Возлѣ этой божницы, вѣроятно, стояла и та прекрасная каменная церковь, которую во имя Бориса и Глѣба соорудилъ Владиміръ Мономахъ, 1117 года, и у которой онъ окончилъ свою доблестную жизнь, 1125 года.⁵

А что праздничный ходъ изъ Переяслава на Альту въ Борисовъ день былъ и въ древнее время, то видно изъ сказанья Лаврентьевской лѣтописи о Мономаховомъ

стѣ убіенія Борисова и въ 1154 году, отдѣльно отъ Мономаховой церкви, поставленной черезъ два года послѣ втораго перенесенія мощей.

Такимъ образомъ я не признаю того мнѣнія, какое предложено Митрополитомъ Евгеніемъ, въ Описаніи Кіевософійскаго Собора, на стр. 62, — будто божница Летская была Польская католическая каплица. Названіе *Ляцкой*, поставленное въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи вм. *Летской*, означаетъ здѣсь не Лялскую или Польскую; но (какъ принималъ и Карамзинъ) Альтскую, стоящую на рѣкѣ Лѣтѣ или Альтѣ. Точно такъ и Альтское поле называется въ лѣтописи *Летскимъ* (а по Кенигсбергскому списку *Лѣтскимъ*).

Арцыбъшевъ, въ Повѣствованіи о Россіи (Т. I. стр. 68, 152.) принималъ Альтскую божницу заодно съ Мономаховою Борисоглѣбскою церковью на Альтѣ. Но вѣроятно, чтобы великолѣпная каменная церковь называлась божницею. При томъ же, въ Кіевской и многихъ другихъ Рускихъ лѣтописяхъ, Мономахова церковь и божница Летская различаются явственно. «Тогда же (1154) много зла створиша Половци около Переяслава, и пожгоша села вся, и Летскую божницу, и святою мученику Бориса и Глѣба (т. е. церковь) зажгоша.» Монахъ Лаврентій, или одинъ изъ его предшественниковъ въ перепискѣ лѣтописи, пропустивъ второй союзъ и, поставилъ такъ: «и Летскую божницу святою мученику зажгоша.» Отсюда возникло мнѣніе Арцыбъшева.

⁵—Въ похвалѣ Мономаху, продолжатель Несторовой лѣтописи говоритъ такъ: «велику же вѣру стяжа къ Богу, и сродникама своимъ къ святыма мученикома Борису и Глѣбу; тѣмъ же и церковь прекрасну созда на Лѣтѣ, во имя ею, идѣже святаго Бориса кровь прольана бысть..... Преставися на Лѣтѣ у милое церкви, юже созда потщаніемъ многимъ; сынове же его и боларе несоша Кіеву; и положенъ бысть въ святѣй Софѣи у отца своего.» (Лаврент. Лѣт.)

Вспомнимъ при этомъ Мономаховы слова, изъ его Поученія. «Идохъ на отца своего мѣсто Переяславу; и внидохомъ на святаго Бориса день изъ Чернигова; и ѣхдохомъ сквозѣ полки Половечскіи, не въ 100 дружинѣ, и съ дѣтми и съ женами; и облизухутся на насъ аки волци, стояще и отъ перевоза и съ горь; Богъ и святый Борисъ не да имъ мене въ користь; неврежени довдохомъ Переяславу.»

сынъ Юрій Долгорукомъ, который находился въ Переяславѣ 1151 года: приспѣвшу празднику святыхъ мучениковъ, ходилъ онъ на Альту; и оттуда сынъ его Андрей Боголюбскій отправился въ Суздаль.

Въ княженіе Глѣба Юрьевича, 1154 года, Половцы, опустошая окрестности Переяслава, сожгли Альтскую божицу и Борисоглѣбскую церковь.

Съ той поры, не находимъ уже никакого объ нихъ письменнаго извѣстія отъ прошедшихъ вѣковъ. Сквозь мглу минувшаго, только подъ конецъ 17-го вѣка, усматриваемъ небольшую деревянную Борисоглѣбскую церковь, — и уже не тамъ, гдѣ пролита была кровь св. Бориса; а въ Переяславскомъ Замытицкомъ предмѣстьи, на правомъ берегу Альты, при ея впаденіи въ Трубежь. Отъ этой церкви не осталось ничего, что было бы старѣе 1700-го года; и она, по преданію, была такъ мала, что въ ней продолжалось еще служеніе, когда надъ нею (въ 1784-мъ году) построена была уже нынѣшняя деревянная Борисоглѣбская церковь.

На мѣстѣ убіенія Борисова и теперь находится большой каменный крестъ, поставленный 2-го Мая 1664 года. А надъ этимъ крестомъ болѣе полтора ста лѣтъ стояла небольшая деревянная часовня, называвшаяся по-здѣшнему *капличкою*. Убогій памятникъ *заступнику Руской земли...* Но онъ богатъ воспоминаніями и вѣрою народа, приходящаго съ древнихъ временъ молиться въ часовнѣ святому Борису, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ самъ молился въ шатрѣ своемъ, въ послѣдній часъ своей земной жизни.

Полуизглаженная надпись на крестѣ свидѣтельствуетъ, что его *водрузилъ* здѣсь Переяславскій протопопъ *Григорій Бутовичъ*, съ помощью Стрѣлецкаго головы *Селивана Кириловича Бѣлаго*. Надъ этою надписью нарѣзаны на крестѣ извѣстные слова побѣды ІС ХС НІКА, ⁶ которыя такъ часто

⁶.—Въ Малороссіи ведется слѣдующее простонародное толкованіе этихъ словъ: »На крестѣ Искушень Кровию Адама.« Но эти слова значать: побѣждаетъ.

встрѣчаются въ Южной Руси на разныхъ древнихъ предметахъ, начиная съ гробницы Ярославовой. На другой сторонѣ креста нарѣзано гербовое начертаніе съ буквами Г Б П; а подъ нимъ надпись: »делалъ крестъ сей Харко Безпацкій мельникъ съ товаришемъ своимъ Мартиномъ».

Снимая всю эту надпись съ креста, въ 1837-мъ году, незабвенный издатель *Очерковъ Россіи* ⁷ Вадимъ Пассекъ не могъ уже разобрать фамильнаго имени Григорія; и въ помннутыхъ трехъ буквахъ угадывалъ имена Глѣба и Бориса. Но эти буквы означаютъ имя *Григорія Бутовича Протопопа*, и принадлежать къ его гербу. Тотъ же гербъ, съ тѣми же буквами, написанный рукою самаго Григорія, встрѣтилъ я трижды, перелистывая старинный помянникъ Успенской Переяславской церкви, при которой Бутовичъ былъ протопопомъ съ 1651-го года. ⁸ Такъ какъ эта церковь (пер-

⁷—См. статью Пассека «Окрестности Переяслава» въ *Очеркахъ Россіи*, кн. 4. М. 1840.

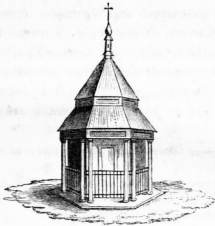
Нельзя умолчать о другой ошибкѣ, повторенной два раза въ той же статьѣ: будто мощи Бориса и Глѣба открыты при Ярославі въ 1050 году и перенесены въ Печерскій монастырь.

Мощи были открыты въ митрополитство Іоанна перваго, который скончался 1035-го года. А что онѣ оставались въ Вышегородской церкви и послѣ втораго перенесенія въ 1115 году, то видно изъ Кіевской лѣтописи, гдѣ одинъ изъ писавшихъ ее, говоритъ какъ современникъ: »гдѣ нынѣ лежита.« При томъ же и монастыря Печерскаго не было еще въ 1050-мъ году.

⁸—Вотъ краткая помянка о Григоріѣ, собранная мною изъ разныхъ памятниковъ старины. — Родомъ онъ былъ изъ Бѣлой-Церкви, сынъ тамошняго священника Филона Тарасьевича Бутовича. Съ 1651-го года онъ сталъ протопопомъ Успенской соборной церкви въ Переяславі. Здѣсь онъ священнодѣйствовалъ и въ тотъ достопамятный день, когда Богданъ Хмельницкій съ войсковою старшиною присягалъ на вѣрность престолу Московскому. Когда передъ этимъ, 31-го Декабря 1653 года, Московскіе полномочные послы вѣзжали въ Переяславъ, то Григорій, встрѣтивъ ихъ у городскихъ воротъ и окропивъ святою водою, привѣтствовалъ ихъ рѣчью; и оттуда всѣ шли въ Соборъ; а 8-го Января 1654-го года, когда гетманъ съ бояриномъ Бутурдинымъ пришли уже къ Успенскому Собору для присяги, Григорій, съ прочими священниками и діаконами Переяславскими, встрѣтилъ ихъ на паперти, съ кре-

воначально основанная еще Владиміромъ Мономахомъ 1098 года) въ 17-мъ столѣтіи была соборною, то можно полагать навѣрное, что крестный ходъ на Альту производился тогда изъ нея.

Что касается до Альтской божницы, то изъ нѣсколькихъ ея возобновленій одно принадлежало Феодосію игумену Межигорскому, въ 70-хъ годахъ 17-го вѣка; а въ послѣдній разъ она возобновлена была 1832 года.

Капличка.

Народъ и теперь еще не отвыкъ называть именемъ *Каплички* праздникъ 2-го Мая на Альтѣ; но теперь на ея мѣстѣ находится уже каменная церковь во имя св. Бориса.

Еще въ 1660-мъ году дана была Межигорцамъ грамота царя Алексѣя Михайловича «на строеніе монастыря на крови святаго Страстотерца Бориса, и на мѣстечко

стами и калитами, и прощѣлъ: »буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка!« — Въ 1660-мъ году Григорій Филоновичъ получилъ царскую грамоту на село Ерквцы для Успенской церкви. Въ исходѣ 1663-го года онъ былъ въ Москвѣ, въ свѣтъ гетмана Брюховецкаго, и тамъ подписалъ его договорныя статьи. Но когда, послѣ возвращенія ихъ изъ Москвы, начались мятежи Переяславскіе; тогда Григорій переселился въ городъ Гадячь, гдѣ и скончался.

Бобровицу къ тому монастырю въ подданство.⁹ Но неизвѣстно, почему не состоялось тогда построение монастыря, и почему вмѣсто него, черезъ четыре года, поставлень былъ только каменный крестъ съ часовнею. Послѣ того не ранѣе, какъ въ 1826 году, было предпринято построение каменной Борисовской церкви, при бывшемъ тогда Переяславскомъ епископѣ Георгіѣ. Но исполнить сіе достойное дѣло суждено было Переяславскому архіепископу Гедeonу. На зовъ пастыря, съ усердіемъ отвѣтствовала паства; и въ 1839-мъ году возникла новая церковь, надъ стариннымъ крестомъ, оставшимся въ ней съ лѣвой стороны. Она заложена преосвященнымъ Гедеономъ 2-го Мая 1839 года; освящена въ слѣдующемъ году 24-го Июля, какъ въ храмовой день ея; а въ 1841-мъ году устроены въ ней на правой сторонѣ и освящены придѣлы во имя св. Глѣба, котораго память издревле празднуется еще особо, 5-го Сентября. Такимъ образомъ въ Борисовской Альтской церкви соединились всѣ три праздника святымъ князьямъ-страстотерпцамъ.

Участокъ Альтскаго берега, на которомъ поставлена Борисовская церковь и совершается вышеописанное празднество, принадлежалъ съ 1660 года Межигорской обители. Благочестивая старина обвела его со всѣхъ четырехъ сторонъ валомъ, донныи уцѣлѣвшимъ на половину. Межигорцы, имѣвшіе свое подворье въ близъ-лежащемъ селѣ Демянцахъ¹⁰ на Альтѣ, служили молебны и панихиды у

9.—Грамота дана 12-го Апрѣля 1660-года. О томъ же и въ томъ же году Межигорцы получили и универсалы—отъ гетмана Юрія Хмельницкаго, и отъ Переяславскаго полковника Тимофея Цецуры.

10.—Возвращеніе Межигорцевъ въ селѣ Демянчихахъ (по-древнему Деменскъ, а по-нынѣшнему Демянцы) началось въ 1642 году, когда павъ Кирило Огризко поларилъ имъ свой хуторъ въ Демянчихахъ надъ Пытицею (т. е. Альтю); что и утверждено было въ 1643-мъ г. Ковнепольскомъ, а въ 1645-мъ г. королемъ Владиславомъ.

креста, для приходящих сюда на праздник Бориса; а в день праздника, послѣ водосвятія, они угощали Переяславцевъ и весь народъ обѣдомъ. Но когда уничтожился ихъ монастырь подъ Кіевомъ (1787 г.), тогда они передали Альтскую капличку и Борисовскую площадь священнику Воздвиженской Демянецкой церкви, къ приходу которой принадлежит издавна эта полоса Альтскаго берега.

Въ нынѣшнемъ столѣтїи владѣльцемъ Борисовской площади явился Иванъ Васильевичъ Кондратьевъ, помѣщикъ смежной деревушки Кондоидовки или Борисовки. По утратѣ своего единственнаго сына, онъ въ 1837 году отдалъ подѣ церковь и погостъ безъ малаго десятину этой достопамятной земли. Церковное вѣдомство уже обводитъ каменною оградою эту часть, и строить на ней деревянную богадѣльню на 15 человекъ.

Жаль однако, что Борисовская площадь не вся еще возвращена церкви, и что она теперь не въ прежнемъ ограниченїи. Нѣкоторая часть ея по берегу Альты принята подѣ садъ владѣльца; а со стороны Альтскаго поля ее заслонили собою, съ недавняго времени, нѣсколько хатъ съ клунею. Нѣкоторые изъ нихъ переступили черезъ старинный граничный валь, которымъ издавна обведена Борисовская площадь. Отъ этого она, и безъ того не очень

Въ 1690-мъ году Межигорцы получили царскую грамоту и гетманскій универсалъ на села Демяниччи и Харьковцы, въ *Переяславскомъ ключу*.

Въ 1696-мъ году Мазепа подтвердилъ Переяславскому полковнику, чтобы въ Демяниччахъ и Харьковцахъ аренда была Межигорскому монастырю.

Послѣ того уже въ 1702-мъ году Межигорцы купили хуторъ и островъ въ Демяниччахъ, у Анны Татариновой, которая владѣла ими по завѣщанію своего крестнаго отца полковника Войцы. Да у Демянскаго священника Феодора Григорьевича приобрѣли Межигорцы пахатнаго нивья за 12 талерей; а 1719 г. у него же купили грунтъ и дворъ въ селѣ Демянцахъ. Въ 1712 г. Спасскій священникъ Павелъ Добролицкій завѣщалъ имъ около Демяниччь пахатнаго поля въ 3-хъ рукахъ.

обширная, крѣпко стѣснилась, и входъ въ нее сталъ неудобень и неблаговидень.

Октября 5-го въ 1846 году, по пути въ Кіевъ, я вновь посѣтилъ достопамятный берегъ Альты, гдѣ въ Борисовъ день она обращается въ купель, подобную Силоамской, но уготованную не для одного, а для тысячи недужныхъ. Теперь я не нашель здѣсь ни души здѣшней. Только бородатый каменьщикъ съ своимъ товарищемъ постукивалъ кирпичами, работая церковную ограду. Онъ напомнилъ мнѣ собою о дальнемъ сѣверѣ, и объ переходѣмъ слѣпецъ *Иванъ*, который только сажень земли могъ считать собственностью на этомъ *вольномъ свѣту*; ¹¹ но отъ котораго не одно поколѣніе слушало народную пѣсню о Борисѣ и Глѣбѣ. Вотъ отрывокъ изъ этой пѣсни.

«Какъ старѣйшій братъ ненавистной злой
Бориса взялъ — копьемъ вдурилъ,
А Глѣба — ножемъ зарѣзалъ.
Онъ думалъ злодѣй, рай растворился;
Анъ самъ сквозь сырой земли провалился.
А тѣ тѣла Борисово,
Борисово и Глѣбово,
Лежали ровно тридцать лѣтъ; ¹²
Ни звѣрь ихъ, ни птица не тронули,
Ни мрачное помраченіе,
Ни солнечное попеченіе.

11.—Выраженіе *вольный свѣтъ* очень часто встрѣчается въ народныхъ Великорусскихъ пѣснопѣніяхъ духовныхъ; а тотъ свѣтъ уже *неволенъ*.

12.—Число 30 здѣсь принадлежитъ не исторіи, а народной поэзіи Великорусской, которая любитъ это число.

1600081

Какъ тридцать лѣтъ миновалось,
 Явилось явленіе:
 Явился столпъ огненный
 Отъ земли и до неба.
 Къ тому столпу огненному
 Сходились, соѣзжались
 Цари, власти и патриархи,
 И всѣ православныя христіане;
 Служили молебны благочестны,
 Двумъ братьямъ, Борису и Глѣбу;
 Святыя тѣла обрѣтоша намъ
 Двухъ братьевъ, Бориса и Глѣба.
 Отъ святыхъ мощей было прощеніе.
 Погребали ихъ свѣтовъ со славою.
 А мы поемъ славу Борису,
 Борису и Глѣбову,
 Во вѣки вѣковъ, аминь!

М. МАКСИМОВИЧЪ.

1846 г.

М. Г.

(Продолженіе впереди.)

О КАРПАТСКОЙ РУСИ.¹

=

Отъ границы Молдавско-Трансильванской, населенной Волохами, тянутся по Карпатскимъ горамъ и ихъ долинамъ, черезъ 7 столицъ (комитатовъ) королевства Венгерскаго, населенія народа Рускаго. Откуда и когда здѣсь взялся этотъ народъ? вопросъ объ этомъ еще не рѣшенъ. По увѣренію Угровъ, здѣшняя Русь пришла вмѣстѣ съ ними въ Паннонію, и съ ними заодно отвоевала ее у Словаковъ. Но мы Русины думаемъ, что наши праотцы были вызваны въ 13-мъ вѣкѣ Венгерскимъ королемъ изъ Подоліи, вмѣстѣ съ ихъ княземъ Каріатовичемъ, дабы заселить горы и долины Карпатскія, опустошенныя *песеголовцами* Татарами.

У насъ ведется преданіе, что Каріатовичъ съ своимъ народомъ, занявши въ Карпатахъ сперва берега Унга и Латорицы, а потомъ берега Тисы, разъ въ ночи видѣлъ ангела, ходящаго по водамъ Латорицы, и указывающаго на гору Чернецкую. На этой горѣ князь построилъ монастырь Мункачевскій; а на другомъ берегу, на отдельной, высокой и круглой горѣ, красивый Мункачевскій замокъ, называемый при королевскомъ дворѣ *золотымъ яблокомъ*. Этотъ замокъ и былъ средоточіемъ Карпатской Руси. Его великолѣпныя залы не разъ принимали въ себя царей и

¹—Статья эта написана для Кіевлянина въ исходѣ 1846 года, въ Кіевѣ, Андреемъ Николаевичемъ Дешкомъ, природнымъ Карпаторосомъ, переселившимся въ Россію лѣтъ за шесть передъ симъ. М. М.

славныхъ подвижниковъ: Ракоція, Текелія и другихъ. На его башняхъ пала въ отчаянной борьбѣ славная Угорская героиня Елена Зрини.

Жилища Русиновъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Тисы, заняли почти всю столицу *Мараморошскую*, *Беречскую*, *Угоцкую* и *Унгварскую*, большую часть столицъ *Землинской*, *Сукмарской* и *Саболчской*, и нѣкоторую часть *Шарошской*.

На Угорскую землю указываютъ, какъ на одну изъ прекраснѣйшихъ странъ въ Европѣ; но возьмите отъ нея Карпаты, и вы взяли всю ея красоту. На вершинахъ этихъ горъ, называемыхъ *бѣлыми полонинами*, вы видите неподвижныя голубо-бѣлыя облака: то никогда не тающіе снѣга Карпатскіе.² Подъ этими полонинами всегда стоятъ черно-зеленыя тучи: то обширныя дремучіе лѣса высокой *смереки*,³ надъ которыми летаютъ только орлы, и въ которыхъ гуляютъ одни лѣнныя медвѣди и роются дикіе кабаны. Подъ густою сѣнью этихъ лѣсовъ, непроницаемою для солнца и прохладительнаго вѣтра, усталый охотникъ не найдетъ себѣ травнаго ковра; ему природа постлала здѣсь только колючіе, сухіе листья, на которыхъ онъ можетъ спать спокойно, нетронутый ни медвѣдемъ, ни вепремъ; ибо они не нападаютъ на спящаго человѣка.

Ниже этихъ угрюмыхъ и безмолвныхъ боровъ, спускаются по горамъ обширныя лѣса, въ которыхъ огромныя буки и дубы перемежаются съ каштанами, дикими яблонями и грушами. Здѣсь природа живѣе и разнообразнѣе; земля покрыта уже зеленью и цвѣтами; воздухъ колышется вѣтерками, и оглашается то пѣніемъ различныхъ птицъ, то непрерывнымъ звономъ колоколовъ, которыми

²—Наибольшія бѣлыя полонины находятся въ Мараморошѣ. Горы менѣе высокія, на которыхъ скоро таетъ снѣгъ и на его мѣстѣ зеленѣетъ трава, называются *полонинами зелеными*. А. Д.

³—*Смерека* по-Карпаторуски, *смерека* по-Хорутански, значить сосна. М. М.

всегда увѣшаны здѣсь пасущіяся стада; то жалобными звуками пастушьихъ роговъ, на которыхъ съ отличнымъ искусствомъ играютъ здѣшніе овчари, обыкновенно въ ночную пору. Здѣсь и тамъ весело шумятъ рѣки, выходя изъ нагорныхъ ключей и снѣговъ полонійскихъ; быстро падаютъ онѣ съ вышины; и ужé на долинахъ сливаются въ большія рѣки, каковы: Иза, Унгъ, Берéжава, Латорица; и всѣ онѣ впадаютъ въ широкую Тису, черезъ которую Рускіе Карпаты передаютъ свои воды великому Дунаю. Въ этихъ нагорныхъ широколиственныхъ лѣсахъ, по обширнымъ *чисташамъ* (или порубамъ), начинаются уже села, большею частью, многолюдныя; и при каждомъ селѣ поля, раздѣленныя на двѣ половины. Одна изъ нихъ, на которой сѣется хлѣбъ и снимается сѣно, называется *цáршою*; другая, назначенная въ тотъ же годъ для пастбища, называется *толокою*.

Между этими высокими горами простираются уже обширныя долины, пересѣкаемыя рѣками и уставленныя возвышенностями меньшей величины. Но здѣсь и села обширнѣе, и люди рослѣе, и разводимый ими скотъ крупнѣе, чѣмъ на горахъ. Подкарпатскимъ долинамъ принадлежитъ все наше городовое поселеніе. На лѣсныхъ горахъ почти нѣтъ городовъ; между тѣмъ, какъ на возвышенностяхъ, разсѣянныхъ по долинамъ, почти на каждой есть развалины крѣпостей, о которыхъ ведутся въ народѣ разныя сказки, но почти не осталось историческихъ извѣстій. На этихъ же возвышенностяхъ воздѣлываются *вишницы*, то есть виноградники, изъ которыхъ вина весьма уважаются; ибо *Середианское* вино изъ столицы Унгарской, и вино *Лохóвское* изъ столицы Беречской, считаются первыми послѣ *Токайскаго*.

Нельзя не вспомнить здѣсь о славныхъ Мараморошскихъ копяхъ, доставляющихъ неистощимое количество соли. Ея разработка и вывозъ по Тисѣ до самого города

Солнока, производится почти исключительно народомъ Карпаторускимъ.

Примѣчанія достойно еще богатство здѣшней земли минеральными ключами. Особенно уважаются, по цѣлебной силѣ своей, воды: *Собранская* въ Унгарской столицѣ, *Свальевская* и *Силкъ* въ Беречской столицѣ. Мараморошъ славится своею кипучею, холодною, кислою водою, называемою *Шули-гули*.

Но не вдаваясь въ подробное описаніе произведеній здѣшней природы, я поспѣшу рассказать вамъ про житье-бытье здѣшняго народа. Большую часть его составляетъ *кметство* или *кмети*, то есть поселяне. Они живутъ на владѣльческихъ земляхъ и обрабатываютъ оныя на извѣстныхъ условіяхъ, определенныхъ Венгерскимъ королевскимъ Собраніемъ.

Другой классъ народа составляютъ *мъщане*. Изъ нихъ образуется сословіе *почетныхъ людей*, свободное отъ поголовной подати и общественныхъ работъ. Сюда причисляются всѣ ремесленники, купцы, и тѣ изъ кметей, которые кончили гимназическій курсъ наукъ.

Третій классъ народа *дворяне*. Званіе дворянское пріобрѣтаемо было военными заслугами, потому особенно важными для Венгріи, что Русины, живучи на границѣ Молдавско-Трансильванской, всегда первые принимали на себя и отражали напоръ Турецкой силы. Русинъ въ дворянствѣ пользуется тѣми же правами, какъ и Венгерецъ; хотя по состоянію, дворянство Руское вообще бѣднѣе Венгерскаго. Это конечно зависѣло много отъ раздробленія между дѣтьми благопріобрѣтаемыхъ, неслишкомъ большихъ имѣній.

Духовенство Карпаторусское составляется частью изъ изъ дворянства, но еще болѣе изъ кметства, получившаго образованіе. Кметъ, пріобрѣвъ духовное званіе, съ тѣмъ вмѣстѣ получаетъ уже и права дворянства, какъ относительно владѣнія землею, такъ и относительно участія въ

дворянскихъ Собраніяхъ. Дѣти священниковъ считаются наравнѣ съ дворянскими.

Всѣ эти сословія Рускаго народа въ Карпатахъ принадлежать къ Церкви Греческой, нынѣ униатскаго, а въ прежнее время православнаго исповѣданія.

Духовная власть сосредоточивается въ особѣ епископовъ, которые избираются королемъ Венгріи изъ достойнѣйшихъ и неженатыхъ священниковъ, притомъ изъ бѣльцовъ, а не монаховъ. По утвержденіи папскою буллою, они посвящаются или въ Карпатскихъ епархіяхъ, или въ Галиціи. Епархій Карпаторускихъ двѣ: одна *Мункачевская*,⁴ другая *Пряшевская*. Къ послѣдней принадлежать не одни Рускіе, но и Словаки Греческой вѣры. Епископы наши пользуются одинакими правами съ католическими; они засѣдаютъ и подають голосъ при высшемъ столѣ Магнатовъ, чего не имѣють епископы православные, наприм. Расціанскіе. До нашего времени Карпаторускіе епископы, еще по древнему православному обычаю, носили бороду и длинныя волоса на головѣ; но Мункачевскій епископъ Василій Поповичъ первый явился на посвященіе во Львовъ, 1838 года,⁵ безъ бороды и обстриженный, къ немалому удивленію народа.

Что касается до священниковъ, то изъ нихъ лишь немногіе старики украшаютъ себя бородами. Большая часть священниковъ женится до посвященія; впрочемъ женитьба не поставляется имъ въ необходимое условіе. Для достиженія священства должно кончить шестиклассный курсъ гимназическихъ наукъ, учиться еще два года философіи, и потомъ четыре года богословію. Гимназіи находятся въ

⁴—Каведра Мункачевскаго епископа перенесена изъ Мункачева въ Угваръ. М. М.

⁵—На посвященіе его изданы во Львовѣ 1838 г. двѣ стихотворныя брошюры: Юсефа Левицкаго—*Стихъ въ честь Его Преосвященству Кирю Василію Поповичу*, и Могильницкаго—*Письмъ радости*. Объ нихъ см. въ Кіевлянинѣ, кн. II. 1841. М. М.

Русскихъ городахъ Сиготъ и Унгваръ; философія преподается только въ городахъ Венгерскихъ, а богословіе въ Унгваръ. Сюда стекаются для обученія не только Рускіе, но и Волохи; потому число образующихся здѣсь клириковъ и стороннихъ слушателей бываетъ весьма значительно.

Кромѣ сказанныхъ школъ, есть еще особыя монастырскія двѣ школы, въ которыхъ только монахамъ преподается философія и богословіе, на Карпаторускомъ языкѣ. Онѣ находятся въ двухъ значительныхъ монастыряхъ, Мункачевскомъ и Повчанскомъ.

Рускій городокъ *Повча* стоитъ далеко отъ Карпатовъ, въ столицѣ Саболчской, какъ островъ, окруженный Венгерскими кельвинами. Монастырь его славится въ народѣ своимъ чудотворнымъ образомъ Пресвятой Дѣвы Маріи. Ко дню Успенія, когда Великая Русь стекается отовсюду въ Кіевъ, на поклоненіе чудотворному образу Печерскому, Карпатская Русь идетъ молиться Богоматери Повчанской. Къ ней сходится на молитву и народъ католическій; и такимъ образомъ въ здѣшнемъ храмѣ можно слышать служеніе на языкахъ Славянскомъ, Латинскомъ и Румынскомъ или Волошскомъ; въ одно и то же время, вокругъ храма, тысячамъ толпящагося народа, возглашается проповѣдь на языкахъ Рускомъ, Волошскомъ, Венгерскомъ и Нѣмецкомъ.

Монахи Карпаторускіе всѣ одного чина, Базилиане. Одѣваются они въ черныя рясы и ходятъ съ бородами, но не въ клобукахъ, а въ шляпахъ. Монастырей женскихъ совсѣмъ нѣтъ здѣсь, также какъ нѣтъ здѣсь никакихъ особыхъ заведеній для образованія женскаго пола. Дѣвушки учатся Славянской грамотѣ и катихизису, вмѣстѣ съ мальчиками, въ сельскихъ школахъ.

Въ большихъ селахъ для школъ назначаются особыя дома и особыя учителя; но въ селахъ меньшихъ учатъ *дѣлки*, нерѣдко въ своихъ собственныхъ домахъ. Ученіе бываетъ большею частью только въ зимнее время, ибо въ

лѣтнюю пору дѣти занимаются пастушествомъ. За обученіе полагается обыкновенно отъ 10 до 30 грошей съ ученика ежегодно. Въ дополненіе къ тому, дается учителю квартира и участокъ земли. Ученіе, какъ сказано выше, весьма ограничено: состоитъ въ чтеніи Венгерской и Руской азбуки, и въ обученіи Рускому краткому катихизису, по книжкамъ, издаваемымъ въ Будинѣ. Учить дѣтей поставляется въ обязанность всѣмъ родителямъ; такимъ образомъ грамотность, хотя и весьма скудная, принадлежитъ всему Карпаторускому народу. Для ея расширенія надобно учить не только чтенію, но и письму Рускому; къ сожалѣнію, однако въ сельскихъ школахъ учать немного писать только по-Венгерски; да и въ самыхъ семинаріяхъ Рускому письму учать только нѣсколько дней, при изложеніи науки *пасторальной*. При такомъ бѣдномъ состояніи Рускаго письма въ Карнатахъ случается нерѣдко, что священники, хотя слагаютъ проповѣди по-Славяноруски, но пишутъ ихъ буквами Латинскими. Катихизисъ, давно сочиненный Рускимъ каноникомъ *Куткою*, есть почти единственная у насъ общеизвѣстная Руская книга. *Церковныя бесѣды* на языкѣ Славянорускомъ, изданныя въ Будинѣ 1831 года, *Михиломъ Лучкаемъ*,⁶ парохомъ и намѣстникомъ Унгварскимъ, и его же *Славяно-Руская Грамматика* на Латинскомъ языкѣ, суть необыкновенное у насъ явленіе.

Не могу не упомянуть еще объ умершемъ недавно старикѣ священникѣ *Лешковичъ*:⁷ его изъ презрѣнія называли *идиотомъ*; но онъ умѣлъ сочинять Рускія пѣснопѣнія и распространять ихъ въ народѣ. Другіе Русины, становясь выше этой первоначальной образованности, являлись на высокой ея степени. Въ доказательство тому довольно бу-

⁶—Недавно скончавшійся Унгварскій священникъ *Михаилъ Лучкай*, былъ нѣкоторое время аббатомъ въ Луккѣ, когда князь Лукканскій, желая показать Грекамъ свое вниманіе къ ихъ исповѣданію, содержалъ при дворѣ своемъ аббата съ двумя священниками и причетомъ Рускимъ, изъ Карпатовъ. Но это продолжалось не долго. А. Д.

дѣть назвать *Михаила Вѣсяника*, главнаго Вѣнскаго доктора, *Петра Тупулы*, профессора политической экономіи въ университетѣ Пештянскомъ; канониковъ *Ивана Чурговича*, *Ивана Ляховича*, и священника *Василія Довговича*, членовъ академіи наукъ Пештянской. Называть ли здѣсь почтенныя имена *Орлая*, *Балугьянскаго* и другихъ Карпатскихъ уроженцевъ, которые прославили себя и родину свою служеніемъ въ имперіи Руской? Говорять и *Венецлинъ*, столько уважаемый Болгарами, былъ нашъ землякъ; но въ Карпатахъ этого не знаютъ.⁷ Можно надѣяться, что въ Карпатахъ скоро разцвѣтетъ письменное Руское слово, для просвѣщенія своего народа. При нынѣшнемъ епископѣ *Василіи Поповичѣ*, въ Унгварѣ заведена уже типографія, бывшая прежде въ Кошицахъ. Пожелаемъ отъ души, чтобы въ ней краснорѣчивый священникъ *Гаджега*, *Иванъ Раковскій*, *Иеронимъ Гайду*, *Антоній Чопей*, и другіе даровитые Карпаторуссы, издали побольше своихъ произведеній, для пользы и славы своей отчизны. Но отъ этихъ сладкихъ надеждъ на будущее просвѣщеніе Карпатской Руси, возвратимся къ насущной долѣ ея поселянъ, изъ которыхъ и возникаетъ лучшій цвѣтъ ея народа.

Языкъ Карпаторускаго народа ясно показываетъ, что онъ есть вѣтвь народа Южнорускаго. Впрочемъ въ нарѣчій его есть нѣкоторыя особенности отъ нарѣчій Малороссійскаго и Галицкаго. Таково напримъ весьма твердое *ы*, которое у *Горлянъ* не смягчается и послѣ гортанныхъ звуковъ (*г*, *х*, *к*). По давнему общенію съ Венгерцами, въ нарѣчіе Закарпатской Руси принялось много Венгерскихъ отдѣльныхъ словъ и даже звуковъ, чѣмъ особенно отличается выговоръ *Долинлянъ*, которые, и по виду и по одеждѣ, гораздо больше *объугрились*. У нихъ слышится часто,

⁷—Причиною этого незванія могло быть то, что *Венецлинъ* принялъ эту фамилію уже въ послѣдствіи, желая избѣжать предстоявшаго ему духовнаго званія. Подлинная и природная фамилія *Венецлина Гуца*. Его родиною было село Великая Тибава, въ столицѣ Беречской. М. М.

наприм. Венгерскій звукъ *и* (Французское *и*). Между тѣмъ у *Горнянъ* господствуетъ тотъ звукъ *и* вмѣсто *о*, какимъ отличается выговоръ Украинцевъ и Галичанъ. Сами между собою *Горняне* прозываются *Лишаками*, а Долиняне *Лемаками*, по приговоркѣ *лишь* и *лемъ*, употребляемой ими въ рѣчи.

Есть и въ лицѣ *Горнянъ* большое сходство съ Малороссіянами. Одежда женская также напоминаетъ убранство Украиннокъ: та же сорочка, вышитая красною ниткою, и запаска съ плахтою, подвязанныя краснымъ поясомъ. Голову здѣшнія женщины повязываютъ платкомъ, подбирая подъ него всѣ волоса; между тѣмъ какъ у дѣвушекъ волосы заплетаются въ длинную косу. Но головнымъ уборомъ отъ всѣхъ отличаются женщины Мараморошскія, превосходящія всѣхъ въ Венгрии своею красотою. Тамошнія дѣвицы, заплетая волосы свои въ двѣ косы, надѣваютъ на голову красивую *парту*, сплетаемую въ видѣ толстаго и широкаго вѣнка изъ искусственныхъ цвѣтовъ и разноцвѣтныхъ гранатъ; а на лѣвой сторонѣ прикрѣпляютъ еще къ ней высокій пучекъ изъ цвѣтовъ натуральныхъ. Шею украшаютъ женщины *Горнянскія* множествомъ *монистъ*, особенно красныхъ. На ногахъ, какъ женщины, такъ и мужчины *Горскіе*, носятъ кожаные *постолы*, завязываемые черными либо красными шерстяными *волоками*. Что касается до убранныхъ мужчинъ, то у *Горнянъ* рубахи очень похожи на Великорусскія, по боковой *распѣркѣ*, и потому, что надѣваютъ ихъ поверхъ узкихъ *гѣтей*. Волоса носятъ длинные, подстригаемые только на лбу; на голову лѣтомъ надѣваютъ *клебаны* съ круглою тульею и широкими брижами. Но у мужчинъ *Мараморошскихъ* широкія *гѣти*; рубахи короткія, съ весьма широкими рукавами; всего же примѣчательнѣе въ ихъ нарядѣ чрезвычайно широкіе кожаные пояса, называемые *чѣресами*, и верхнее длинно-шерстное одѣяніе, называемое *гунею*, въ родѣ бурки съ рукавами. Женскія гуни нѣсколько короче. *Чѣресъ* переходитъ изъ рода въ родъ, по завѣщанію отцовскому.

Домъ или *хижа* у Горань строится изъ сосноваго дерева, покрывается осокою, и раздѣляется на жилую избу, сѣни и комору. Какъ внутри, такъ и снаружи хижи вымазаны и выбѣлены; но крыша отъ копоти скоро чернѣетъ; ибо домовыхъ трубъ, на домахъ нагорныхъ, обыкновенно не дѣлають.

Всегдашнія строенія при домѣ суть: *хлѣвъ* для рогатаго скота и лошадей, *кутѣцъ* для свиней. Въ особой отгородкѣ или *стожарѣ*, при домахъ стоятъ высокіе *оборѣги* сѣна, сложеннаго между четырехъ столбовъ, прикрытыхъ сверху *шапкою*. Передъ *вѣзорами*, т. е. окнами дома, стоятъ подвижные *кѣши*, сплетенные изъ прутьевъ, для сохраненія пшеницы, либо кукурузы, которая здѣсь называется *тенгеріцею* и *мелѣмъ*, и составляетъ самое употребительное хлѣбное растеніе, какъ въ горахъ, такъ и въ долинахъ. Изъ нея приготовляются не только разныя кушанья, но и пекутся хлѣбы. Потому и на поляхъ иногда встрѣчаете ее одну.

Середину села всегда занимаетъ церковь, по большей части, каменная. Близъ церкви домъ священника, домъ дьячка и сельская школа. Иногда возлѣ церкви ставится *куні* или колода; но обыкновенное мѣсто этого станка для наказанія виновныхъ, возлѣ того дома, гдѣ живетъ *бирѡвъ*, главный начальникъ села. Бирѡвъ избирается изъ знатнѣйшихъ кметей, ежегодно, сельскою *громадою*. Ему въ помощники, которые называются *божѣниками*, и въ другія общественныя должности, избираются кмети, также *громадою*, но по указанію бирова, по назначенію котораго собирается и *громада* на совѣтъ или *раду* о дѣлахъ общественныхъ.

Кмети, какъ уже сказано выше, живутъ на земляхъ владѣльческихъ, церковныхъ и коронныхъ; но принявъ ее на извѣстныхъ условіяхъ, они владѣють ею уже потомственно, только безъ раздробленія между дѣтьми, а съ передачею меньшему сыну. Обрабатывая принятую землю, кметъ за

цѣлый ея участокъ называемый по-Венгерски *телѣкомъ*, обязанъ работать на владѣльца въ годъ 52 дня пѣшихъ, или 25 тяглыхъ; давать *дѣжму*, т. е. *десятину* съ полевого сбора хлѣбнаго. Прежде была и *подымная дань*; но за нѣсколько лѣтъ передъ симъ она уничтожена.

Соразмѣрно уменьшенію принимаемой земли, противъ цѣлаго участка, и сказанная повинность кметя уменьшается. Священнику кметь обязанъ работать два дни въ годъ, и съ цѣлаго участка земли давать *двѣ опки* (*мѣрки*) лучшаго хлѣба съ своего поля.

Въ казну вносить кметь поголовную *порцію* (т. е. подать), и отбываетъ повинность рекрутскую. Количество ежегодной подати опредѣляется на королевскомъ Собраніи, бывающемъ черезъ три года, и собирается биромомъ. Отъ головы человѣка и домашняго скота платится около $\frac{1}{2}$ копейки серебромъ; впрочемъ, вмѣсто денежнаго взноса, подать принимается и воробьиными головками, и головами волчьими; волчья голова принимается въ три рубля серебромъ.

Что касается до рекрутства, то въ недавное время оно производилось такимъ порядкомъ, или лучше сказать, безпорядкомъ: на тайное повелѣніе *альишпана* (начальника столицы) поставить известное число солдатъ или *катуиъ* (съ Венгерскаго *катона*), биромъ съ своими помощниками и съ сельскою командою, въ зимнія ночи нападали на дома кметей и брали изъ нихъ силою, кого имъ было угодно. Это чрезвычайно не нравилось народу, и потому всячески избѣгали рекрутства; молодые парни, слышавъ шумъ набора, поспѣшно уходили въ лѣса, гдѣ нерѣдко и пропадали; другіе изувѣчивали себя различно, чтобъ не быть годными въ службу, или же безденежно и на неопредѣленное время отдавались въ службу къ дворянамъ и священникамъ, которыхъ служители свободны отъ рекрутства. Родители укрывали своихъ сыновей, и иногда отчаянно защищали пой-

манныхъ. Но теперь, къ великой радости всѣхъ, наборъ войска производится уже не силою, и не на неопредѣленное время, а по жеребью, на 8 лѣтъ; молодые парни, за исключеніемъ наследниковъ земли, идутъ добровольно изъ сель своихъ въ столичный домъ, и на кого падеть жеребей, тотъ охотно становится въ ряды солдатъ.

Въ сельскомъ быту рабочій день начинается звономъ колокола на молитву Пресвятой Дѣвъ; послѣ чего выходятъ на работы. Часу въ 8-мъ садятся за *обѣдъ*, т. е. завтракъ, состоящій обыкновенно изъ кукурузнаго хлѣба и *дзямы*—говяжьего отвара, подбитаго кукурузною мукою; послѣ того продолжается работа, пока на колокольнѣ второй звонъ не воззоветъ къ молитвѣ полуденной; тогда народъ садится *полуденковать* т. е. обѣдать. Обыкновенный обѣдъ состоитъ также изъ дзямы, либо изъ *киселицы*;⁶ потомъ изъ бобовъ, или картофеля. Отдохнувъ часъ, снова работаютъ до солнечнаго захода. Тогда, при звукѣ колокола на вечернюю молитву, возвращаются домой, и тамъ уже садятся за *вечерю*, на которую подается или свиное вареное мясо, или *лемгышка*, которая здѣсь дѣлается тоже изъ муки кукурузной, и притомъ двоякая: или густая, называемая *токаномъ*, или порѣже, и называется *чиромъ*; первую ѣдятъ съ овечьимъ сыромъ, или свинымъ саломъ, а вторую всегда съ молокомъ. Для питья въ Карпатахъ употребляютъ воду; Великорускаго квасу и Малороссійскаго сыровцу здѣсь не пьютъ. Изъ напитковъ здѣсь употребительны пиво и виноградное вино; но важнѣе ихъ обонхъ считается горѣлка, которую здѣсь называютъ *пѣленкою*.

⁶—*Киселица* замѣняетъ собою великорускія щи и малороссійскій борщъ; она варится изъ квасу, приготовленнаго изъ отрубей, особенно пшеничныхъ, но безъ зелени. Есть пословица: «сѣрбай Границю киселицю, не впадуйся на дурницю.» А. Д.

Всякому Рускому кметю въ Карпатахъ вольно выкуривать водки сколько угодно, для собственнаго употребленія ; что и дѣлають многіе въ небольшихъ *паленчарняхъ*. Варятъ ее всего болѣе изъ сливъ. Однако большая часть народа предпочитаетъ ту *паленку*, которою въ каждомъ селѣ торгуетъ *панъ арендаръ*. Это званіе и здѣсь принадлежитъ всегда *жидамъ*; надо однакоже отдать справедливость, что у нихъ и дворы и корчмы несравненно опрятнѣе, нежели у жидовъ Польскихъ. Корчма въ Карпатахъ посѣщается одними мужчинами. Корчемныя гулянья сопровождаются музыкою и пляскою. Ремесло музыканта принадлежитъ всегда сельскому кузнецу-*цыгану* и его семейству. Играють они на *гусляхъ* т. е. скрипкахъ и на *цымбалахъ*; но сами Русины играють болѣе на *дудахъ* т. е. волынкахъ.

Что касается до пляски, то кромѣ обыкновенныхъ Венгерокъ и національнаго Карпаторускаго танца, сопровождаемаго пѣніемъ, особенное вниманіе привлекаетъ на себя пляска горныхъ свинаярей; ставши въ рядъ, они выдѣлываютъ очень трудныя фигуры ногами, и въ то же время надъ головами своими поворачиваютъ искусно и отважно широкими, блестящими, наточенными *бѣлами* т. е. топорами, съ которыми они неразлучны, какъ Черкесь съ своимъ кинжаломъ. Пляски женскія можно видѣть только на семейныхъ праздникахъ; онѣ вообще скорыя и пылкія, но не имѣють въ себѣ ничего мимическаго.

Что касается до пѣнія, то народъ Рускій и въ Карпатахъ весьма пѣвучъ. Мужчины поють больше въ корчмахъ; но пѣніемъ женскимъ сопровождаются всегда работы сельскія. Напѣвъ здѣсь всегда почти протяжный и грустный. Нѣкоторыя пѣсни здѣсь тѣже самыя, какъ и на Украинѣ; на примѣръ: »Не ходи Грицю на вечерницю.«

А. ДЕШКО.

ЗАПИСЬ АННЫ ГОЙСКОЙ

НА МОНАСТЫРЬ ПОЧАЕВСКИЙ,

1597 года.

Выпись зъ книгъ земскихъ Кременецкихъ, лета Божого нароженя тысяча пятьсотъ девяностъ семого, мѣсяца Ноября четырнадцатаго дня.—На рокахъ судовыхъ земскихъ Кременецкихъ, въ шесть недель по святомъ Михайлѣ Римскомъ святѣ, въ року свышъ написанномъ припалыхъ и судовне отправоваться зачатыхъ, передь нами Янушомъ Жабокрицкимъ судьеоу, а Михайломъ Краевскимъ подсудкомъ, урядниками земскими Кременецкими, облично постановившия ее милость Пани Ярофеевая Гойская судина земская Луцкая Ганна Тыхоновна Козинского, ку записованю до книгъ ведлугъ листу запису добровольного фундушу наданя шести человекъ подданныхъ своихъ зо всеми землями и повинностями ихъ у селѣ Почаеве, такъ тежъ десять волокъ земли оремое и сеножатеи, лѣса подле монастыря Почаевского лежачого, на монастырь Почаевскій церковь каменную заложена Успенія Святое Пречистое сознала, яко ширей на томъ листе фундушу есть описано и доложено, который листъ подь печатью и съ подписаниемъ руки своее, такъ же подь печатьми и съ подписами рукъ людей добрыхъ, передь нами у суду положивши, просила, абы при томъ устномъ сознанию ее милости до книгъ земскихъ Кременецкихъ былъ уписанъ, которого мы до ведомости своее урядовое и для вписаня до книгъ примуючи, передь собою читати казали, и тые суть его слова:

Во имя Бога Отца Вседержителя, сотворшаго небо и землю, Сына Его едиnorodнаго, Бога нашего Откупителя нашего Иисуса Христа, и Духа Святаго, станься ку тсти и хвали Его святой во вѣки вѣчныя, ничимъ ни оть кого николи непорушно, аминь. Я Ганна Тыхоновна Козиньского Ярофеевая Гойская судиная земская Луцкая чиню явно и ознаймую симъ моимъ листомъ каждому, кому того потреба вѣдати, альбо чтучи слышати, нынешнимъ и напотомъ будучимъ: ижъ маючи я уставичне передь очима повинность свою христіанскую, памятуючи на приказане Божое, ведле котораго естли каждый человекъ съ повинности своей отдавати ест повинень тое, што надлежитъ ближнему своему, кольми паче больше того ест повинень отдавати водле наибольшого преможеня своего то, что ест повинень Богу Сотворителю своему, ку чти и размноженю хвалы Его святое; про то и я зъ добрымъ а статечнымъ розмысломъ моимъ, не будучи до того ни чимъ ни оть кого намовлена, а ни примушова, але зъ доброе воли моее, а то наибольше для размноженя хвалы Божое чинечи, съ тое маестности, которою мене Панъ Богъ одарить рачиль, маючи вольность ведлугъ права посполитого, тымъ яко власностию своею шафовати, маючи оть давнихъ часовъ въ маестности моей при селе Почаеве церковь каменную заложена Успенія Святое Пречистое Богоматере, при которой церкви ижъ бы уставичная хвала Божая была, умыслила есми монастырь збудовати и его фундувати такимъ обичаемъ, абы у томъ монастыри чернецовъ людей добрихъ, побожного живота, ни якого иншого закону только Греческого Восточной церкви послушенства, личбою осимъ, и дяковъ два, и для выживеня ихъ въ томъ монастыри будучихъ, на тую церковь Успенія Святое Пречистое и на монастырь при ней будучій, надаю и надала есми вечными часы, николи одъ мене самое и потомковъ моихъ, по мнѣ тую маестность мою имеще Почаевъ держачихъ, и ихъ потомство непорушно, то ест меновите

въ томъ имени моемъ Почаеве, подданныхъ оселыхъ на горѣ противко двора моего Почаевского челоуѣковъ шесть, меновите: Калько, Антопъ Бирличъ, Васько Бирличъ, Игнатъ Дасчинъ, Лукашъ, Гриценя Швець, зъ ихъ дворищами; и до того тежъ грунту поля оремого и неоремого зъ дубровою на тыхъ волокахъ будучою, всего волокъ десять на три руки, въ каждой руке по десяти резовъ; къ тому лесъ, который водле тоежъ церкви есть зъ полемъ и сеножатями, по знакахъ певныхъ, то есть почавши отъ дороги Гостинца, которая идетъ зъ Почаева мимо плесо мое дворное до Дунаева однимъ бокомъ отъ села Почаева длиною зъ знаками и концами, которыхъ концовъ усыпано есть длиною семь, а отъ тыхъ концовъ просто дорогою, которая идетъ черезъ лесъ, усыпано концовъ десять, а зъ лесу, выѣхавши полемъ до тоежъ дороги Гостинца, которая идетъ зъ Почаева до Дунаева, и тоею дорогою Гостинцемъ ажъ до тое долины и тыхъ концовъ усыпано концовъ шестнадцать, всихъ концовъ коло монастыря лесу поля сеножети концовъ тридцеть и два; кромъ тыхъ десяти волокъ поля и иншого грунту, а особливе на каждый рокъ зо всихъ добрь моихъ до орлее належачихъ и на опатревье тое церкви, и монастыря и чернецовъ, на каждый рокъ давана быти маеть сума пинензей по тридцети копъ грошей Литовскихъ; до того тожъ десятина зо всякого збожа дворного Почаевского на каждый рокъ тымъ чернецомъ до монастыря давана быти маеть вечными часы; а тые шесть челоуѣка и волокъ десяти и леса зъ сеножатями, якося выше поменило, отдала есми вечными часы на тую церковь менованную и на монастырь зъ тыми повинностями роботами платы доходами, ничего на себе и потомки мои незоставуючи, и отъ того всего, якося выше поменило, наимей неуймуючи, неуменьшиваючи, маеть тая церковь и монастырь во имени моемъ Почаеве, и тые вси пожитки менованные къ нему вечно наданные вечными часы и на веки ни одъ кого непорушно, въ томъ тако-

вомъ порядкѣ отъ мене зъ печатью и съ подписомъ власное руки моее назначономъ описаномъ вечными часы трвать, и ничимъ ся ни презъ кого неотменити; а тые пріятеле мое, которые бы тую маетность мою по мне держали и ихъ потомство, такъ же и иншіе подданные мое, такъ близкіе, яко и далекіе, и ни хто тое церкви при ней монастыря пустошити и вшеякого порядку и наданя отъ мене постановленого казити, розривати, а особливе старшому и дозорци игуменови того монастыря, и всимъ тымъ чернцомъ въ монастыри мешкающимъ, ничего ку кривди и ку обтяжливости вечными часы чинити; и того всего, якося выше поменило, а ни тежь части якое отъ церкви и монастыря одоймовати въ нимъ подданныхъ, а ни въ пожитки будь великіе яко въ малые вступовати, до работъ своихъ подводъ доплатовъ и пожитковъ примушати судити радити, винь а ни пересудовъ брати, и подданныхъ тыхъ монастырскихъ до именей своихъ пріймовати, вечными часы николи не мають и не будутъ мочи; а тая церковь и монастырь и тые вси подданные и грунтъ и вшеякіе пожитки мають быти въ заведоване и держане даваны и злецоны завжды челоуѣкови игуменови вѣры христіанской послушенства Восточной церкви и святого розказованя закону нашего Греческого, въ побожномъ животе и во всякихъ справахъ уцтивыхъ досвичоному, тихому скромному уклонному трезвому, маетности збитное надъ выживенье и одежу не потребуячому, въ лѣтехъ статечныхъ дошлому; а упатруючи и видячи то съ причинъ певныхъ на передь абы о подаваню тое церкви и монастыря и тыхъто подданныхъ къ грунту до тое церкви належачихъ, для якое колькакъ незгоды припалое затруднене не уросло и (стрежь Боже) абы ку розерваню и знищеню того дому убогого церкви и всее побожное и такъ святобливое справы не пришло, такъ то по моему животе мети хочу, зоставую и злецаю пріятелеви моему, который тую маетность по мне держати будеть и потомкомъ его вечными часы, абы онъ

будучи однако владство изъ черницами оногo монастыря сполечне ся згодиши, тую церковь и монастырь съ тыми всеми пожитками и подданными чelовикови такому и ненакшному послушенства Восточной церкви закону Греческого игуменови черицови, якося выше поменило, завжды вечными часы подаваль, и вшеякаго порядку побожного христіанского догледалъ, и отъ кривдъ утисковъ игумена и всихъ чернцовъ мешкаючихъ въ томъ монастыру, такъ тыжь подданныхъ грунту борониль; а если бы межи игуменомъ и черницами якая незгода въ ихъ справахъ чернецкихъ была, теды пріятель тотъ мой, который тую маетность мою держати будеть, маеть имъ на разсудокъ до владыки, который бы не иншого закону только Греческого Восточной церкви былъ, одослати. А брата сестри близкіе кривные подданные мое и ихъ потомки и вранники вечными часы въ тотъ монастырь, во вси пожитки къ нему поданные въ суме на тыхъ всихъ особъ монастыру належащихъ и выше писаныхъ, ни чимъ вступовати, подданныхъ и пожитковъ одымовати подъ справу разсудокъ подъ жадную владзу собе привласчати, а ни въ тое подаване жадными причинами правными и неправными яко кольвекъ вынайденными, а ни якихъ кривдъ а ни шкодъ чинити не мають и мочи николи надъ волю мою не будутъ; гдыжь мы то все водле права Божого и вшеякаго христіанского свецкого учинили, а власностью куплею набытьемъ мнимъ поцтивымъ шафовати есть вольно, але тотъ игумень, которому то они посподу зъ черницами того монастыря злецати и подадутъ, и тые вси черницы, до того монастыря належаціе, зъ тыми всеми подданными и пожитки не мають быти подъ властю и послушенствомъ того державци добръ Почаева; а будучи тотъ то игумень кому то повѣрено будеть во всемъ цнотливе, вѣрне, побожне, а порядне заховати, и тотъ монастырь и церковь и чернцовъ опатровати и приодѣвати маеть, гдѣбыся тежь и отъ подданныхъ пріятели моихъ и ихъ потомства и одъ когожь коль-

векъ много вступованю въ тотъ монастырь въ тые подданные въ грунтъ и въ пожитки на монастырь вечно одъ мене наданные особы до монастыря належачіе, або о подованю того монастыря и въ якихъ же кольвекъ речахъ кривды и шкоды дѣяли, надъ сее добровольное надане и постановленье мое, подданные приятели мои и ихъ потомство и кождыхъ таковыхъ, хтобы штожь кольвекъ ку кривди учинилъ, тогда умоцияючи тимъ певній и грунтовней волю и сее постановленье мое, которое абы ся ничимъ намней николи вечными часы ни одкого неотменило, приятеле повинные мое и ихъ потомство, альбо тые кому того монастыря подаванье злецила и хтожь кольвекъ надъ волю и постановленье мое ку кривди того монастыря учинилъ, и сей добровольный листъ мой, и тотъ таковой христіанскій побожный порядокъ въ чомъ же кольвекъ намней нарушилъ, тогда позываю кождого такового на страшный справедливыи и нелицемирный судъ, предъ маестать Божій, ку декретови Его святому, и тамъ ся ото кождый таковой зомною разсудити масть, и будетъ повинень; на такового кождого, хтобы кольвекъ тую волю мою ку кривди того монастыря въ чомъ кольвекъ нарушилъ, нехай заставаеть анаема и всякое неблагословенство зъ прокляцтвомъ. И на то дала есми сей мой листъ добровольный фундушъ зъ моею печатью и съ подписомъ власной руки моее; при томъ были и того добре сведоми и за устною а очевистою прозъбою моею печати своее приложити и руки свое власные подписати рачили, ихъ милость панове, а приятели мои: его милость панъ Макаръ Ледоховскій писарь земскій Кременецкій, панъ Василей Малинскій, панъ Кондрать Хорошко, а панъ Григорій Баковецкій. Писанъ въ Почаеве року по нароженю Сына Божого тысяча пятьсотъ девяностъ семого, мѣсяца Ноябрь четвертогонадцать дня.

У того листу печатей пять, а подпису рукъ въ тые слова: Ганна Козинского рука власная, Макаръ Ледохов-

скій писарь земскій Кременецкій власною рукою, Василей Елович Малинскій власная рука, Кондрать Хорошко власною рукою, Григорій Мокосѣевич Баковецкій рукою вл.

Который же то листъ на монастырь Почаевскій надлежацій, устнымъ очевиднымъ сознаньемъ ее милости Панее Ярофиевое Гойское во всемъ стверженный, до книгъ земскихъ Кременецкихъ записати казали, съ которыхъ и сей выпись подъ печатми нашими, то есть мене Яна Горанна судьи, а Михаила зъ Козельска Пузыны подсудка, и съ подписомъ руки мене Яна Болъбаса Ростоцкаго писаря, урядниковъ судовыхъ земскихъ Кременецкихъ, въ року теперешнемъ тысяча шестьсотъ чотыредесять первомъ, подъ часъ суженя роковъ въ шесть недѣль по святомъ Михайли, есть выданъ, писанъ въ Кремянцу. Корриговаль Романкевичь.

(Эта записъ, относящаяся къ первоначальной исторіи монастыря Почаевскаго, напечатана здѣсь съ формальной выписи, данной изъ Кременецкаго Гродскаго суда, 1662 года Февраля 1-го дня, Почаевскимъ законникамъ (т. е. монахамъ), по опредѣленію тогдашнихъ урядниковъ судовыхъ: подстаросты Александра Хриницкаго, судьи Александра Фрикаса и писаря Андрея Поморскаго, за подписомъ реента земскаго повѣта Кременецкаго Свѣтоляскаго).

О КРЕМЕНЕЦКОМЪ ЗАМКЪ.

Кременецъ есть одинъ изъ древнихъ городовъ бывшаго Владимірскаго или Волынскаго княжества. Имя свое получилъ онъ, конечно, отъ свойства земли, его окружающей, поверхность которой, особливо съ сѣверной стороны, усѣяна кремнями. Ни основатель его, ни время основанія неизвестны. Известно только, что въ 1240-мъ году, когда Батый разрушительною грозою прошелъ отъ восточныхъ до западныхъ предѣловъ Руси, Кременецъ противостоялъ ему: Татары, разорившіе Кіевъ, Каменецъ, Галичь, Владиміръ и другіе города, отступили съ неудачею отъ Кременца.¹

Черезъ пятнадцать лѣтъ Куремша, Татарскій стражъ береговъ Днѣпровскихъ, не былъ счастливѣе Батыея при вторичномъ приступѣ къ городу Кременцу. Но вскорѣ послѣ того, именно въ 1261 году, Бурундай, преемникъ Куремши, принудилъ князя Василька разметать стѣны Кременца и Луцка.

Возобновителемъ Кременца былъ, можетъ статья, Іоаннь-Владиміръ Васильковичъ, племянникъ Даниловъ, или наследникъ его Мстиславъ Даниловичъ, при которыхъ, въ концѣ 13-го столѣтія, Галичь и Волынь успѣли отдохнуть отъ истомы, славя мудрость своихъ князей.

¹—Въ Кіевской лѣтописи сказано: «видѣвъ же Кременецъ, градь Даниловъ, яко не возможно пріяти ему, и отыде отъ нихъ.» Тамъ же находится первое упоминаніе о Кременцѣ подъ 1226 годомъ: «приде (король) ко Кремлянцу, и бися подъ Кремлянцемъ, и много Угоръ избивша и раниша.» М. М.

Въ 14-мь вѣкѣ, именно около 1340 года, Казиміръ III, король Польскій, сынъ Владислава Локетка, воспользовавшись скоропостижною смертію княжившаго тогда въ Галичѣ Болеслава, сына Тройденова, завладѣлъ его областью; и города Червенскіе, а съ ними и Кременецъ, должны были присягнуть ему на подданство. Довольный своимъ успѣхомъ и сокровищами прежнихъ князей Рускихъ, перевезенными изъ Львова въ Краковъ, Казиміръ заключилъ мирный договоръ съ князьями Литовскими, уступивъ Кей-стуту Брестъ, а Любарту Холмъ, Луцкъ и Владимиръ; Кременецъ же остался тогда въ залогъ у племянника ихъ Юрія Наримовтовича. Недолго однако же тотъ договоръ оставался ненарушеннымъ: послѣ новыхъ междоусобій Литовскихъ князей и войны съ Казиміромъ, Кременецъ перешелъ во власть Любарта, который въ 1366-мь году уступилъ его Казиміру по договору.

Съ того времени Кременецъ съ другими Волынскими замками находился подъ Польской короною, имѣя своихъ чиновниковъ и гарнизонъ; но въ 1382-мь году, по смерти Людовика, короля Венгерскаго и Польскаго, городовые старосты, большею частью, Венгры, назначенные Людовикомъ, видя, что имъ трудно будетъ удержаться въ чужой собственности, вступили въ переговоры съ Любартомъ, и отдали ему всѣ замки, взявъ съ него условленную сумму. По этому поводу, при Ягеллонахъ, возникъ за Волынь долговременный споръ между Польшею и Литвою: первая считала Волынь завоеваніемъ Казиміра, и слѣдственно своею собственностью; а вторая, утвердившись въ дѣйствительномъ обладаніи Волынью, не хотѣла уступить своихъ правъ корыстолюбивой сосѣдкѣ. Даже и соединяясь по временамъ подъ одну и ту же верховную власть, Польша и Литва не прекращали своего спора: одна закликала короля возвратить ей утраченную землю; другая возлагала на него же обязанность не только не уменьшать, но еще распространять предѣлы своего княжества. Споръ этотъ

продолжался до окончательнаго соединенія Польши съ Литвою, при Жигимонтѣ-Августѣ.

Между тѣмъ Кременецъ иногда служилъ темницею Литовскимъ государственнымъ преступникамъ. Самъ братъ короля, князь Свидригайло, пораженный воеводою королевскимъ Петромъ Шафранцемъ, былъ содержимъ въ Кременецкомъ замкѣ, пока, преклонивъ на свою сторону стражу и умертвивъ Кременецкаго старосту Конрада-Поляка, убѣжалъ въ Молдавію въ 1418 году.

Частыя и почти непрерывныя вторженія Крымскихъ Татаръ въ предѣлы Волыни и Подолья, особливо же во второй половинѣ 15-го вѣка при королѣ Казимірѣ IV-мъ, заставили тогдашнее правительство привести въ лучшее оборонительное состояніе замки, въ томъ числѣ и Кременецкій. Это послѣдовало въ 16-мъ вѣкѣ при королѣ Жигимонтѣ I-мъ и при королевѣ Бонѣ, именемъ которой называется у простаго народа и самый замокъ, хотя королева Бона никогда не живала въ Кременцѣ. Тогдашнее устройство замка было слѣдующее. Два деревянныхъ моста, дѣлившіеся на городни или звенья, составляли единственный проѣздъ въ замокъ и оканчивались предвѣздною башнею, въ которой помѣщалась стража. Самый вѣздъ состоялъ изъ подъемнаго моста и воротъ, проходившихъ подъ другою великою башнею, внизу которой находились погреба, а сверху покои со сводами, сдѣланными наподобіе колпака. Третья башня, называемая *червленною*, стояла съ лѣвой стороны этого новаго вѣзда; и показывала слѣды прежняго, въ то время уже уничтоженнаго. Внутри обводной стѣны, довольно толстой и сложенной изъ камня, но покрытой деревяннымъ навѣсомъ, стояли два дома, построенные изъ крѣпкаго дерева. Одинъ изъ нихъ, назначенный для жилья, посредствомъ сходовъ имѣлъ сообщеніе съ большою подъездною башнею; а въ другомъ, отдѣльномъ, помѣщались, въ трехъ каменныхъ погребахъ, селитра и по-

рохъ. Вверху надъ погребамн были жилые покои; а на самомъ верху бойница, съ которой можно было защищать на три стороны и замокъ и городъ. Далѣе находились девять кладовыхъ для състныхъ припасовъ, съ девятью отдѣльными кровлями. Водотоки этихъ кровель собирали дождевую воду и посредствомъ трубъ передавали въ нарочно для того устроенный водоемъ, котораго каменные стѣны были обложены деревомъ и облиты смолою. Такая мѣра была необходима въ замкѣ совершенно безводномъ; ибо всѣ покушенія устроить колодезь остались безуспѣшны, по причинѣ необыкновенной твердости горной скалы. Позади кладовыхъ находилась кухня; а на самой срединѣ горы и обводной стѣны была устроена пороховая толчея съ шестью пестами по *Импецкому способу*, такъ что одинъ человекъ могъ легко приводить ее въ движеніе, и посредствомъ колеса производить успѣшно работу. На всѣхъ постройкахъ и на обводной стѣнѣ замка, были разставлены пушки, числомъ двадцать девять, а именно: четыре сокола, двѣ мортиры, двадцать два *фалконета*, и одинъ *лицкъ*. Сверхъ того, въ замкѣ было и ручное оружіе: десять *гаковницъ* и тридцать три *ручницы* съ надлежащимъ приборомъ. Запасъ пороху, пуль, свинцу, сѣры и уголья, былъ такъ великъ, что въ этомъ отношеніи не только замки Луцкій и Владимирскій, но и десять другихъ не могли бы равняться съ Кременецкимъ. Такъ описанъ Кременецкій замокъ, свидѣтельствовавшимъ его дьякомъ (секретаремъ) короля Жигимонта I-го, Львомъ Паткевичемъ-Тышковичемъ, въ 1542-мъ году.

Достойно примѣчанія, что въ замкѣ находилась въ то время Православная церковь во имя св. Николая, съ напрестольнымъ образомъ св. Преображенія Господня, основанная какимъ-то Гавриломъ Денисовичемъ. Виленскій бискупъ князь Янушь, родственникъ Жигимонта, стараясь о прочности и неприступности замка, приказалъ было внутри подъ стѣнами копать ровъ, съ намѣреніемъ подпереть

стѣны крѣпкими контръ-эскарпами, а во рву построить зданія, въ которыхъ во время осады могли бы укрываться люди и съѣстные припасы. Работа была начата и земля высыпаема была за обводную стѣну со стороны горы Чернчей, откуда былъ самый выгодный для осаждающихъ и самый опасный для осаждаемыхъ приступъ. Но это предпріятіе осталось неконченнымъ; выкопанный ровъ засыпался такъ, что и слѣдовъ его теперь почти невидно, а земля улеглась, покрылась травою, и представляла какъ бы самородный бокъ замковой горы. Но 1785 годъ былъ необыкновенно дождливъ; все размокло въ Кременцѣ, и 20-го Августа глухой, но сильный шумъ, сопряженный какъ бы съ землетрясеніемъ, поразилъ ужасомъ жителей города; смотреть—сѣверный бокъ горы сдвинулся съ мѣста, и составилъ внизу холмъ, доселѣ видный. Никто не зналъ тогда, что это осунулась земля, слишкомъ за 250 лѣтъ передъ тѣмъ насыпанная.

Въ 17-мъ столѣтіи состояніе укрѣпленій Кременецкаго замка уже не было таково, какъ его описалъ Паткевичъ. Обязанность починки и поддержки замка лежала на земскихъ владѣльцахъ повѣта, которые подъ разными предлогами старались уклоняться отъ такой повинности и допускали неисправность, порчу и разрушеніе; содержаніе же гарнизона зависѣло отъ старостъ, которые вмѣсто его довольствовались двумя сторожами для возки на гору воды. Потому не удивительно, что въ 1648-мъ году, послѣ побѣды Корсунской, козаки, подъ начальствомъ полковника Максима Кривоноса и сотниковъ Васильева и Костенка, такъ легко овладѣли Кременцемъ.

Съ той поры стѣны замка, не имѣя другихъ непріятелей, кромѣ вѣтровъ, дождей и громовъ, уже два столѣтія платять постоянную дань разрушенію.

Что касается до нынѣшняго города Кременца, то онъ лежитъ у подошвы горы, на которой еще видны слѣды города древняго. Со всѣхъ сторонъ окружаютъ его горы, въ видѣ амфитеатра, изъ которыхъ однѣ покрыты лѣсомъ и кустарниками; а другія изъ подъ пріятной зелени обнажаютъ свои каменные утесы. Покатость и промежутки этихъ горъ, отросли Карпатовъ, образуютъ неправильную долину, на которой разстилается нынѣшній Кременецъ. Разбросанные по косогорью домики почти всѣ окружены садами. Въ серединѣ города возвышается зданіе, воздвигнутое въ 1746-мъ году князьями Вишневецкими для Езуитовъ. Кажется, сама природа предназначила этому мѣсту быть укромнымъ пріютомъ для наукъ. Въ этомъ зданіи помещался въ послѣдствіи знаменитый Волынской лицей;² а въ настоящую пору находится въ немъ Волынская духовная семинарія.

Населенность Кременца, состоящая преимущественно изъ жидовъ, невелика; торговые обороты его, не смотря на сосѣдство съ Галиціею, незначительны. Но красивое мѣстоположеніе города, живописныя развалины его древняго замка и близость знаменитой Почаевской Лавры, привлекаютъ къ нему любопытныхъ путешественниковъ.

В. ДОМБРОВСКІЙ.

1845 г.

²—Волынской лицей былъ основанъ въ Кременцѣ, по настоянію Чацкого, вмѣсто вышшаго училища, предложеннаго въ Кіевѣ; однако въ 1833 году онъ послужилъ матеріаломъ для учрежденія въ Кіевѣ университета св. Владиміра. Въ Исторіи Кременца, относительно просвѣщенія, можно замѣтить еще то, что здѣсь въ 1638 году производилось книгопечатаніе Славянское, какъ свидѣлствуютъ три изданія Кременецкія 1638 года: *Грамматика или письменница языка Словенскаго; Синодъ (соборъ) въ року 1638 въ церкви Капедраальной Луцкой отправоваый; О мистиріяхъ или тайнахъ вполнитости* (сочиненіе Сильвестра Коссова, предложенное на Могилевскомъ Соборѣ 1637 года). М. М.

О ГОРОДѢ СТЕПАНЬ.

=

«А се города Волинскіе: *Степань на Горыни.*» Такъ сказано въ извѣстномъ Спискѣ Рускихъ городовъ, составленномъ въ началѣ 15-го вѣка. А изъ Волинской летописи извѣстно, что Степань въ 13-мъ вѣкѣ была удѣльнымъ городомъ Рускихъ князей. Вотъ что говоритъ она, подъ 1292 годомъ: «тоеже зимы преставися *Степаньскій* князь Иванъ, сынъ Глѣбовъ; плакахуся по немъ вси людье, отъ мала и до велика; и нача княжити въ него мѣсто сынъ его Володимеръ.» Древнѣе этого года не поминается Степань въ летописаньи Рускомъ; безъ сомнѣнія, онъ значился прежде подъ общимъ именемъ городовъ Погорынскихъ.

Въ 16-мъ вѣкѣ Степань принадлежала къ обширнымъ владѣніямъ князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы Кіевского. Въ то время онъ красовался огромнымъ каменнымъ замкомъ, стоявшимъ на возвышенности, которая восточною стороною своею прилегла къ рѣкѣ Горынѣ, а съ другихъ сторонъ была обведена высокимъ валомъ. Въ этомъ замкѣ проживаетъ бывало нѣсколько дней Стефанъ Баторій, когда проѣзжаетъ черезъ Волинь. Тамъ пробылъ два дни и Петръ Великій, въ мартѣ мѣсяцѣ 1711-го года, и отпраздновавъ св. Благовѣщенье, отправился оттуда въ Луцкъ на свиданье съ королемъ Августомъ.

По раздѣлу Острожскаго Княжества между сыновьями князя Константина Константиновича, Степань, вмѣстѣ съ Острогомъ, достался на долю князя Януша, кастеляна Краковскаго. Послѣ него онъ переходилъ во владѣніе князей Любомирскихъ, Сангушковъ, и наконецъ достался графу

Ворцели. Во второй половинѣ 17-го вѣка, Степань считался уже мѣстечкомъ, какъ и теперь онъ считается въ уѣздѣ Ровенскомъ.¹ Отъ замка Степаньскаго остались только развалины.

Но есть тамъ еще одинъ предметъ достойный исторической поминки: пустынное урочище, на лѣсистой возвышенности, надъ Горынью, въ трехъ верстахъ отъ Степаня, называемое *Монастырщиною*. Это названье, вмѣстѣ съ каменными остатками бывшаго тамъ жилья, свидѣтельствуешь, что тутъ нѣкогда былъ монастырь. Но когда и какой былъ это монастырь, и чѣмъ замѣчательнъ онъ былъ въ свое время, объ этомъ ничего еще не сказала намъ исторія. И много есть, особливо на правой сторонѣ Днѣпра, такихъ запустѣлыхъ урочищъ, съ названьемъ *Монастырька* или *Монастырища*; и нерѣдко только этимъ названьемъ ограничивается вся память, вся исторія бывшихъ тамъ обитателей.

Монастырь *Степаньскій* потому уже замѣчательнъ, что онъ принадлежалъ первѣйшему тогда поборнику православія и просвѣщенія Рускаго, князю *Острожскому*. Честь открытiя этого монастыря для исторiи принадлежитъ любознательному протоіерею Аванасію Лотоцкому. Лѣтъ за десять, онъ нашелъ «Ивентарь Степаньскаго монастыря», писанный на Польскомъ языкѣ 1627 года 11-го марта, Адамомъ Злотолинскимъ, управителемъ Степаньскимъ. Въ началѣ этого ивентаря означены всѣ *листы* (то есть письма) двухъ князей Острожскихъ, относящiяся къ Степаньскому монастырю; именно: семнадцать писемъ князя *Константина* (съ 1572 по 1607) и семь писемъ князя *Яну-*

¹. — Къ Ровенскому уѣзду принадлежать и *Пересопница* и *Дубровица*, бывшія нѣкогда также удѣльными княжескими городами. Обыныхъ статьи помѣщены въ 1 кн. Киевлянина. Тамъ, говоря о *Пересопницкомъ монастырѣ*, я сказалъ, что основателемъ его «можетъ быть былъ князь *Ф. М. Черторыйскій*». Но изъ мѣнковой записи Пересопницкаго игумена Платона 1490 года (напечатанной въ *Памятникахъ* Киевской комиссiи Т. I. 1844 г.) видно, что этотъ монастырь существовалъ еще въ 15 вѣкѣ.

ша (съ 1609 по 1620). Потомъ, исчислены подробно всѣ зданія и всѣ вещи, духовныя и мірскія, и все хозяйство обители. На концѣ инвентаря читаемъ собственноручную подпись: »Исакій, милостію Божіею, Епископъ Луцкій и Острозскій, Строитель монастыря Степанского, рукою власною.«

Такимъ образомъ бытіе Степаньской обители становится виднымъ въ продолженіе пятидесяти пяти лѣтъ. Она была основана во имя св. Архистратига Михаила. Церковь Михайловская, съ придѣломъ св. Георгія, не отличалась богатствомъ, но имѣла все необходимое. Въ монастырскихъ домахъ и во всемъ хозяйствѣ, также было простое довольство безъ роскоши. Изъ писемъ князя Константина видно, что монастырю постоянно назначалась *десятина* всякаго хлѣба, со всѣхъ полей Степаньскаго замка; двенадцать ведеръ меду изъ *подклитей* замковыхъ; да еще хлѣбъ съ мельницъ. По временамъ монастырю назначались въ услуженіе мѣщане Степаньскіе; а съ 1559 года дано было село *Мидско* (въ 10 верстахъ отъ города), съ озеромъ, мельницею и съ медовою данію. Въ 1601 году монастырь получилъ отъ князя позволеніе завести возлѣ Степаня, на урочищѣ *Липникахъ*, сельцо *Монастырскую Вольку*, «для новопришлыхъ людей.»² Въ 1603 году придана была монастырю еще земля, называемая *Лобникомъ*.

Когда именно начался монастырь Степаньскій, это неизвѣстно. Но въ 1572 году, съ котораго становится

²—Сельцо *Волька* существуетъ донынѣ. Первоначальнымъ поселенцамъ въ 1601 году дано было воли на восемь лѣтъ; а потомъ еще на два года. Въ 1627 году считалось тамъ монастырскихъ подданныхъ 12, обязанныхъ работать монастырю «панщины» по 2 дня въ недѣлю, платить «чиншу» по 42 литовскихъ гроша съ двора, и давать по барану въ годъ, да по курицѣ къ празднику Рождества Христова. Почти каждый изъ этихъ подданныхъ имѣлъ отъ монастыря «позволокн» земли, то есть 7 десятинъ. Кромѣ *Вольки*, въ 1621 году Степаньскому монастырю принадлежала еще деревушка *Бѣлме Береш*, съ 6 подданными.

виднымъ его бытіе, настоятелемъ его былъ игумень *Сильвестръ*; а въ 1596 году архимандритъ *Исакій*, какъ видно изъ такъ-называемой «Густинской Лѣтописи», въ которой между православными архимандритами, бывшими на Брестскомъ Соборѣ, помянуть *Исакій Степаньскій*.⁵

Съ 1599-го года въ Степаньской обители являются православные митрополиты и епископы. Въ этомъ году князь *Константинъ Константиновичъ* водворилъ въ своемъ монастырѣ митрополита *Луку*, который и находился здѣсь около трехъ лѣтъ. Конечно, это былъ тотъ *Бльградскій* митрополитъ *Лука*, который вмѣстѣ съ княземъ защищалъ православіе на Брестскомъ Соборѣ. На мѣсто *Луки*, въ 1603 году, поступилъ въ Степаньскій монастырь *Иеремія*, митрополитъ *Пелагонскій*. Въ 1606 году настоятельствомъ здѣсь епископъ, не названный по имени, можетъ быть, тотъ самый владыка *Мокачевскій*, который находился въ Степаньскомъ монастырѣ 1610 года. Не одно-ли это лицо съ епископомъ *Амфилохіемъ*? Или же то былъ другой владыка изъ Руси Закарпатской?

Какъ бы ни было, но для исторіи важно и ново здѣсь то, что въ Степаньскомъ монастырѣ имѣли свое пребываніе Задунайскіе митрополиты и Закарпатскіе епископы въ ту именно пору, когда православная митрополія Кіевская была безъ своего митрополита; а за смертью *Гедеоиа Балабана Львовскаго* (въ 1607 году) и *Михаила Копыстенскаго Перемышльскаго* (въ 1612 году), оставалась уже и безъ епископовъ. Такимъ образомъ, въ ту печальную годину православная паства Южной Руси не совсѣмъ еще была безъ пастырей, благодаря попечительности *святопамятнаго* князя *Острожскаго*: его Степаньская обитель была надежнымъ мѣстомъ, откуда Южнорускія православныя церкви могли получать своихъ служителей.

⁵—См. *Полн. Собр. Рус. Лѣт.* т. II, СПб. 1843 с. 372.

При возстановленіи Православной Кіевской митрополіи, въ 1620 году, на епископство Луцкое и Острожское посвященъ былъ *Исакій Борисковичъ*, игумень Черничцкаго монастыря,⁴ одинъ изъ первыхъ основателей и ревнителей Луцкаго Крестовоздвиженскаго Братства.⁵ Въ санѣ епископа онъ сталъ и строителемъ монастыря Степанскаго (также какъ епископъ Паисій Инполитовичъ былъ тогда »строителемъ монастыря Млецкаго«; а архіепископъ Псаія Копинскій считался »архимандритомъ монастырей Заднѣпрскихъ)⁶. Строительство Исакія, какъ видно, кончилось въ 1627 году, и вѣроятно, было уже послѣднимъ для монастыря Степаньскаго. Еще князь Янушь Острожскій, поддерживая все, что было установлено отцемъ его для Степаньскаго монастыря, не разъ писалъ къ разнымъ лицамъ о защитѣ его отъ нападеній Чаплица, жившаго въ Космачевѣ (въ 20 верстахъ отъ Степана).

Что касается до церквей въ самомъ Степанѣ, то онѣ оставались непреклонными къ Уніи до исхода 17-го вѣка. Тогда было ихъ четыре: Троицкая, Успенская, Никольская и Преображенская. При Троицкой церкви, бывшей съ давняго времени соборною, содержалась школа и богадѣльня; грамотою епископа Аванасія Шумлянскаго (отъ

4.— Черничцкій или Черницкій монастырь, прежде мужескій, а съ 1652-го года женскій, находился возлѣ Луцка, надъ рѣкою Стыромъ, на островку окруженномъ глухимъ болотомъ. На его мѣстѣ есть деревянная Спаская церковь.

5.—См. въ *Кіевлянинѣ* кн. II, 1841 с. 319 и 322.

6.—См. въ книгѣ *Απολλεία Απολλοίν*, К. 1628, на оборотѣ 8 листа. Тамъ, между подписями Псаія и Паисія, находится подпись: „Исакій Борисовичъ, Епископъ Луцкій и Острожскій.“ Если бы онъ тогда былъ *строителемъ* Степаньскаго монастыря, то конечно бы включилъ это въ свой титулъ, по примѣру двухъ другихъ владыкъ. Притомъ же, Исакій съ 1628 года постоянно виденъ въ Кіевѣ, и кажется, только съ титуломъ Епископа Луцкаго и Острожскаго, безъ дѣйствительнаго управленія своею епархією,—какъ это было и съ 1623 года, по причинѣ гоненій на него со стороны неправославной.

8 сентября 1688 года) была подтверждена при ней протопопъ и весь прежній порядокъ.

По стародавнему обычаю Южнорускаго края, и теперь еще, при оставшихся трехъ Степанскихъ церквахъ, существуютъ братства, пекущіяся о благосостояніи своихъ храмовъ. Между прочимъ, они заботятся съ особеннымъ усердіемъ объ ихъ освѣщеніи: передъ мѣстными образами всегда находятся по четыре огромныя, трехпудовыя свѣчи, возобновляемыя въ Страстную седмицу.

Кромѣ этихъ трехъ церквей, изъ которыхъ одна только каменная, въ Степани есть еще католическій костель, существующій съ 17-го вѣка, и жидовская каменная синагога, вѣроятно, въ томъ же вѣкѣ построенная. При этой послѣдней находится Еврейскій магодъ или магидъ, то есть рабинъ-рабиновъ¹¹.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

1848 г. К.

¹¹.— Объ этомъ см. подробности въ *Wspomnienia Wolynia, Polesia, Litwy*, przez S. Kraszewskiego, t. I. Wilno, 1840.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА.

Первое упоминание о св. Ольгѣ встрѣчаемъ въ начальномъ лѣтописцѣ Кіевскомъ подь 903 годомъ: «Игорь выросъ, говорить лѣтописецъ, ходилъ по Олегъ, слушался его, и привели ему жену изъ Пскова, именемъ Ольгу.»¹ Странно, что лѣтописецъ, монахъ, для котораго Ольга, *детища спасенія*, была уже такимъ священнымъ лицомъ, не умѣлъ или не хотѣлъ сказать объ ней ничего подробнѣе—знакъ, что въ его время уже не существовало болѣе объ этомъ предметъ никакихъ преданій, и что подробности о происхожденіи Ольги, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ памятникахъ, суть позднѣйшія сочиненія. Если бы впрочемъ мы захотѣли приписать важность этимъ позднѣйшимъ извѣстіямъ, то не могли бы вывести изъ нихъ ничего определеннаго, потому что одни приписываютъ ей Варяжское, а другіе Славянское происхожденіе.² Каково

¹—Пол. собр. Рус. лѣт. I, стр. 12.

²—Источники Стенной книги, Миней, говорятъ о Варяжскомъ происхожденіи; источники Ядра Россійской Исторіи и такъ-называемой Іоакимовой лѣтописи, которые могли быть также древни, какъ и первые, говорятъ, что Ольга была родственница Гостомысла, слѣд. Славянка.

Лѣтописи молчатъ вообще о происхожденіи; самое Псковская лѣтопись ничего объ немъ не знаетъ. Мнѣніе о Варяжскомъ происхожденіи Ольги можетъ единственно основываться на ея имени, но имя это можетъ быть позднѣйшее прозваніе.

бы ни было происхожденіе Ольги, для насъ важно то, подтверждаемое всѣми источниками, обстоятельство, что она приведена была въ Кіевъ съ сѣвера; ибо это указываетъ на тѣсную связь, которая существовала въ то время между сѣверными и южными Рускими владѣніями.

Но если мы не находимъ у лѣтописца подробностей о происхожденіи Ольги, за то онъ сохранилъ намъ драгоцѣнныя народныя преданія о главныхъ чертахъ ея дѣятельности; онъ записалъ преданіе о страшной мести, которою Ольга покарала Древлянъ, убившихъ ея мужа. Это преданіе отражаетъ въ себѣ господствующія понятія времени, поставившія мечь за убійство близкаго человѣка непрѣменною обязанностію; видно, что и во времена составленія лѣтописи эти понятія не потеряли своей силы. При господствѣ родового быта мечь за родича была подвигомъ по-преимуществу: вотъ почему разсказъ о такомъ подвигѣ возбуждалъ всеобщее, живое вниманіе, и потому такъ свѣжо и украшенно сохранился въ памяти народной. Общество всегда, на какой бы ступени развитія оно ни стояло, питаетъ глубокое уваженіе къ обычаямъ, его охраняющимъ, и прославляетъ, какъ героевъ, тѣхъ людей, которые даютъ силу этимъ охранительнымъ обычаямъ. Въ нашемъ древнемъ обществѣ, въ описываемую эпоху его развитія, обычай мести былъ именно этимъ охранительнымъ обычаемъ, замѣнявшимъ правосудіе; и тотъ, кто свято исполнялъ обязанность мести, являлся необходимо героемъ правды, и чѣмъ жесточе была мечь, тѣмъ больше удовлетворенія находило себѣ тогдашнее общество, тѣмъ больше прославляло мстителя, какъ достойнаго родича; а быть достойнымъ родичемъ значило тогда, въ переводѣ на наши понятія, быть образцовымъ гражданиномъ. Вотъ почему въ преданіи показывается, что мечь Ольги была достойною местию. Ольга, мудрѣйшая изъ людей, прославляется именно за то, что умѣла изобрѣсти достойную мечь: она, говоритъ преданіе, подошла къ ямѣ, гдѣ лежали Древлян-

скіе послы, и спросила ихъ: «Нравится ли вамъ честь?» Тѣ отвѣчали: «Охъ! пуще намъ Игоревы смерти!» Преданіе, согласно съпонятіями времени, заставляетъ Древлянъ оцѣнивать поступокъ Ольги: «Ты хорошо умѣешь мстить: наша смерть люте Игоревой смерти.» Напрасно Эверсъ³ думаетъ, что если мститъ женщина, то мститъ обыкновенно хитростію, въ слѣдствіе недостатка физической силы; что всѣ знаменитыя женщины древности Семирамида, Дидона, Танаквиль отличались мудростію и хитростію. Древняя исторія представляетъ намъ много мужчинъ мудрыхъ, которые именно отличались хитростями; мудрость въ древнія времена была синонимомъ хитрости; вспомнимъ, что древность оставила намъ двѣ великія поэмы: одна прославляетъ подвиги силы, другая подвиги мудрости или хитрости, и герой послѣдней многоопытный мужъ Одиссей; у насъ если Ольга хитростію взяла Коростень, то Олегъ хитростію убилъ Аскольда и Дира. Потомъ должно замѣтить, что Ольга мстила хитростію вовсе не какъ женщина, по недостатку силы: это не была частная месть, месть частнаго лица за частное лице, это была месть князя народу; самъ Эверсъ говоритъ, что Ольга имѣла двойную обязанность мстить, какъ жена Игоря и какъ опекунша Святослава; месть надъ послами первыми и вторыми не была вовсе хитростію: малочисленные послы не могли защищаться въ Кіевѣ, окруженные враждебнымъ племенемъ; Ольга могла умертвить ихъ всячески. Способъ умерщвленія показываетъ не хитрость, но обдуманную месть, которая бы заставила Древлянъ признаться, что ихъ смерть люте Игоревой смерти; Древляне напали на Игоря внезапно, когда тотъ не ждалъ опасности: послы Древлянскіе погибають въ то время, когда готовились принимать почести; убійство надъ могилою имѣетъ тоже значеніе. Потомъ Святославъ въ чель дружины вступаетъ въ откры-

³.—Das ält. Recht der Russ. S. 57.

тую битву съ Древлѣнами, побѣждаетъ ихъ; побѣжденные запираются въ городъ; хитрость, употребленная Ольгою для взятія города, есть хитрость воинская, слѣд. хитрость мужская. Самъ Эверсъ указываетъ на подобныя хитрости, употребленныя мужчинами. — Насъ въ поступкахъ Ольги останавливаетъ не хитрость женская, но мстительность женская: Ольга не первая женщина, которое въ средневѣковыхъ преданіяхъ прославляется своею неумолимою мстительностію; это явленіе объясняется изъ характера женщины, равно какъ изъ значенія мести въ тогдашнемъ обществѣ: женщина постоянно отличается благочестіемъ въ религіозномъ и семейномъ смыслѣ; обязанность мести за роднаго челоуѣка была тогда, какъ уже выше сказано, обязанностію религіозною, обязанностію благочестія; Ольга, страшно мстящая за смерть мужа, имѣетъ въ нашемъ преданіи тоже самое значеніе, какое имѣетъ въ Греческомъ преданіи Антигона, покрывающая землею трупъ брата, подъ страхомъ неизбѣжной смерти: и здѣсь и тамъ дѣйствуетъ одно и тоже семейно-религіозное благочестіе, столь сильное всегда въ женщинѣ.....

Вообще характеръ Ольги, какъ оны представляется въ нашихъ древнихъ преданіяхъ, чрезвычайно важенъ, именно относительно понятій того времени. Правленіе Ольги въ малолѣтство сына ея случилось очень кстати въ ту пору, когда оружіемъ первыхъ князей нѣсколько племенъ, разсѣянныхъ на огромномъ пространствѣ, приведено было въ соприкосновеніе, но связь между ними была еще очень слаба; нужно было укрѣпить ее какими нибудь правительственными распоряженіями, къ которымъ первые князья, по своему характеру, не были способны; для этого нужно было правленіе женщины, которая, опять по самому характеру своему, должна была преимущественно заняться хозяйственными распоряженіями; такого рода дѣятельность, повторю, была очень кстати въ это время, когда нужно было разобратъся, такъ сказать, въ волостяхъ, приобрѣтен-

ныхъ предшествовавшими князьями, и установить сколько-нибудь правильныя отношенія ихъ къ главному сосредоточивающему пункту. Такъ въ лѣтописи сохранилось преданіе о путешествіяхъ Ольги по волостямъ съ цѣлю хозяйственныхъ распоряженій. Эта хозяйственная распорядительность Ольги не могла не поразить новорожденное общество, и потому Ольга перешла въ потомство какъ мудрѣйшая изъ людей; разумеется, что народная фантазія овладѣла этимъ преданіемъ о мудрости Ольги: въ какихъ же чертахъ должна была, по тогдашнимъ понятіямъ, выразится мудрость знаменитой княгини? въ хитрости, ловкости, находчивости, именно въ той дѣтской мудрости, какою отличался многоопытный Одиссей; такъ явилось преданіе о зажженіи города птицами и о томъ, какъ Ольга въ Константинополь перехитрила императора.

Оставляя преданіе о хитростяхъ, мы должны преимущественно заняться преданіями о хозяйственныхъ распоряженіяхъ Ольги, имѣвшихъ важное значеніе для новорожденного общества. Здѣсь прежде всего останавливаютъ наше вниманіе распоряженія относительно побѣжденныхъ Древлянъ; лѣтописецъ говоритъ, что немедленно послѣ мести надъ Древлянами, Ольга съ сыномъ и дружиною пошла по ихъ землѣ, установляя *уставы* и *уроки*; на *становища* ея и *ловища*, т. е. на мѣста, гдѣ она останавливалась и охотилась, указывали еще во времена лѣтописца. Старшинъ, владыкъ, родоначальниковъ побѣжденного народа, она схватила, взяла въ плѣнъ (изыма), остальныхъ или перебила, или отдала въ рабство дружинникамъ своимъ, или оставила на прежнихъ жилищахъ платить дань. Здѣсь, слѣдовательно, находимъ первое извѣстіе о происхожденіи рабовъ: рабству были преданы Древляне не столько потому, что были покорены, сколько въ наказаніе за преступленіе, за убійство Игоря. Если сказано, что Ольга «старѣйшинъ града изыма, а другія работъ предасть мужемъ своимъ,» то легко догадаться, что старѣйшину предала она работъ себѣ, сдѣ-

лала своими рабами. Оставшіеся на своихъ мѣстахъ Древлане должны были платить тяжкую дань: двѣ трети ея шли въ Кіевъ, а третья въ Вышгородъ къ Ольгѣ, потому что Вышгородъ былъ городъ Олыгинъ. Здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе объ обычаѣ давать княгинямъ въ посмертное владѣніе города, обычаѣ употребительный послѣ. Какъ видно, былъ обычай также, что дань (или нѣкоторая часть ея) съ покореннаго племени шла тому князю или тому мужу княжескому, который наложилъ ее: такъ извѣстно, что Углича платили дань въ пользу Свенѣльда, ихъ примучившаго. Ольга, принимавшая такое сильное участіе въ окончательномъ покореніи Древланъ, имѣла полное право и на дань Древланскую; а если удовольствовалась третьею частію, такъ потому, что распоряжалась именемъ своего малолѣтнаго сына. Далѣе насъ останавливаютъ выраженія: *Кіеву, Вышегороду*, почему не: *князю Святославу, княгини Ольги?* для чего, вмѣсто лицъ, мѣста? Естественно употребить имя стольнаго города, вмѣсто имени князя, ибо князья мѣняются, столицы же остаются, слѣдовательно именами ихъ гораздо удобнѣе выражать извѣстную, постоянную подчиненность, извѣстныя, постоянныя отношенія; такъ послѣ наприм. сказано, что всѣ посадники Новгородскіе платили ежегодно извѣстную сумму денегъ въ Кіевъ, т. е. великимъ князьямъ, князьямъ Кіевскимъ. Но въ разбираемомъ мѣстѣ показывается отношеніе не постоянное, а временное, условленное личностію Ольги, и не смотря на то, дань шла въ Вышгородъ, хотя извѣстно, что Ольга жила въ Кіевѣ: такъ послѣ, во время нашествія Печенѣговъ, мы видимъ ее въ этомъ городѣ съ внучатами; слѣдовательно должно предположить, что казна Ольги хранилась въ Вышгородѣ. Какъ послѣ видимъ, что князья имѣютъ свои дворы въ разныхъ мѣстахъ, куда собираютъ много всякаго добра; такъ, вѣроятно, и въ Вышгородѣ у Ольги былъ подобный дворъ, куда собирались запасы изъ мѣстъ, ей принадлежавшихъ; тамъ же должна была складываться и Древланская

дань; а въ чемъ состояла эта дань, намъ извѣстно: въ мѣхахъ и медѣ.

Послѣ завоеванія Ольга пошла съ сыномъ и дружиною по Древлянской землѣ, устанавливая уставы и уроки. Олегъ по извѣстіямъ лѣтописи, установилъ дани; Ольга устанавливаетъ *уставы* и *уроки*. Подъ именемъ *устава*⁴ должно разумѣть всякое опредѣленіе, какъ что-нибудь дѣлать. Эверсъ думаетъ, что подъ именемъ *уставовъ* разумѣются здѣсь вообще всѣ учрежденія, предпринятые Ольгою въ землѣ Древлянской, гдѣ, по отведеніи старшинъ въ плѣнъ, по уничтоженіи слѣдовательно всѣхъ прежнихъ отношеній, нужно было установить совершенно новый порядокъ вещей, дать новый уставъ, какъ жить, какъ дѣлать. Но здѣсь должно замѣтить, что мщеніе Ольги постигло собственно одинъ Искоростень, только въ одномъ Искоростени старшины и остальная часть народонаселенія были взяты въ рабство, тогда какъ у Древлянъ были другіе города, предавшіеся добровольно, и нетронутые Ольгою: «Посла ко граду (Ольга) глаголющи: что хотите досѣдѣти? а всѣ гради ваши предашася мнѣ, и являса по дань, и дѣлають нивы своя и земли своя.» И такъ слова Эверса могутъ относиться только къ Искоростеню, но вовсе не къ цѣлой Древлянской землѣ. *Уставъ* можетъ относиться ко всякому учрежденію, ко всякому опредѣленію, слѣдовательно и къ опредѣленію дани.

Теперь слѣдуетъ вопросъ, что такое *уроки*? Черезъ строку выше говорилось о дани, слѣд. урокъ не данъ. Можно было давать дань *урокомъ*; такъ послѣ читаемъ: «Ярославу же сущю Новгородѣ и *урокомъ* дающую Киеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года.» Принявъ въ соображеніе настоящее значеніе слова *урокъ*, должно положить, что *урокъ* есть всякая обязанность, которую должно выполнять къ извѣстному сроку, будетъ ли то уплата извѣстной суммы денегъ, извѣстнаго количества какихъ нибудь вещей, или какая нибудь работа. Такъ Новгородскіе посадники должны

были платить известную сумму урокомъ, т. е. къ определенному сроку, отъ года до года. Что же касается до слова *оброки*, которое встрѣчается послѣ тутъ же и которое, по Архангельскому списку, встрѣчается въ распоряженіяхъ Олега, то думаемъ, что надобно согласиться съ Эверсомъ, и признавать подъ ними *кормленія*, обязанность содержать, кормить дружину; ⁵ прибавимъ только, что подъ именемъ оброковъ не разумѣлась ли обязанность племень, о которой говорить Константинъ Багрянородный: «князья съ Ноября мѣсяца отправлялись съ дружинами своими къ разнымъ Славянскимъ племенамъ, и кормились у нихъ зиму.»

Гораздо затруднительнѣе для объясненія мѣсто, гдѣ говорится о распоряженіяхъ Ольги на сѣверѣ: «Иде Вольга Новгороду и устави по Мстѣ повосты (погосты) и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знамяня и мѣста и повосты, и сани ея стоятъ въ Плескѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Дѣсиѣ, и есть село ея Ольжичи и доселѣ.» Слово *повосты* читается только въ Лаврентьевскомъ, въ остальныхъ лучшихъ спискахъ *погосты*. Есть еще другой вариантъ: въ Архангельскомъ списокѣ вмѣсто *по мстѣ* читается: *помости* и *погости*. Эверсъ даетъ предпочтеніе послѣднему чтенію: ⁶ «въ высочайшей степени невѣроятно, говорить онъ, чтобъ Великая княгиня предприняла означенныя учрежденія по Лузѣ, такъ далеко на сѣверѣ,» и потому принимаетъ *по Лузѣ* за позднѣйшее прибавленіе. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ Луги, Эверсъ обращается ко Мстѣ и спрашиваетъ: почему именно берега этой рѣки должны были быть одни предметомъ законодательныхъ заботъ Ольги; почему той же чести не удостоились берега другихъ рѣкъ, наприм. Ловати и Великой?— Но, во первыхъ, нельзя выбрасывать такъ легко цѣлыя

⁵—R. der R. 36, 37, 38.

⁶—Jbid. 62.

извѣтія изъ лѣтописи, какъ выбросилъ Эверсъ извѣстіе о Лугѣ, потому только, что оно его затрудняло; лучшіе списки имѣютъ: по Мсти и Лугѣ, и нельзя найти причины, почемубы это извѣстіе могло быть вставлено позже; слѣдов. историку остается только объяснить, почему распоряженія Ольги коснулись береговъ этихъ двухъ рѣкъ? Взглянувши на карту, мы видимъ, что Луга съ своими берегами составляетъ крайнее владѣніе Новгородской области на сѣверозападѣ, а Мста въ противоположную сторону на востокъ; вспомнимъ, что верховье Мсты и слѣдующій за нимъ волокъ, отдѣлявшій озерную область отъ области верхней Волги, былъ по этому самому границею Новгородской и Ростовской областей, предѣломъ Новгородскихъ владѣній; вспомнимъ, что дѣятельность первыхъ князей до Ольги касалась преимущественно великаго восточнаго пути изъ Варягъ въ Греки; до странъ, лежащихъ далѣе къ западу и востоку, она мало касалась. Олегъ установилъ дани на сѣверѣ у Славянъ, Кривичей и Мери; но вѣроятно эти дани удобно собирались только съ народонаселенія, живущаго на великому пути, которое, такъ сказать, находилось подъ руками у Руси; народонаселеніе же дальнѣйшихъ странъ къ востоку и западу могло пользоваться болшею независимостію и отбывать отъ дани, и здѣсь слѣд. нужно было сдѣлать для нее точнѣйшія опредѣленія, распорядиться правильнымъ ея сборомъ. Первые князья Олегъ и Игорь, занятые дѣлами на югѣ, отдаленными походами въ страны болѣе привлекательныя, не имѣли ни досуга, ни желанія заниматься распорядкомъ на отдаленномъ сѣверѣ; Ольга же, какъ женщина, будучи способна заниматься хозяйственными распоряженіями а не войною, имѣла досугъ посѣтить и урядить страны, оставленныя безъ вниманія ея предшественниками; притомъ, она болѣе, чѣмъ послѣдніе, имѣла побужденій путешествовать и распорядиться на сѣверѣ, ибо тамъ было ея отечество, мѣста знакомыя; наконецъ можетъ быть и то, что эти мѣста, при нижнихъ частяхъ Луги на дале-

комъ сѣверозападѣ, и при верхнихъ частяхъ Мсты на востокѣ, были недавно заняты Рускими изъ Новгорода, и потому требовали уряженія. ⁷ Обратимся же къ этому уряженію.

Здѣсь прежде всего останавливаетъ насъ вариантъ: *погосты* и *повосты*; вариантъ, очень легко мѣншій произойти: полустертая буква *в* образуетъ легко *г*; нѣсколько замаранное *г* легко можетъ показаться за *в*. Монахъ Лаврентій самъ признается, что ему трудно было разбирать рукопись, съ которой онъ списывалъ, потому что книги были ветшаны; непонятное окончаніе *повосты* прямо указываетъ на то, что это слово испорчено изъ *погосты*; другое дѣло, еслибъ было *повозы*: повоземъ называлась обязанность подчиненныхъ племенъ доставлять дань или оброкъ въ назначенное отъ князя мѣсто; такъ читаемъ у лѣтописца о Радимичахъ: «И платять дань Руси, *повозъ* везуть и до сего дне.» Но это слово, очень легко объясняясь въ первой половинѣ извѣстія: *устави по Мстѣ повозы и дани*, остается безъ смысла во второй половинѣ: «ловища ед суть по всей земли, знамянья и мѣста и *повозы*.» И такъ остается принять *погосты*. Что же такое *погосты*? Мы знаемъ изъ свидѣтельства Багрянороднаго, что Рускіе князья въ Ноябрь отправлялись съ дружиною къ подчиненнымъ племенамъ на *полюдь* или *гиры*, и проводили у нихъ зиму; обычай *полюдь* сохранился и послѣ: при младенческомъ состояніи тогдашняго общества, это былъ для князя единственный способъ исполнять свои обязанности относительно народонаселенія, именно судъ и расправу; разумется, что для этого суда и расправы князь не могъ останавливаться при каждомъ жилищѣ; онъ останавливался въ какомъ нибудь удобномъ для себя мѣстѣ, куда окружное народонаселеніе и позывалось къ нему для своихъ надобностей. Естественно, что для большаго удобства эти мѣста княжеской стоянки,

7.—У Татищева читаемъ: «во Мстѣ и по Погѣ погосты устроа.»

гощенія, эти погосты могли быть опредѣлены навсегда, могли быть построены небольшіе дворы, гдѣ могли быть оставлены княжіе тиуны, и такимъ образомъ эти погосты могли легко получить значеніе небольшихъ правительственныхъ центровъ и передать свое имя округамъ; въ послѣдствіи здѣсь могли быть построены церкви, около церквей собирались торги и т. д. Хотя летописецъ упоминаетъ о распоряженіяхъ Ольги только въ землѣ Древлянской и въ отдаленныхъ предѣлахъ Новгородской области; однако, какъ видно, путешествіе ея съ хозяйственною, распорядительною цѣлю, обнимало всѣ тогдашнія владѣнія Рускія, по всей землѣ оставила она слѣды свои, повсюду видѣлись учрежденные ею погосты: «Ловища ея суть по всей землѣ, знаменья и мѣста и погосты.

Мы сказали, что правленіе Ольги случилось очень кстати, потому что она, какъ женщина, хозяйственною дѣятельностію могла укрѣпить связь племенъ съ центромъ Рускихъ владѣній. Правленіе Ольги, какъ женщины, имѣетъ важное значеніе въ другомъ еще отношеніи. Какъ женщина, она была способнѣе по своему характеру къ принятію первая христіанства, къ чему князья воители также были мало способны. Не смотря на то, что Святославъ воспротивился увѣщанію матери, поступокъ Ольги имѣлъ важныя слѣдствія: во первыхъ, христіане уже числили между своими члена княжеской семьи; во вторыхъ, Ольга была не простая княгиня: это была мудрѣйшая изъ людей, которая долгое время имѣла самое сильное вліяніе на судьбу новорожденнаго общества, приобрѣла такую знаменитость, слѣд. принятіе ею христіанства должно было произвести необыкновенно сильное впечатлѣніе на умы; это впечатлѣніе отозвалось при Владимірѣ: «Если бы дурень былъ законъ Греческій, говорили бояре этому князю, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, которая была мудрѣ всѣхъ людей.» Какимъ же образомъ Ольга приняла христіанство? Летописецъ говорить объ этомъ событіи, также основыва-

ясь на преданіи, которое остается до конца вѣрнымъ характеру Ольги: и въ Константинополь, во дворецъ императорскомъ, какъ подъ стѣнами Коростена, Ольга отличается ловкостію, находчивостію, хитростію, перехитрляетъ императора, какъ прежде перехитрила Древлянь. О побужденіяхъ, которыя заставили Ольгу принять христіанство и принять его именно въ Константинополь, мы не находимъ ничего въ лучшихъ извѣстныхъ спискахъ летописи; очень легко могло быть, что великая княгиня отправилась въ Царьгородъ вполне язычницею, безъ твердаго намѣренія принять новую вѣру, была поражена въ Константинополь величіемъ Греческой религіи, и возвратилась домой христіанкою. Мы видимъ, что вездѣ въ Европѣ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, варвары, не смотря на то, что опустошали области Имперіи и брали дань съ повелителейъ обоихъ Римовъ, питали вездѣ благоговѣйное уваженіе къ Имперіи, къ блестящимъ формамъ ея жизни, которыя такъ поражали ихъ воображеніе; таковы бываютъ всегда отношенія народовъ необразованныхъ къ образованнымъ. Это уваженіе варваровъ къ Имперіи способствовало также распространенію между ними христіанства. Не одна надежда корысти могла привлекать нашихъ варваровъ въ Константинополь, но также и любопытство посмотреть чудеса образованнаго міра; сколько дивныхъ разсказовъ приносили къ своимъ очагамъ бывальцы въ Византіи, въ этомъ мірѣ чудесъ, до которыхъ не могло возвыситься самое пламенное воображеніе дѣтей бѣднаго сѣвера! Какъ, въ слѣдствіе этого, возвышался тотъ, кто бывалъ въ Византіи, и какъ у другихъ разгаралось желаніе побывать тамъ! Послѣ этого странно было бы, чтобъ Ольга, которую природа и судьба выдвинули впередъ, чтобъ Ольга, мудрейшая изъ людей, не захотѣла побывать въ Византіи. Она отправляется туда. Что же прежде всего должно было обратить ея вниманіе? Разумѣется то, что всего рѣче отличало Грековъ отъ Руси—религія; извѣстно, что Греки обыкновенно сами

обращали вниманіе варварскихъ князей и пословъ на свою религію, показывали храмы, ихъ священныя сокровища; разумѣтся, при этомъ и основныя догматы вѣры были объясняемы искусными толковниками. Если многіе изъ мужчинъ, воиновъ Рускихъ, принимали христіанство въ Греціи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что обратилась къ нему Ольга, во первыхъ какъ женщина, въ характеръ которой не было препятствія къ принятію заповѣдей любви и смиренія; во вторыхъ, какъ женщина умная, которая ясно могла понять все превосходство православной вѣры Греческой предъ Рускимъ язычествомъ. Но кромѣ этого объясненія, несомнѣнно, что Ольга была уже въ Кіевѣ предубѣждена въ пользу христіанства: такую умную женщину, какова была Ольга, и женщину правительницу, не могло не поразить различіе между нравами, образомъ жизни христіанъ и язычниковъ; какъ правительница, Ольга скорѣе другихъ могла оцѣнить это различіе относительно общественнаго наряда, и убѣдиться въ превосходствѣ Греческой вѣры предъ Рускою; это предубѣжденіе въ пользу христіанства могло сильно содѣйствовать къ принятію его въ Царѣградѣ; но отъ предубѣжденія въ пользу до рѣшительнаго шага еще далеко. Въ одномъ спискѣ летописи, бывшемъ въ рукахъ у Татищева,⁸ говорится, что Ольга еще въ Кіевѣ была расположена въ пользу христіанства, видя добродѣтельную жизнь исповѣдниковъ этой религіи; даже вошла съ ними въ тѣсную связь и хотѣла креститься въ Кіевѣ, но не исполнила своего намѣренія, боясь язычниковъ. Принимая первую половину извѣстія, мы не можемъ допустить второй: опасность отъ язычниковъ не уменьшалась для Ольги и въ томъ случаѣ, когда она принимала крещеніе въ Константинополь; утаить обращеніе, по пріѣздѣ въ Кіевъ, было очень трудно, и при томъ Ольга, какъ видно, вовсе не

⁸—II, стр. 41, примѣч. 130.

хотѣла таиться: это было несовмѣстно ни съ ревностію новообращенной, ни съ характеромъ Ольги; не хотѣла она таиться и равнодушно смотрѣть, какъ сынъ ея и вся семья и весь народъ остаются въ язычествѣ, слѣд. лишаются вѣчнаго спасенія. Мы видимъ, что она тотчасъ же приступаетъ къ обращенію сына, но въ характерѣ послѣдняго встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія; она знала, что будутъ препятствія, будутъ опасности, и потому говорила патриарху: «Люде мои погани и сынъ мой, дабы мя Богъ съблюде отъ всякаго зла.»

Мы видѣли, что преданіе провожаетъ Ольгу въ Константинополь и заставляетъ мудрѣйшую изъ всѣхъ людей Рускихъ перехитрить Грека, а Греки слыли тогда лукавѣйшимъ народомъ: это считалось самымъ лучшимъ доказательствомъ Ольгиной мудрости. Преданіе провожаетъ мудрую княгиню и домой, въ Кіевъ, заставляетъ ее и здѣсь постыдить Греческаго императора, охотника до даровъ и вспомогательнаго войска, и отомстить ему за то униженіе, которому подвергались Руссы въ Константинопольской гавани, и которое, какъ видно, лежало у нихъ на душѣ. Мы знаемъ изъ Игорева договора, что Греки, опасаясь убійства Рускихъ и воинскихъ хитростей съ ихъ стороны, выговорили себѣ право не впускать ихъ въ городъ до тѣхъ поръ, пока въ точности не узнаютъ характера новоприбывшихъ, имена которыхъ должны были находиться на княжескомъ листѣ; эти мѣры предосторожности, какъ видно, очень раздражали Рускихъ, и вотъ въ преданіи Ольга мститъ за нихъ императору. Когда Ольга, говорить лѣтопись, возвратилась въ Кіевъ, то царь Греческій прислалъ сказать ей: «я тебя много дарилъ, потому что ты говорила мнѣ: возвращусь на Русь, пришло тебѣ богатые дары, челядь, воски, мѣха, пришло и войска на помощь.» Ольга велѣла отвѣчать ему: «когда ты столько же постоишь у меня въ Почайнѣ, сколько я стояла у тебя въ гавани Константинопольской, тогда дамъ тебѣ обѣщанное.»

Ольга кормила т. е. воспитывала сына своего до возраста и мужества его, говорить летописецъ; она, какъ видно, оставалась полною хозяйкою на Руси и послѣ того, какъ Святославъ возмужалъ, потому что онъ думалъ только о походахъ, и забывалъ родную землю и семью свою для чужой земли; онъ едва рѣшился отложить отъездъ свой въ Болгарію, видя мать при послѣднемъ издыханіи. Ольга скончалась, по летописи, въ 969 году, запретивъ творить надъ собою языческую тризну, и была похоронена христіанскимъ священникомъ, бывшимъ при ней.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

О ПОСТРОЕНИИ И ОСВЯЩЕНИИ

КИЕВСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ.

Великій князь Ярославъ, соорудивъ Софійскую церковь и Золотыя ворота съ церковью Благовѣщенскою, «ио семь (заложилъ) святаго Георгія монастырь и святаыя Прины.» Такъ написано въ Лѣтописи Несторовой подъ 1037 годомъ. Въ «Обозрѣніи Стараго Кіева» напечатанномъ въ 1 книгѣ *Кіевлянина*, сказано почти все, что извѣстно было въ 1840 году о вышепомянутыхъ церквахъ, между прочимъ и то, что по стариннымъ Кіевскимъ Мѣсяцословамъ освященіе Георгіевской церкви полагается въ 1045 году. Но въ древнихъ *Прологахъ* находится объ этомъ важное извѣстіе, которымъ еще не воспользовались описатели Кіева. Вотъ оно, по драгоценному списку Пролога, находящемуся въ *Древлехранилищѣ* Михаила Петровича Погодина, писанному вѣроятно въ 14 вѣкѣ, на пергаменѣ самаго большаго формата, крупнымъ уставомъ, украшенному въ началѣ каждаго мѣсяца разноцвѣтными изображеніями святаыхъ.

— Въ тотъ же день священіе церкви святаго Георгія въ Кіевѣ предъ враты святаыя Софія.

Блаженный и приснопамятны вся Рускыя земля князь Ярославъ, нареченый в святѣмъ крещеніи Георгій, сынъ Владимѣрь крестившаго землю Рускую, братъ же святою мученику Бориса и Гдѣба: се всхотѣ создати церковь в свое имя святаго Георгія, да еже всхотѣ и створи; и яко начаша здати ю, и не бѣ многа дѣлатель у нея; и се видѣвъ князь призва тиоуна: почто не много оу церкви стражущихъ. Тиоунъ же рече: понеже дѣло властелское, болтася

люде трудъ подымше наима лишени будутъ. И рече князь : да аще тако есть, то азъ сице створю. И повелъ куны возити на тельгахъ в комары Златыхъ вратъ, и возвѣстиша на торгу людемъ да возмутъ кождо по ногатъ на день. И бысть множество дѣлающихъ. И тако вскорѣ конча церковь, и святи ю Лариономъ митрополитомъ, мѣсяца Ноября въ 26 день, и створи въ ней на столование новоставимымъ епископомъ, и заповѣда по всей Руси творити праздникъ святаго Георгия мѣсяца Ноябрь 26 день. —

Изъ этого сказанія открывается, что освященіе церкви совершено митрополитомъ Рускимъ *Илариономъ*; слѣдственно не въ 1045 году; но позднѣе, по крайнѣй мѣрѣ, *шестью* годами; ибо достопамятный *Иларионъ* поставленъ въ митрополиты 1051 года, какъ извѣстно изъ *Лѣтописи Несторовой*. А выраженіе Пролога «предъ враты Свѣтыя Софія» можетъ служить подтвержденіемъ, что древняя церковь св. *Георгія* стояла тамъ или почти тамъ, гдѣ поставлена *Елисаветою* нынѣшняя; ибо *Софійскія* ворота въ древности, конечно, стояли къ *Золотымъ* воротамъ, противъ западныхъ дверей церкви. Что же касается до перваго возобновленія *Георгіевской* церкви въ 1674 году, то объ немъ подробно мы узнали только изъ *Отписки Кіевского воеводы князя Трубецкаго* къ царю *Алексію Михайловичу*, помѣщенной въ *Синбирскомъ Сборникъ*, 1845 года.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

О РУССКОЙ ТОРГОВЛѢ

ВЪ УДѢЛЬНОМЪ ПЕРІОДѢ.

(1054—1240.)

=

Русская торговля въ продолженіи Норманскаго періода, т. е. въ 9-мъ, 10 и началъ 11-го столѣтія, была очень обширна, производясь между странами отдаленными — Самаркандомъ, Бухарою, Бактрой, Каспійскимъ моремъ, Волгою, Уральскими горами, Скандинавіей, Германіей и Греціей. Русскіе торговали съ Арабами, Козарами, Болгарами, Весью, Югрою, Норманнами, Нѣмцами, Греками.

Во второй половинѣ 11-го столѣтія, въ 12-мъ и въ началъ 13-го, то есть въ продолженіи періода удѣльнаго, до нашествія Татаръ, торговля Руская стѣснилась нѣсколько въ своихъ предѣлахъ, потому что Арабы перестали къ намъ ѣздить, вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ переворотовъ на ихъ востокъ, Козары въ устьяхъ Волги были совершенно поражены, Болгаре ослабли; но она была еще очень значительна, увеличась внутри, а также и на Сѣверѣ со вновь образовавшеюся Ганзою. Живое торговое движеніе ясно примѣчается въ лѣтописяхъ, какъ ни разбросаны мѣлкія извѣстія. Кіевскіе купцы ѣздили въ Грецію и Константинополь, къ Половцамъ и въ страну Залѣскую или Суздальскую. Новгородскіе плавали по Балтійскому морю, торговали въ Даніи и Готландѣ, ходили за Уралъ и разсыпались по всей Руской землѣ, въ Кіевѣ и Смоленскѣ, Черниговѣ, Переяславѣ и Володимирѣ. Смольяне, Полочане, Видбляне, торговали съ Ригою и Нѣмцами. Латины приходили въ Кіевъ, Володимиръ, въ землю Болгарскую. Жиды принимали дѣятельное участіе въ этой торговлѣ, живя въ Кіевѣ и вѣроятно въ другихъ городахъ. Нѣмцы пріѣзжали изъ внутренней Германіи, Галичане съ солью

отъ Карпатскихъ горъ, Дунайскіе Болгаре сообщались между собою и Русью, Норманы не забывали еще своего *Austurvigi*, Константинополя, и древней Біармін, которую ограбили особенно въ 1222 году.

Средоточіемъ Греческой торговли былъ Кіевъ. Средоточіемъ Ганзейской торговли былъ Новгородъ.

О торговлѣ Кіевской въ продолженіи Норманскаго періода свидѣлствуютъ писатели—Греческіе (Константинъ Багрянородный, около 950), Сѣверные (Адамъ Бременскій, до 1076, Саксонъ Грамматикъ, + 1204), Нѣмецкіе (Дитмаръ, около 1020), ¹ и Арабскіе (Ибнъ-Фоцланъ, 922, и Ибнъ-Гаукаль, послѣ 969). ²

Кіевская торговля съ Греціей въ продолженіи удѣльнаго періода, до Татаръ, была такъ велика, и предметъ ея былъ такъ важенъ для князей, что они иногда принуждены были брать на себя сами, сообща, обязанность провожать купцевъ, торговавшихъ съ Греціей, охраняя обозы (чтобъ не сказать: транспорты), отъ нападенія хищныхъ племенъ, кочевавшихъ по ихъ пути.

Купцы, торговавшіе съ Греціей, назывались Гречниками. Гречники — это, безъ всякаго сомнѣнія, Сѣверные *Griskir*, *Grickir*, какъ назывались Норманны, възвизніе въ Грецію. Названіе ихъ перешло послѣ и къ нашимъ Кіевскимъ купцамъ, торговавшимъ съ Греціей. ³

¹—Лербергъ, с. 218. Мои Исслѣдованія, т. III, с. 246 и проч.

²—Френъ, с. 147 и 158.

³—*Griskir* и *Grickir* у Сѣверныхъ писателей, надо прибавить здѣсь, смѣшиваются, говоритъ Сабинишъ, съ *Gerzkir*, *Girzkir*, Русскіе, и ставятся часто одни вмѣсто другихъ. Вообще Руссы, принявъ Греческую вѣру и Греческіе обычаи, и находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ Греками, въ средніе вѣка у многихъ писателей, и въ особенности у *Саксона Грамматина* и *Адама Бременскаго* смѣшивались съ ними. Это примѣтно у нихъ особенно тамъ, гдѣ они сглаголи древнесѣвернымъ Сагамъ и Пѣснямъ. Причиною такою смѣшенія отчасти были и Сѣверные писатели, по недостатку правильныхъ понятій о дѣйствительномъ различіи между Греціей и Россією.

Первое извѣстіе о Греческихъ купцахъ встрѣчается подъ 1084 годомъ: Давидъ Игоревичъ, младшій внукъ Ярославовъ, одинъ изъ князей, наиболѣе буйствовавшихъ въ это время, захватилъ въ Олешь Гречниковъ, т. е. купцевъ торговавшихъ съ Греціей, и отнял у нихъ много товара.⁴

Подъ 1167 г. встрѣчается извѣстіе еще любопытнѣе: Кіевская летопись говорить, что Половцы, услышавъ о несогласіяхъ князей Русскихъ между собою, начали «накостити Гречникамъ». Значить, что князья, въ мирное время, не допускали Половцевъ причинять вреда купцамъ. И въ этомъ году, впрочемъ, великій князь Кіевскій Ростиславъ, внукъ Мономаховъ, послалъ вой для возведенія Гречниковъ, т. е. для препровожденія ихъ вверхъ по Днѣпру.⁵

Но самое важное мѣсто о Греческихъ купцахъ находится подъ 1168 годомъ: тогда Ростиславъ снарядилъ цѣлую многочисленную экспедицію, для охраненія Греческихъ купцевъ, почти со всей Южной Руси, изъ Володимира, Луцка, Бужска, Дорогобужа, Овруча, Городна, Гамича и проч.⁶

Одиннадцать князей, со всей Руси, даже отдаленная Галицкая помощь, оказались нужною для охраненія купцевъ изъ Греціи. Большихъ ополченій не бывало и для наступательной войны съ Половцами. Не ясно ли изъ этого слѣдуетъ, что обозы были огромные, и что польза отъ торговли простиралась на всю Русь, которая принимала въ ней дѣятельное участіе, такъ что князья, изъ самыхъ отдален-

⁴—Давыдъ захъ Гръкы (въ III. спискѣ правильнѣе *Грѣчники*, въ Радз. и Троицк. *ѡ Грѣчники*) въ Олешы, и захъ у нихъ имѣнье. Олешье — выиѣ Аленски, (какъ долго сохранилось имя ') узданный городъ противъ Херсона на лѣвомъ берегу Днѣпра.

⁵—1167. Увѣдавше Половци, оже Князи не въ любви живутъ, шедше въ пороги, начаша накостити *Грѣчникомъ*; и посла Ростиславъ Володислава Лаха съ вой, и въведеша *Грѣчники*.

⁶—1168. Посла Ростиславъ, Великій Князь Кіевскій, къ братьи своей и къ сыномъ своимъ... и приде Мстиславъ изъ Володимира, Ярославъ братъ его изъ Лучска, Ярополкъ изъ Бужска, Володимиръ Андреевичъ, Володимиръ Мстиславичъ, Глѣбъ Гюргевичъ, Рюрикъ, Давыдъ, Мстиславъ, Глѣбъ Городепскій, Иванъ Юрьевичъ сынъ, и Галицкая помощь, и стояша у Канева долго время, доплече ванде *Грѣчникъ* и *Залозникъ*.

ныхъ странъ, считали своей обязанностію, для собственныхъ своихъ выгодъ, ей покровительствовать. Замѣтимъ еще выраженіе, въ пользу нашего заключенія о многочисленности купцевъ и товаровъ: князья стояли *долгое время*, пока не взошли Гречникъ и Залозникъ; ⁷ слѣдовательно долгое время восходили купцы; слѣдовательно ихъ было очень много. ⁸

Далѣе: не можетъ быть, чтобъ это случилось только въ одномъ году; вѣрно торговое сообщеніе было обыкновенное, какъ оно было «обыкновенно» въ Норманскомъ періодѣ, ⁹ и только въ лѣтописи оно попалось подъ этимъ годомъ, по особенному случаю, равно какъ и слѣдующее подъ 1170 г., когда великій князь Мстиславъ Изяславичъ созвалъ также князей почти со всей Южной Руси и возбудилъ ихъ противъ Половцевъ именно потому, что послѣдніе «изотымали» у Руси пути *Греческій* (т. е. Днѣпръ), *Соляной* (т. е. тотъ, по которому Рускіе промышленники ѣздили за солью въ Крымъ, по свидѣтельству Рубруквиса) и *Залозный*. (?) ¹⁰ Походъ былъ

⁷—*Залозникъ* — слово, до сихъ поръ необъясненное: Арцыбушевъ выводилъ его изъ Олешья — золенщикъ. II, пр. 1146. Едвали!

⁸—Предположить, что они собрались слишкомъ рано, и потому стояли долго, гораздо труднѣе. Не понимаю я только, за чѣмъ. Князья дожидались у Канева, послѣ котораго купцамъ, до Кіева, не предстояло, кажется, никакой опасности. Если стоять, то, кажется, нужнѣе было бы снизу, предъ порогами, а за Каневымъ кто могъ безпокоить купцевъ? Можетъ быть они стояли тамъ, пока получили извѣстіе о приближеніи Гречниковъ, и тогда отправились ниже. Или полагать, что Половцы не кочевали близъ нижняго Днѣпра? О кочевьяхъ Половцевъ особое изслѣдованіе мое помѣстится въ Трудахъ Одесскаго Общества.

⁹—См. о военнокупеческихъ караванахъ Норманскихъ, въ III т. моихъ Изслѣдованій. Это совершенно тѣ же.

¹⁰—1170. Река (Мстиславъ Изяславичъ) тако: «братъ! пожалтеся о Русской земли и о своей отциѣ и дѣдциѣ, оже несутъ хрестьяны на всяко гѣто у вѣжѣ свои, а съ нами роту взимающе, всегда переступающе; а уже у насъ и *Греческій путь* изотымають, и *Соляной*, и *Залозный*, а гѣпыны было, брате, възраче на божию помочь... поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ *пути* и своей чести.» Угодна бысть рѣчь его преже Богу, и всеѣ братьѣ, и мужемъ ихъ. И рекоша ему братья вся: «Богъ ти, брате, помози въ томъ,» и пр... И потомъ по малѣ посла Мстиславъ по братью свою, и съкупишася вся братья у него Кіевѣ: Ярославъ изъ Лучьска, Володимиръ Андреевичъ изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Вручого,

очень успѣшенъ, и князья воротились съ добычею и славою. Но въ слѣдствіе этого похода они почли за необходимое принять новыя сильныя мѣры для охраненія Гречниковъ въ слѣдующемъ году. Опять собрались они изъ Кіева, Вышегорода, Луцка, Дорогобужа, Овруча, Турова, и пошли въ Каневъ. Вотъ и второе ополченіе, столь же многочисленное, какъ и Ростиславово, и, замѣтите, черезъ годъ, черезъ два, послѣ онаго.

Кіевляне торговали также съ *Половцами*.

Подъ 1184 г. находимъ мы извѣстіе въ Кіевской лѣтописи, что Русскіе князья въ походѣ своемъ противъ Половцевъ встрѣтили гостей или купцевъ, шедшихъ изъ земли Половецкой, которые доставили имъ свѣдѣнія о мѣстахъ, гдѣ тогда кочевали Половцы, а именно по рѣкѣ Хоролу.¹¹

Изъ нашихъ городовъ видимъ мы Кіевскихъ купцовъ только въ *Володимирѣ Зальскомъ*, какъ свидѣтельствуешь Суздальская лѣтопись подъ г. 1075, и то совершенно случайно. См. ниже.

Какъ Кіевскіе купцы ѣздили по другимъ городамъ, такъ *Новгородскіе* и прочіе пріѣзжали въ Кіевъ. См. ниже.¹²

Наконецъ, кромѣ Русскихъ купцевъ, жили въ Кіевѣ и иноземные Латинскіе или Нѣмецкіе купцы, что всего яснѣе видно изъ слѣдующаго мѣста въ лѣтописи:

Давыдъ изъ Вышегорода, а Гюргевичъ Иванъ изъ Турова. И нача молвити Мъстиславъ братья своей: «се, братье, Половцемъ есмы много зла створили, вѣжъ ихъ поимали есмы, дѣти ихъ поимали есмы, и стада и скотъ, а тѣмъ всяко пакостити *Гречнику нашему, и Залознику*; а быхъ вышли противу *Гречнику*.» И любя бысть рѣчь всеѣ братьѣ, и рекоша ему братья: «такъ буди, то есть намъ на честь и всеѣ Рускѣи земли» — и шедше сташа у Канева.

¹¹—Русскій Истор. Сборникъ, т. IV, с. 113. Также Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. въ отрывкѣ изъ Шлецеровой Сѣверной Исторіи, IV, с. 268. Замѣчательно, что зоркій Шлецеръ видѣлъ уже различіе между Gerzku, Русскій, изъ Gardski, и Griski, Грекъ.

¹²—1184. Блудимъ (Князьямъ Русскимъ противъ Половцевъ), усрѣтоша юсть идущъ противу себе изъ Половецъ, и повѣдаша (гости) имъ, яко Половци стоятъ на Хоролѣ.

1174 г. Ярославъ Луцкій, подозрѣвая Кіянъ въ измѣнѣ, будто они навели на него Святослава Всеволодовича Черниговскаго, обложили контрибуціею весь Кіевъ, игуменовъ и поповъ, чернцевъ и черницъ, *Латину* и *гостей* и *затворы*, и всѣхъ Кіянъ.¹⁵ Подъ *затворами* нельзя разумѣть ничего, кромѣ магазиновъ, амбаровъ. Затворами назывались иногда монастыри, но здѣсь мѣстомъ, которае занимаетъ это слово — между Латинами, гостями и Кіянами, послѣ уже духовенства, исключается последнее значеніе.

Еще лучшее свидѣтельство о пребываніи иностранныхъ купцовъ въ Кіевѣ сохранилось въ Новгородской лѣтописи, что весьма замѣчательно, указывая именно на торговое сообщеніе, (извѣстіе принесено было, вѣроятно, въ Новгородъ изъ Кіева Новгородскими купцами), а именно подъ 1203 г.; Половцы, взявши Кіевъ на щить, дали жизнь иноземцамъ *вскаго языка*, затворившимся въ церквахъ, раздѣливъ товары съ ними пополамъ.¹⁶

А какіе это иноземные гости, мы узнаемъ отчасти изъ разысканій Даниловича. Вотъ что говоритъ онъ, въ своемъ изслѣдованіи о Польскихъ городахъ: «Регенбургъ въ 12-мъ вѣкѣ держалъ въ Кіевѣ свои торговые дома»¹⁵ Чрезъ Емсъ¹⁶ и Вѣну¹⁷ отправлялись Регенбургскіе торговцы въ Кіевъ

¹⁵.—Продажа весь Кіевъ, игумены и попы, и чернцы, и черницы, *Латину* и *госты*, *затвори*, и всѣ Кіяне.

¹⁶.—1203 Января 1 дня (т. е. 1204 г.) Рюрикъ съ Ольговици и съ погаными Половци.... взяша градъ Кіевъ на щить.... а что гости *иноземца вскаго языка*, затворишася въ церквахъ, и выдаша имъ животь, а товаръ съ ними раздѣлиша наполю.

¹⁵.—Gartvici cuiusdam traditio sec. XII. in cod. trad. S. Emmeran, cap. 188 ar. Per. Thesaurus aneg. T. I. P. III, p. 173. Quidam huius ecclesiae familiaris, Hartvic nomine, habitans in regione Ruscie in civitate *Chiebo*.

¹⁶.—Грам. Отахера Князя Стур. 1190 г. въ Scheid. Orig. Guelf t. III, p. 30, *plaustra de Ruzia vel in Ruziam tendentia*.

¹⁷.—Грам. Леопольда Кн. Австрійскаго 1190, данная жителямъ Регенбурга, тамъ же ст. 31. *Ruzarii* (отправляющіеся въ Русь) quocunque tempore vadant (in Russiam), duo talenta solvant, et in reditu ex Ruzia, dimidium talentum.

за покупкою мѣховыхъ товаровъ ¹⁸, коиъ тогда сей городъ считался складочнымъ мѣстомъ ¹⁹»

»Въ 1027 году Поляки съ Рускими заглядывали до Сициліи ²⁰.«

Въ началѣ 10-го столѣтія Рускіе купцы приходили съ своими телѣгами чрезъ Богемію на берега Дуная, продавать Баварцамъ лошадей и невольниковъ ²¹.

Свидѣтельства нашего Нестора подтверждаются словами современника его, Польскаго лѣтописателя Мартина Галла, который такъ выражается (въ предисловіи) о своемъ отечествѣ: *Sed quia regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota, et nisi transeuntibus in Russiam pro mercatione paucis nota: Польша дѣлалась извѣстною преимущественно только потому, что чрезъ нее проѣзжали иностранные купцы въ Русь.* ²²

»Не пустиша купцевъ ко Кіеву отъ Галича и Перемышля, и не бысть соли во всей Россійской землі« (при Святополкѣ Михаилѣ). ²³

Жиды имѣли особую улицу въ Кіевѣ, и отличались, видно, богатствомъ: потому что при смерти Святополка 1113 г. Кіяне бросились грабить Жидовъ.

1124 г. »Погорѣ Горы... и Жидове.«

Жидовскіе ворота упоминаются подь 1151 годомъ. Переходимъ къ Новугороду.

==

¹⁸.—Vita Mariani Scoti (въ концѣ в. XII) in actis ss. XI Febr. Venet. p. 369.

¹⁹.—Contareni, apud Bergeron, p. 9.

²⁰.—Caracciolo Antiqui Chronologi quatuor, Neapoli, 1626. p. 104.

²¹.—Гизебрехтъ с. 22. Гизебрехтъ доказываетъ, что мѣсто Нѣмецкихъ лѣтописей (Monumenta Boica XXVIII, с. 203) относится именно къ Руса, а не къ Рюгенцамъ, какъ того хотѣли нѣкоторые изслѣдователи.

²².—Galli Chron. Varsoviae, 1824, с. 14. Всѣ сіи цитаты (15—22) принадлежатъ Даниловичу въ РИС. IV, 165. и проч.

²³.—См. въ житіи препод. Прохора, въ Патерикѣ Печерскомъ.

Новгородъ былъ главнымъ почти городомъ Ганзейскаго союза, по документамъ.²⁴ А самъ *Новгородъ* и его область, сырая, болотистая, безплодная, не изобиловали никакими естественными произведеніями, напротивъ они чувствовали недостатокъ въ главнѣйшихъ потребностяхъ. Ясно, что *Новгородцы* были посредниками всей Руской торговли съ Сѣверомъ и Германіей. Мы ограничимся здѣсь свидетельствами только нашихъ лѣтописей, изъ коихъ можно заключить объ ея обширности.

Новгородскіе купцы ѣздили сами за море, и въ 1134 году посадили ихъ подъ стражу въ Дани.²⁵

Въ 1142 году, Шведскій король, въ 60 шнекахъ, напалъ на *Новгородцевъ*, возвращавшихся въ трехъ ладьяхъ изъ-за моря, но не успѣлъ ничего, потерявъ даже полтораста человекъ въ сраженіи и три шнеки.²⁶ (Ладьи *Новгородскія*, видно, были очень велики, если они могли бороться съ 60 шнеками, и, побивши 150 человекъ, отойти безопасно).

Въ 1188 году у *Новгородцевъ* была важная ссора съ *Варягами*, т. е. съ Скандинавами, которые заточили ихъ купцовъ на островъ Готландъ. *Новгородцы*, par le droit de représailles, поступили, кажется, также съ ихъ купцами у себя, и въ Торжкѣ, и хотя отпустили ихъ на другой годъ, но не позволили своимъ купцамъ ѣхать за море, ни отправили пословъ.²⁷

^{24.}—Карамзинъ III, с. 207.

^{25.}—1134. Рубоша *Новгородцъ* за моремъ въ Дони.

^{26.}—1142. Приходи Свѣтскїа князь съ Епископомъ въ 60 шнекъ за гости, иже изъ заморья шли въ 3 лодьяхъ, и бишася, не успѣша ничтоже, и отлучина ихъ 3 лодѣ, избивша ихъ полтораста.¹

^{27.}—1188. «Рубоша *Новгородцѣ* Варязи на Гѣгѣхъ, Нѣмцѣ въ Хоружку и въ Новогържцѣ; а на весну не пустиша изъ *Новгорода* своихъ ни одного мужъ за море, ни съла выдаша *Варягомъ*, нѣ пустиша а безъ мира.» Это мѣсто темно; Ари. II, с. 246, пр. 1530, переводить, кажется, вѣрно, хотя и не говорить, что надо предположить именительный *Новгородцы* предъ винительнымъ *Нѣмцѣ*. Карамзинъ, приводя это мѣсто, говоритъ III, пр. 84: это неясно: кто и кого рубоша? *Новгородцы* ли *Варяговъ* или *Варяги Новгородцевъ*? Отвѣчаемъ: первая часть предложенія ясна, т. е. *Варязи* (им. пад.) рубоша *Но городцѣ* (винит. пад.), но недостаетъ другаго именительнаго и глагола къ винительному *Нѣмцѣ*.

Иностранцые купцы прїѣзжали въ Новгородъ, жили тамъ постоянно, имѣли свой дворъ и церковь. Въ Ярославовомъ уставѣ о мостовыхъ упоминается о цѣломъ участкѣ, заселенномъ Нѣмцами.

1128 г. матери отдавали имъ дѣтей во время голода.²⁹

1152 г. сгорѣла Варяжская церковь.

1156 г. «Ноставиша заморьстїи (купцы) церковь святїа Пятницѣ на тѣрговищи.»

1201 г. «Варягы пустиша безъ мира за море.... на осень придоша *Варязи* горою (вотъ, слѣдовательно, и сухопутное сообщеніе) на миръ, и даша имъ миръ, на всей воли своей.»

1207 г. «Съвършиша церковь Святїа Пятниця замѣрьскїи (купцы).»

1217 г. «Въ Варязьской божнищи изгорѣ товаръ весь Варязьскїй безъ числа.»

1230 г. «Купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и по болшоу, а ржи 4 часть кади.... по гривнѣ серебра, и даяху отци и матери дѣти свое одрени, изъ хлѣба, *гостемъ.*»

1231 г. «Прибѣгоша Нѣмци изъ заморїа съ житомъ и съ мукою.»

Наши свидѣтельства о торговлѣ Новгородской съ Сѣверомъ подтверждаются вполне иностранными. Мы напомнимъ здѣсь только по Лербергу, с. 218: Адамъ Бременскїй свидѣтельствуеть, что Датчане въ его время прїѣзжали въ Новгородъ въ 4 недѣли, а отъ устья Одера совершали туда путь обыкновенно въ 43 дня. Въ 1157 г. Свендъ, король Датскїй, при осадѣ Шлезвига, захватилъ Рускіе купеческіе корабли, и товары, на оныхъ взятые, роздалъ своимъ ратникамъ вмѣсто жалованья. Въ 1158 г. Бременцы чрезъ устье Двины проложили себѣ путь во Пековъ, а потомъ въ Новгородъ. Въ 1187 г. Императоръ Фридрихъ пригласилъ Рускихъ съ другими жителями Балтїйскаго моря въ Любекъ, освободя ихъ отъ пошлинъ и проч.

²⁹ — 1128. Любѣ баше осминка ржи, по гривнѣ баше.... отецъ и мати чадо свое всажаша въ лодью даромъ *гостемъ.*

Наконецъ обратимъ здѣсь вниманіе на древнюю, такъ называемую Новгородо-Готландскую грамоту, около 1200 года, объясненную Лербергомъ (с. 195), и Карамзинымъ (III, кн. 244), гдѣ опредѣляются ясно многообразныя отношенія Новгородскихъ и Пѣмецкихъ купцевъ между собою.

Переходимъ къ *внутренней* торговлѣ Новгорода.

Новгородскіе купцы ѣздили въ *Кіевское* княжество. Это мы видимъ изъ того, что въ 1161 году Великій князь Кіевскій Ростиславъ, разсердясь на Новгородцевъ, велѣлъ перехватить ихъ купцевъ, что были въ Кіевѣ, и посадить въ погребъ, гдѣ ихъ въ одну ночь умерло 14 человекъ, а остальные разсланы были послѣ по городамъ.²⁹

Новгородцы торговали съ *Черниговымъ*, что видно изъ предложенія князя Михаила Черниговскаго принцпмать къ себѣ ихъ купцевъ.³⁰

Въ *Суздальскомъ* княжествѣ бывало ихъ множество, и безпрестанно встрѣчаются въ лѣтописяхъ извѣстія, что князья, по неудовольствіямъ съ *Новымъ* городомъ, захватываютъ ихъ купцевъ, и не пускаютъ къ нимъ хлѣба — самое дѣйствительное средство противъ Новгорода.³¹

²⁹—1161. Приде вѣсть къ Ростиславу въ Кіевъ, оже ему ятъ сынъ Новѣгородѣ, и повелѣ изомати Новгородци и уметати ѣ у Пересѣченскій погребъ, и въ одну ночь умре ихъ 14 мужи; и повѣдана Ростиславу, оже задхлися въ погребѣ, и печалень бысть ихъ дѣла, и повелѣ выпустити я изъ погреба и развести я по городамъ.

³⁰—1225. Н. К. Михаилъ рече Новгородчѣмъ: не хочу у васъ княжити, вду Църнигову, *юсть ко мнѣ пускайте*, а яко земля ваша, тако земля моя.

³¹—1141. Я. Новгородци не стерпяче безъ князя сѣдити, и ни жито къ намъ не идане ни откогдаже, и емлюще метахуть и въ погребъ.

1148. Ходи Архіеп. Нифонтъ.... и пріять и съ любовью Гюрги.... и *Новотържцѣ* всѣ выпроси и гость всѣ цѣль.

1177. Залъ Всеволодъ гость Новгородскій.

1210. Поиде Мъстиславъ со всѣмъ плѣкомъ на Всеволода.... и присла къ нему Всеволодъ: ты ми еси сынъ, и азъ тобѣ отецъ, пусти Святослава (захваченнаго Метиславомъ Всеволодова сына) и мужи его, а Всеволодъ пусти гость съ товары, хрестъ чѣловаста.

1225. Приде К. Михаилъ.... иде къ Гюргию, пойма съ собою мужи Новгородскія править товаровъ, что поималъ на Тържку и *по своей волости*.

О количествѣ Новгородскихъ купцевъ всего лучше можемъ мы судить по извѣстію о томъ, сколько князь Ярославъ, (который послѣ былъ великимъ княземъ Володимирскимъ — первый, покорный Татарамъ), поссорясь съ ними, захватилъ въ Торжкѣ въ 1215 г. мужей Новгородскихъ и купцевъ *болше двухъ тысячъ!* Каково количество, котораго большую часть составляли, безъ сомнѣнія, купцы! ³²

О пребываніи Новгородскихъ купцевъ въ *Перелславль* (Зальскомъ) находимъ извѣстіе въ исторіи того же Ярослава; онъ перехватилъ тамъ купцевъ въ 1216 году. ³³

Кромѣ Новгорода производили торговлю *Исковичи*, *Повоторжцы*, *Ладожане*, *Рушане*, какъ видно изъ нѣкоторыхъ выше и ниже предложенныхъ мѣсть, а именно: Ярославъ въ 1232 г. не пустилъ въ *Исковъ* купцевъ съ солью. Въ 1234 Литва напала на *Русу*, въ коей отбывались купцы. ³⁴

Новгородскіе купцы принадлежали къ числу почетнѣйшихъ гражданъ, ходили послами и участвовали въ войнахъ, условіяхъ съ князьями. ³⁵

³².—1215. Ярославъ.... гость Новгородскій всь прія (въ Торжкѣ).... Посла князь Мстиславъ.... (сказать ему): мужь мой и гость пусти.... Князь же Ярославъ того не удобивъ.... а Новгородѣ съзва на поле за Тържкѣ,.... вси мужи и *гостыбници*, изымавъ я вся посла исковавъ по своимъ городомъ, а товары ихъ раздая и конѣ; *а блше всьхъ Новгородѣць болъ 2000.*

³³.—1216. К. Ярославъ (разбитый Мстиславомъ) въбѣгъ въ Переяславль, повелѣ въметати въ погребъ, что есть Новгородѣць, а иныхъ въ гридницю, и ту ся издыхоша въ множествѣ.... Мстиславъ поиде къ Переяславлю.... повя.... что живыхъ Новгородѣць и что было съ Ярославомъ въ пыку.

³⁴.—1232. Не пусти Князь (Ярославъ) *юсти* къ нимъ (*Исковичамъ*), и купляху соль по гривнѣй бърковскѣ.

1234. Изгонивша Литва Русу ои до тѣргу, и сташа Рушане и засада, огнищане и гридба, и кто *кульць* и *гости*, и выгнаша я изъ посада, оиать бующеса на погѣ.

³⁵.—1137. Имаше (на пріятеляхъ К. Всеволода Мстиславича изъ Болръ) на нихъ съ полуторы тысячѣй гривенъ, и аша купцемъ крутитися на войну.

1141. Гости были въ числѣ пословъ къ В. К. Всеволоду за его сыномъ.

1166. Приде Ростиславъ изъ Кыева и позва Новгородѣць на *пярды*: огнищане, гридъ, купцѣй вѣчшее.

1195. Идоша съ К. Ярославомъ огнищане, и гридба, и купци на Черяговъ), по вызову Великаго Князя Суздальскаго Всеволода.

О торговлѣ Смоленска, Полоцка и Витебска, по счастливому случаю, сохранился драгоценный документъ: договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригюю и Готскимъ берегомъ, 1228 года. Пропали этотъ документъ, что знали бы мы изъ нашихъ лѣтописей о торговлѣ Смоленска? Рѣшительно ничего, а между тѣмъ она была такъ обширна и велика, что для содержанія ея въ законныхъ предѣлахъ потребовалось опредѣлить множество частныхъ, доказывающихъ самое живое и частое сообщеніе. Мы узнаемъ теперь: что Смоленскихъ купцевъ бывало множество въ Нѣмецкой землѣ; что Нѣмецкихъ купцевъ бывало множество въ Смоленскѣ; что Нѣмецкіе купцы имѣли въ Смоленскѣ церкви и ѣздили изъ Смоленска и въ другіе города; что Полоцкъ и Витебскъ производили такую же торговлю съ Нѣмцами, какъ и Смоленскъ; и что Двина по всему своему теченію была свободна.

Изъ Русскихъ лѣтописей мы узнаемъ только, что Смоленскіе купцы бывали въ *Переяславль*,—при извѣстїи, что Ярославъ Всеволодовичъ, послѣ пораженія подъ Лишицами, велѣлъ ихъ перехватать, и посадить въ порубѣ. ³⁶

Изъ городовъ Смоленскаго княжества извѣстенъ по торговлѣ еще *Торопецъ*, гдѣ еще подъ 1074 годомъ упоминается «богатый» купецъ Торопчанинъ, который роздалъ имѣнье свое нуждающимся, и постригся въ монастырь Осодосіевомъ, нареченный Исаакіемъ.

Что во *Владимирѣ Суздальскій* приходили купцы *Греческіе, Нѣмецкіе, Кіевскіе* и *Восточные*, о томъ узнаемъ мы

36.—1216. Ярославъ вбѣгъ изыма *Новгородци* и *Смоляны*, иже бяху зашли юстьбою въ землю его, повелѣ въ погребы вметати ихъ, что есть Новгородцевъ, а иныхъ въ градницу, и ту ся издохша, а иныхъ повелѣ затворити въ тѣси избѣ, и издуши ихъ полтораста, а Смолянъ 15 мужъ затвориша кромѣ, тѣ же быша вси живи.

случайно изъ причитанья Кузмища Кіянина надъ трупомъ Андреевымъ.³⁷

О купцахъ во Владимирѣ, какъ части заселенія городского, есть два мѣста, надъ годами 1177 и 1206.³⁸

О Новгородскихъ и Смоленскихъ купцахъ въ *Переяславль*, см. выше.

—

Иностранные купцы, торгуя съ Рускими, проѣзжали еще чрезъ Рускую землю въ сосѣднія страны съ тою же цѣлю, а именно:

Въ *Болгарію*, что узнаемъ мы въ извѣстїи объ умерщвленїи Болгарскомъ городѣ богатаго купца, который не хотѣлъ тамъ измѣнить христіанству и былъ замученъ;³⁹

Норманновъ мы видимъ при взятїи *Константинополя* Латинами, которые ихъ выгнали.⁴⁰

=

Такова была торговля Руси въ удѣльномъ періодѣ. Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Витебскъ, Торонецъ, Псковъ,

³⁷.—Иногда бо аче и *юсть* приходилъ изъ Царягорода, и отъ иныхъ странъ изъ Руской земли, и аче *Латинскихъ*, и до всего *хрестьянства*, и до всеѣхъ *молани*. . . (Андрей всѣмъ велѣлъ показывать богатства церковныя).

³⁸.—1177. »Бысть мятежъ въ городѣ Володимирѣ, всташа Бояре и *купци*, рекуще: Княже (Всеволодъ), мы тобѣ добра хочемъ, и за тя головы своѣ складываемъ, — нынѣ вороги свои держишь просты, а се ворози твои и наши Суздальци и Ростовци, а казни ихъ.

1206. Проводиша (Константина) вся братья его.... и вси Бояре отца его и вси *купци* и вси послы братьевъ его.

³⁹.—1229. Того же лѣта страсть новаго мученика Христова (Аврамїя), его же убиша Болгаре въ великомъ градѣ ихъ: съ бысть *мною языка не Рускою*, хрестьянъ же съ, имѣяше имѣнье много, *юстешбу* дѣя по градомъ.... (Болгаре) же яудаша и отврещися Христа.... онъ же не покорися.... усѣченъ бысть.... и створи Богъ милость вскорѣ.... погорѣ... большая половина города великаго.... и *товара* погорѣ множество безчеловено.

⁴⁰.—1204. И Грехы же и Варягы изгнали изъ града, вже бахутся остави І В. II, с. 138.

Руса, Ладога, Торжокъ, Володимирь, Переяславль, Черниговъ,—вотъ города, о коихъ положительныя извѣстія сохранились въ Лѣтописяхъ, какъ мы представили.

Произведенія этой торговли мы видимъ, въ оборотъ, въ употребленіи, напр. въ 1148 году: «Изяславъ да дары Ростиславу что отъ Рускихъ земель и отъ всихъ царскихъ земель, (то есть Греческихъ), а Ростиславъ да дары Изяславу что отъ верхнихъ земель и отъ Варягъ (то есть Сѣверныхъ, Нѣмецкихъ).

О внутренней торговлѣ мы знаемъ изъ одного мѣста въ лѣтописи, что она была обложена *пошлинами*: въ 1150 году, князь Борисъ Юрьевичъ принужденъ былъ бѣжать отъ Владимирка Галицкаго, напавшаго внезапно на его Бѣлгородъ. Владимирко захватилъ бы его самого, говорить лѣтописи Кіевская, еслибъ «мытникъ» не успѣлъ разметать моста.⁴¹ Если былъ мытникъ, то было и мыто, *пошлина*.

Въ городахъ вездѣ были *торговища*, т. е. торговыя площади, кои до сихъ поръ сохранились и во всѣхъ Славянскихъ городахъ на Западѣ. Въ *Новгородѣ*, искони, цѣлая сторона называлась *Торговою*.

Въ *Кіевѣ* 1067 г. «Люде Кыевстїи... створиша вѣче на *торговищи*.» 1069 г. «Изяславъ възгна *торгъ* на Гору.»

Во *Вздвигени* 1096 г. «Бысть везому ему (ослѣбленному Васильку) сташа съ нимъ, перешедше мость Здвигецьскый на *торговищи*.»

Въ *Русь*: 1234 г. «Изгониша Литва Русу оли до тѣргу.»

М. ПОГОДИНЬ.

41. — 1150. Даче бы не мытникъ устерегъ и моста не переметалъ, то или быша.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

МИХАИЛЬ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

=

Михаилъ Всеволодовичъ по происхожденію своему принадлежалъ къ знаменитому гнѣзду Ольговичей, которые преимущественно предъ прочими Рускими князьями отличались удальствомъ и храбростію, и которыхъ пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» прямо называетъ *Олгово хороброе гнѣздо*.¹ Дѣдомъ Михаила былъ тотъ знаменитый Святославъ, о которомъ въ томъ же Словѣ сказано: «Святославъ грозный великій Кыевскій наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, возмути рѣки и озера, иссуши потоки и болота, а поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ пльковъ Половецкихъ, яко вихрь выторже.»² Не менѣе былъ знаменитъ и отецъ Михаила Всеволодъ Святославичъ Чермный, который также былъ великимъ княземъ Кіевскимъ и господствовалъ надъ всѣмъ Приднѣпровьемъ; онъ замышлялъ даже изгнать оттуда всѣхъ князей не Ольгова племени. Лѣтопись записала его замѣчательную рѣчь къ Ростиславичамъ: «недостойни есте жити въ землѣ Руской: понеже ваше племя сотвори се, еже повѣсиша братію мою въ Галичу, и наведосте срамъ на весь родъ мой и на всю Рускую землю, сего ради не имате части въ ней.»³

Михаилу Всеволодовичу, достойному потомку доблестныхъ предковъ довелось жить и дѣйствовать именно въ то время, когда Ольговичи близки были къ тому, чтобы сдѣлаться го-

¹—Руск. Дост. т. III. стр. 54.

²—Тамъже. стр. 109—110.

³—Густин. лѣт. стр. 333.

сподствующимъ княжескимъ племенемъ въ Придѣпровской странѣ; но когда старѣйшіе представители этого племени не были способны къ таковому подвигу. Въ какомъ городѣ первоначально княжилъ Михаилъ, мы не знаемъ; но очевидно, не въ Черниговѣ; ибо лѣтописи прямо называютъ Черниговскимъ княземъ дядю Михаила Мстислава Святославича Козельскаго. Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ, Михаилъ въ первый разъ упоминается на совѣтѣ Рускихъ князей, бывшемъ въ Кіевѣ въ 1224 году, по случаю нашествія Татаръ.⁴ Въ это время, вѣроятно, онъ былъ еще очень молодъ; ибо лѣтописи называетъ его молодымъ княземъ вмѣстѣ съ Даниломъ Романовичемъ и Всеволодомъ Мстиславичемъ; а извѣстно, что Данилу тогда было только 18 лѣтъ.⁵ На долю Михаила выпала жребіи начать свою службу отечеству, записанную въ лѣтописяхъ, именно въ томъ самомъ дѣлѣ, въ которомъ онъ въ послѣдствіи доблестно сложилъ свою голову.

Но Михаилъ не участвовалъ въ страшномъ Кальскомъ бою,⁶ бывшемъ вслѣдъ за Кіевскимъ княжескимъ съѣз-

4.—Троиц. лѣт. стр. 217.

5.—Годъ рожденія Михаила намъ невѣстенъ. Татищевъ, кажется основываясь на неправильномъ толкованіи одного неяснаго мѣста Ипатіевской лѣтописи, говоритъ, что Михаилъ родился въ 1179 году; вотъ его слова: «преставися княгиня Марія Казимировна супруга Всеволода Святославича... бо бѣзнь же ея приключися отъ тяжкаго рожденія сына Михаила, который по ней остался.» (Тат. III. стр. 234) но съ этимъ показаніемъ нельзя согласиться; ибо въ Ипатіевской лѣтописи подъ 1179 годомъ сказано только: «преставися княгиня Всеволожа.» (Ипат. стр. 121) О рожденіи же Михаила нѣтъ и помину; а въ Густинской лѣтописи прямо говорится: «преставися княгиня Всеволодова, мати Святослава, дщи Козимира Короля Польскаго мнѣха.» (Густин. стр. 317). Слѣдовательно умерла не мать, а прабабка Михаила. Татищева же ввело въ заблужденіе подлѣтъ же годомъ стоящее извѣстіе въ Ипатіевской лѣтописи: «Приведе Святославъ за Всеволода, за середнего сына жену изъ Лиховъ Казимирну во Филиппово говенъ.» Но эта Казимировна, какъ значится въ Густинской лѣтописи, была дочь Казимира справедливаго, у Маріи же матери Святослава, какъ мы уже видѣли, отецъ былъ Казимиръ мнѣхъ.

6.—Татищевъ кажется принимаетъ противное, изъ его словъ видно что Михаилъ былъ на Кальскомъ бою съ Монголами. Ибо онъ говоритъ: «Ми-

домъ — потому ли что не сочувствовали планамъ старшихъ князей Придѣпровья, или просто по примѣру многихъ изъ своихъ предковъ, которые обыкновенно въ молодости искали себѣ славы и чести вдалекѣ на чужбинѣ; онъ въ годъ Кальской битвы удался съ своею удалою дружиною въ дальнюю страну Суздальскую, къ зятю своему Юрью Всеволодовичу. Здѣсь счастье благопріятствовало Михаилу, какъ нельзя болѣе; Юрій въ это время собрался въ походъ на Новгородцевъ, куда звалъ его сынъ Всеволодъ, принужденный удалиться изъ Новгорода въ Торжокъ. Михаилъ съ своими удалцами прибылъ очень кстати; и Юрій тою же осенью взялъ его съ собою въ Новгородскую сторону. Полки Юріевы были многочисленны; они грозно вступили уже въ Торжокъ и готовились опустошить Новгородскія владѣнія; Юрій уже грозилъ народу напоить своихъ коней Волховомъ; но съ одной стороны нѣкоторая уступчивость, а

ханъ Всеволодовичъ остался отъ него въ Черниговѣ по Мстиславѣ старѣйшемъ его братѣ, но бояся Татаръ, пришедшихъ за ними, уѣхалъ въ Новгородъ.» (Тат. III. стр. 442) Но объ этомъ нѣтъ и помину ни въ одной древней лѣтописи, какія только дошли до насъ, даже нигдѣ не говорится, чтобы Монголы доходили въ это время до Чернигова; по свидѣтельству Ипатіевской и Троицкой лѣтописей, они воротились назадъ отъ Новгорода Святополча, который стоялъ на Днѣпрѣ далеко ниже даже Кіева не только Чернигова. По этому Михаилу не отъ чего было бѣжать изъ Чернигова, когда Монголы уже оборотились назадъ. Притомъ же если бы Михаилъ былъ въ Кальскомъ бою, то онъ хорошо бы звалъ о смерти старѣйшаго Черниговскаго князя Мстислава Святославича, погибшаго въ битвѣ; а слѣдовательно уже по одному этому обстоятельству ни за что не удался бы изъ Чернигова, ибо по смерти Мстислава, ему принадлежало старѣйшинство въ Олеговомъ племени и вмѣстѣ съ тѣмъ владычество надъ Черниговомъ. Предпологать, что Михаилъ очень испугался Монголовъ и отчался въ возможности удержать свою отчину, рѣшительно невозможно; ибо въ то время Придѣпровскіе князья вовсе еще не считали такъ страшными Монголовъ, они не отличали ихъ отъ обычныхъ своихъ враговъ Половцевъ; иное дѣло послѣ въ 1240 году, послѣ завоеванія Монголами Сѣверовосточной Руси, тогда мнѣніе о Монголахъ перемѣнилось, и Придѣпровскіе князья стали искать отъ нихъ спасенія на чужбинѣ. Ясно, что Татищева ввело въ заблужденіе какая либо позднѣйшая Лѣтопись.

съ другою рѣшимость Новгородцов умереть за святую Софію, и сдѣланныя ими разные укрѣпленія по дорогѣ, перемѣнны ходъ дѣла; Юрій, не желая испытывать счастья въ битвѣ, вступилъ въ переговоры съ Новгородцами, и предложилъ имъ въ князя Михаила. Предложеніе было принято, и Новгородцы отправили посольство звать Михаила въ Новгородъ.⁷

Вступивши въ управленіе дѣлами Новгорода, Михаилъ выказалъ всю высокость души и благородство характера: онъ какъ истый витязь принялъ за первую свою обязанность облегчить участь Новгородцевъ, стѣсненныхъ и собственными партіями и Суздальцами, управлявшими народомъ при Юріевомъ сынѣ Всеволодѣ. Правдивый лѣтописецъ прямо говорить: «приде князь Михаилъ въ Новгородъ и бысть льгко по волости Новугороду.»⁸ Но не довольствуясь симъ важнымъ и благодѣтельнымъ для народа распоряженіемъ, надежно упрочивавшимъ искреннюю любовь и преданность Новгородцевъ, Михаилъ рѣшился продолжать свои благодѣнія народу. Какъ вѣрный своему долгу государь Новгорода, онъ вмѣстѣ съ мужами Новгородскими отправился во Владимиръ ходатайствовать у Юрія о возвращеніи Новгородскихъ товаровъ, во время войны захваченныхъ въ Торжкѣ и по Суздальскимъ областямъ. Это путешествіе имѣло полный успѣхъ: Юрій, уважая Михаилово ходатайство, исполнилъ требованія Новгородцевъ и возвратилъ ихъ товары. Съ радостію и любовію граждане Новгорода встрѣчали князя-благодѣтеля, везшаго несмѣтныя богатства возвращенныя народу не силою оружія и кровопролитіемъ, но мирнымъ ходатайствомъ и заступничествомъ; благородная душа Михаила высоко цѣнила любовь и радость народную, но уже не могла спокойно наслаждаться ими: обстоятельства, истерпяція отсрочки, отзывали Михаила на югъ въ родной Черниговъ, на новые труды и безпокойства.⁹

⁷—Новг. I. стр. 41.

⁸—Тамъ же.

⁹—Тамъ же. и Троиц. стр. 219.

Кажется, еще на пути из Владимира пришла к Михаилу печальная вѣсть о поражении Придѣлпроевскихъ князей на Калкѣ, и о кончинѣ дяди его Мстислава Святослави-ча, павшаго въ страшномъ бою съ Татарами, и съ тѣмъ вмѣстѣ онъ получилъ непріятное извѣстіе о занятіи отчиннаго Чернигова Олегомъ Курскимъ, который какъ младшій не имѣлъ на это права. Чувствуя всю необходимость своего присутствія на родинѣ, Михаилъ прямо, по прибытіи въ Новгородъ, вышелъ на Ярославовъ дворъ и объявилъ народу: «теперь я не могу оставаться долѣе въ Новгородѣ, иду въ Черниговъ; отпущайте ко мнѣ вашихъ гостей, и я на вашу землю буду смотрѣть какъ на свою, а вы на мою землю смотрите какъ на свою.»¹⁰ Жалко было Новгородцамъ разстаться съ такимъ добрымъ и радушнымъ княземъ, который напоминалъ имъ двухъ знаменитыхъ Мстиславовъ, любимцевъ и благодѣтелей народа; долго они упрашивали и умоляли Михаила не оставлять Новгорода; но настоятельная нужда ѣхать въ Черниговъ такъ была сильна, что Михаилъ не могъ согласиться на ихъ просьбы, и распрощавшись съ гражданами, отправился въ далекій путь, сопровождаемый любовію и благословеніями всего народа, — лучшею наградою душъ благородныхъ. Многіе изъ Новгородцевъ никакъ не хотѣли разстаться съ Михаиломъ и пошли за нимъ въ Черниговъ.

Пришедши въ Черниговскую сторону, Михаилъ Всеволодовичъ скоро увидѣлъ, что мирнымъ путемъ нельзя получить должнаго отъ Олега Игоревича, который завладевъ Черниговомъ, не думалъ уступать его Михаилу добровольно, потому только, что Михаилъ, какъ старшій въ родѣ, имѣлъ на это законное право. Средства же Михаила были слишкомъ слабы для того, чтобы силою принудить Олега къ повиновенію; а по сему онъ обратился съ просьбою къ зятю своему Юрію Всеволодовичу великому князю Владимирскому; и тотъ, желая помочь любимому шурина, немед-

¹⁰.—Новг. I. стр. 41.

ленно съ своими племянниками и съ полками Суздальцевъ отправился къ Михаилу. Олегъ, кажется, хотѣлъ защищаться, и все предвѣщало сильное кровопролитіе; ибо и Юрій съ Михаиломъ не за тѣмъ пришли, чтобъ уступать; но вдругъ вовсе неожиданно въ станѣ Юрія и Михаила явился миротворецъ, всѣми уважаемый митрополитъ Кіевскій Кирилль, присланный тамошнимъ княземъ Владиміромъ Рюриковичемъ. Онъ своими убѣжденіями такъ умѣлъ подѣйствовать, особенно на Юрія, что враждующіе вступили въ переговоры и заключили миръ, по которому Михаилъ получилъ Черниговъ, а Олегъ принялъ прежній удѣлъ своего отца Игоря. ¹¹

Помирившись съ Олегомъ, Михаилъ Всеволодовичъ около трехъ лѣтъ прожилъ въ Черниговскомъ краю, преимущественно заботясь объ устройствѣ своихъ владѣній, и для сего, кажется, самъ ѣздилъ изъ области въ область, лично наблюдая за порядкомъ и правдою, и короче знакомясь съ своими подданными. ¹² Впрочемъ въ это время, исполненное смуть и усобицъ, миръ продолжительный былъ невозможенъ ни для одного князя Приднѣпровской Руси; а посему и Михаилъ волей неволей долженъ былъ принять участіе въ сосѣднихъ междоусобіяхъ: его вызвалъ на это великій князь Кіевскій Владиміръ Рюриковичъ, который, по просьбамъ Ростислава Шинскаго, готовился въ походъ на Данила Романовича Галицкаго и всюду искалъ себѣ союзниковъ. Михаилъ, можетъ быть, желая удалить войну отъ предѣловъ своихъ владѣній, принялъ вызовъ и присоединилъ свою дружину и дружины другихъ князей Ольгова племени къ полкамъ Кіевскимъ; къ нимъ также пристали ханъ Котьянь съ толнами Половцевъ, и Ростиславъ Шинскій съ своею дру-

¹¹.—Лавр. стр. 190. и Татищ. III. стр. 444—445.

¹².—Я осмѣливаюсь такъ думать потому, что въ 1228 году Михаилъ съ своимъ сыномъ посѣщалъ Брынскую область; впрочемъ подробностей Михаилава пребыванія въ Черниговѣ мы не знаемъ, ибо у насъ нѣтъ ни Кіевскихъ ни Черниговскихъ лѣтописей этого времени.

жиною. Вся эта многочисленная рать вступила въ предѣлы Даниловыхъ владѣній и осадила Каменецъ; сюдаже спѣшили и королевичъ Венгерскій, союзникъ Владимировъ. Но умный Данилъ нашелся какъ отклонить грозившую бѣду: онъ привлекши на свою сторону Котяна и пригласивши къ себѣ на помощь Поляковъ, не только принудилъ противниковъ безъ успѣха удалиться изъ его владѣній, но и самъ съ своимъ братомъ Василькомъ и полками Поляковъ устремился къ Кіеву, и такимъ образомъ заставилъ противниковъ просить мира, который и былъ заключенъ, но на какихъ условіяхъ, неизвѣстно. ¹³

Между тѣмъ облагодѣтельствованные Михаиломъ Новгородцы, въ его отсутствіе, съ одной стороны раздираемые партіями, а съ другой тѣснимые Переяславскимъ княземъ Ярославомъ, были доведены до крайности; и въ концѣ 1228 года нашлись вынужденными отправить посольство въ Черниговъ съ просьбою, чтобы Михаилъ поспѣшилъ выручить несчастныхъ. Но послы Новгородскіе Хоть Станиславичъ и Гаврило съ Лубяницы, по проискамъ Ярослава были остановлены Смоленскимъ княземъ, который даже велѣлъ занять всѣ пути, чтобы вѣсть о дѣлахъ Новгородскихъ не могла проникнуть до Чернигова. Но къ счастью, Михаилъ въ это время вмѣстѣ съ сыномъ своимъ осматривалъ Брынскую область, пограничную съ Смоленскими владѣніями; и по сему слухъ о задержаніи Новгородскихъ пословъ достигъ до него, не смотря ни на какія предосторожности. Узнавши о стѣсненномъ положеніи Новгородцевъ, Михаилъ пошелъ къ нимъ на выручку, и къ началу слѣдующаго года, именно около 1-го числа Апрѣля, явился съ Черниговскою дружиною въ Торжкѣ, а 21-го числа того же Апрѣля уже прибылъ въ Новгородъ. Прибытіе Михаила произвело въ Новгородцахъ всеобщую радость; летописецъ говорить: «и ради быша Новгородцы своему хотѣнію.» Михаилъ принесъ съ собою миръ и тишину; партіи должны

были смолкнуть и подчиниться силѣ закона и правды, о кото-
рыхъ всего болѣе заботился князь, любимецъ народа; еще при
одной мысли о приглашеніи Михаила, Новгородцы цѣловали
святую Богородицу, чтобы быть всѣмъ одинакимъ.¹⁴

Михаиль, при самомъ вступленіи въ Новгородъ, далъ тор-
жественно клятву не нарушать правъ народа, утвержденныхъ
за нимъ древними грамотами Ярослава великаго; по выраже-
нію лѣтописи: «и цѣлова крестъ на всей воли Новгородстѣй
и на всѣхъ грамотахъ Ярославскихъ.»¹⁵ Потомъ, какъ истый
князь Новгородскій, блюститель правды на судѣ и оберегатель
внутренняго мира и порядка, Михаилъ сдѣлалъ распоряженіе
о прекращеніи всѣхъ ссоръ и тяжбъ по поземельнымъ владѣ-
ніямъ и по изысканію землевладѣльцами даней и оброковъ съ
крестьянъ, переведенныхъ или перешедшихъ отъ одного вла-
дѣльца къ другому; по выраженію лѣтописи: «вда свободу смер-
дамъ на 5 лѣтъ дани не платити, кто сбѣжалъ на чюжу зем-
лю, а симъ повелѣ, кто здѣ живеть, како уставили передніи
Князи, тако платити дань.»¹⁶ Это важное государственное дѣ-
ло, первое условіе внутренней тишины и спокойствія, передъ
пріѣздомъ Михаильвымъ было въ самомъ запутанномъ поло-
женіи; въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ, начиная съ 1223
года, Новгородцы, раздираемые партіями, смѣнявшими одна
другую, до того перемѣшались въ своихъ частныхъ владѣні-
яхъ, что тяжбамъ и судбищамъ не было никакого исхода, и
особенно въ отношеніи къ крестьянамъ, которыхъ, основы-
ваясь на правѣ перехода отъ однихъ владѣльцевъ съ другимъ,
перезывали, а можетъ быть, и силою переводили богатые
представители то той, то другой торжествующей партіи; а
между тѣмъ прежніе землевладѣльцы, смотря по тому чья парті-
я усиливалась, требовали съ нихъ даней или оброковъ по
условіямъ и за тѣ годы, которые они жили уже у новыхъ го-
сподъ, и за которыя послѣднимъ заплатили условленные дани

¹⁴.—Новг. I. стр. 44.

¹⁵.—Тамъ же.

¹⁶.—Тамъ же.

По законамъ древнихъ Новгородскихъ князей, взысканіе да-ней землевладельцами, для прекращенія разорительныхъ тя-жебъ, ограничивалось только наличными крестьянами или смердами, которые въ данное время жили на землѣ того или другаго владѣльца, и не простиралось на тѣхъ крестьянъ, которые уже жили на землѣ другаго хозяина. Но этотъ за-конъ миролюбія и порядка не имѣлъ силы во время раздо-ровъ; князья Суздальскіе, временно княжившіе въ Новгоро-дѣ, также не заботились о возстановленіи сего закона, имѣя въ виду другія цѣли; имъ безпорядки Новгородскіе были благопріятны для ослабленія Новгорода. А посему Ми-хаиль Всеволодовичъ, какъ водворитель мира, какъ судія правдивый и непристрастный, и по обстоятельствамъ дол-женствовавшій свои распоряженія и цѣли противопоставить распоряженіямъ и цѣлямъ Суздальскихъ князей, сосѣдей Нов-города, прежде всего заботился возвратить благодѣтельному закону, необходимому въ Новгородскомъ быту, надлежащую силу, и особенно примѣнилъ его къ послѣднимъ пяти го-дамъ, въ которые разорительныя тябы и судбища размно-жились до безконечности. —

Разрѣшивши такимъ образомъ на основаніи древнихъ Новгородскихъ правъ, важнѣйшій юридическій вопросъ та-мошней общественной жизни о границахъ правъ на доходы съ поземельной собственности, Михаилъ немедленно при-ступилъ къ другому, не менѣе важному дѣлу по тогдашнимъ обстоятельствамъ Новгородскаго общества: къ расчету съ Ярославовою партіею, которая до сего времени смущала Новгородъ, и пользуясь покровительствомъ Суздальцевъ, при-чиняла большія притѣсенія народу, а теперь какъ пора-женная должна была расплатиться за всѣ свои злоупотреб-ленія власти и силы. Здѣсь Михаилу предстоялъ подвигъ едва ли не самый трудный для князя Новгородскаго, и онъ совершилъ этотъ подвигъ. По обычаю народному, обратив-шемуся у Новгородцевъ въ законъ, и даже въ нѣкоторой

степени допущенному Ярославовою Правдою, ¹⁷ Ярославовы сторонники, какъ пораженные, должны были подвергнуться неминуемому разграбленію, заточенію, и даже убійству; но Михаилъ, пользуясь тою любовію, которую питалъ къ нему народъ, успѣлъ отъвертять этотъ обычный разгаръ злобы и буйства, и убѣдилъ гражданъ: не грабя домовъ и не нарушая мира и тишины, наказать противниковъ безшумнымъ взносомъ тяжелой пени. Эта пеня доставила Новгородской казѣ большія богатства, которыя, по прежнему обычаю Новгородцевъ, въ подобныхъ случаяхъ, должны были поступить въ дѣлежъ между торжествующею партіею, по тамошнему выраженію: *по зубу или на концы*; ¹⁸ но Михаилъ умѣлъ отклонить и этотъ вредный обычай, расплагавшій бѣдниковъ къ мятежамъ; онъ уговорилъ народъ употребить собранныя богатства на общественную пользу, именно на построеніе большаго моста черезъ Волховъ, ибо старыи были разрушены въ прошедшую осень наводненіемъ Волхова. Новгородскій лѣтописецъ, пораженный такимъ неожиданнымъ исходомъ торжества надъ пораженными сторонниками Ярослава, съ удивленіемъ говоритъ; «А на Ярославихъ любвьвницѣхъ поимаша кунь много и на Городищанѣхъ, а дворовъ ихъ неграбляче, и даша на великій мость; и въ то же лѣто заложаша великій мость выше стараго моста» ¹⁹ И точно было чему дивиться лѣтописцу современнику; такой мирный и тихій конецъ шумнаго дѣла народной вражды партій былъ не въ обычаѣ у Новгородцовъ, и представляетъ едвали не единственный примѣръ въ цѣлой исторіи Новгорода; тамъ обыкновенно торжествующая партія рассчитывалась съ пораженными противниками сожженіемъ и разрушеніемъ цѣлыхъ концовъ и улицъ, гдѣ жили побѣжденные, разграбленіемъ и опу-

¹⁷.—Руск. Прав. XIII стол. статья 2. у Еверса древнѣйшее Руское право стр. 372.

¹⁸.—Новгр. I. стр. 30.

¹⁹.—Новгр. I. стр. 45.

стошеніемъ ихъ селъ и деревень; Волховъ въ такихъ случаяхъ, по большой части, становился кровавымъ и покрывался искаженными трупами несчастныхъ жертвъ народной мести. По всему вѣроятію, это буйство должно бы было повториться и въ настоящемъ случаѣ, и ежели не повторилось, то этому была единственною причиною твердая воля Михаила и его безпримѣрное, по тогдашнему времени, умѣнье дѣйствовать на буйный народъ.

Послѣ необычнаго разчета съ Ярославовою партією, народъ смѣнилъ посадника Иванка Дмитровича, едвали не сына Дмитра Мирошкинича изстариннаго сторонника Суздальскаго; въ этой, смѣнѣ, кажется также обошлось безъ вліянія Михаила, ибо она была сдѣлана мирно и безъ шума, и даже смѣненному посаднику отдали Торжокъ,²⁰ что также было вовсе не въ обычаѣ Новгородцевъ, которые обыкновенно въ такихъ случаяхъ смѣненныхъ посадниковъ или топили въ Волховѣ, или изгоняли съ безчестіемъ. Разсчитавшись совершенно съ Ярославовою партією, Михаилъ приступилъ къ одному изъ важнѣйшихъ дѣлъ внутренней жизни Новгорода — къ избранію архіепископа, ибо тогдашній архіепископъ Новгородскій, престарѣлый Антоній, былъ уже очень боленъ и лежалъ безъ языка. Михаилъ объявилъ народу: «се у васъ нѣту владыки, а нельпо быти граду сему безъ владыцъ; оже Богъ казнь свою възложилъ на Антонія, а вы сочтите такового мужа, въ поиѣхъ ли, въ игуменѣхъ ли, въ чернѣцѣхъ ли.»²¹ Народъ принялъ предложенія князя, и разныя партіи представили Михаилу трехъ кандидатовъ: Спиридона, Іоасафа, или Грека, котораго пришлетъ митрополитъ. Михаилъ, видя несогласія, и здѣсь прибѣгъ къ старинному обыкновению Новгорода: избрать изъ троихъ представленныхъ по жребію; онъ сказалъ народу; «да положимъ три жеребья,

²⁰.— Тамъ же.

²¹.— Тамъ же.

да который Богъ дастъ намъ.» и такимъ образомъ поводъ къ несогласію былъ отклоненъ; написавши имена трехъ предложенныхъ лицъ, положили на святой трапезѣ въ Софійской соборной церкви, и по старому обычаю, изъ владычней гридницы послали малолѣтнаго княжича Ростислава вынуть одинъ изъ положенныхъ жеребьевъ; и вынулъ жребій Спиридона, за которымъ тотчасъ послали въ монастырь, и приведши по обыкновенію посадили на дворѣ владычнемъ, до времени пока пойдетъ въ Кіевъ на поставленіе.

Всѣ сіи распоряженія, болѣе или менѣе согласныя съ древними уставами Новгорода, и въ особенности важныя и благотворительныя, потому что ими отклонялись поводы къ раздорамъ и упрочивался внутренній миръ и тишина, поставляли Михаила въ самое благопріятное положеніе къ Новгороду. Народъ конечно благословлялъ судьбу свою, пославшую ему такого добраго и мудраго князя. Но внѣшнія дѣла Новгородскія еще далеко не были приведены къ окончанію, сильный князь Переяславскій Ярославъ, человѣкъ вообще неподатливый на уступки, еще не заключалъ мира съ Новгородцами, владѣлъ Волокомъ, захваченнымъ въ недавнее время, и принималъ съ охотою бѣглецовъ тамошнихъ, недовольныхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Для обезпеченія безопасности и правъ Новгорода Михаилу предлежала необходимость вступить въ сношенія съ Ярославомъ и порѣшить неконченныя, дѣла или миромъ, или новою войною. Между тѣмъ междоусобія и ссоры волновали Приднѣпровье и вызывали Михаила въ Черниговъ для защиты интересовъ, для него болѣе близкихъ, нежели Новгородскія. А посему онъ въ отношеніи къ Ярославу ограничился посылкою двухъ довѣренныхъ лицъ Нездиль Прощкинича и Иванка Тудорковича, съ требованіемъ, чтобы Ярославъ отступился Волока, и всего отнятаго у Новгородцевъ силою, и цѣловалъ крестъ Новгороду (т. е. заключилъ съ Новгородцами миръ); самъ же немедленно от-

правился въ Черниговъ, оставя въ Новгородѣ малолѣтнаго сына своего Ростислава, и на прощанье сказалъ народу: «а мнѣ дай Богъ исправить правда Новгородская, то же отъ васъ пояти сына своего.»²² Эта прощальная рѣчь ясно говоритъ, что Михаилъ не отказывался отъ Новгорода и оставлялъ его только на время, для приведенія въ порядокъ дѣлъ своей родины Чернигова, и что онъ, какъ князь Новгородскій, не покидалъ мысли отстаивать права народа противъ всѣхъ притязаній противниковъ.

Зачѣмъ именно ѣздилъ и что дѣлалъ Михаилъ въ Черниговъ, мы не знаемъ; ибо пока у насъ не отыскано ни Кіевской, ни Черниговской лѣтописи, въ другихъ же лѣтописяхъ о Кіевскихъ и Черниговскихъ дѣлахъ этого времени вовсе не упоминается. Между тѣмъ Ярославъ, продержавъ пословъ Михайловыхъ цѣлое лѣто, отпустилъ ихъ съ гордымъ отвѣтомъ: «неуступаю ни Волока, ни другихъ волостей, и креста не цѣлую; вы себѣ, а я себѣ.»²³ Послѣ таковаго отвѣта, оставалось одно, война съ Ярославомъ, который кажется уже и готовилъ полки на Михаила; но Михаилу было не до войны на сѣверѣ: его, какъ великаго князя Черниговскаго, сильно беспокоили дѣла Приднѣпровскихъ князей, отъ которыхъ зависѣла безопасность его отчинныхъ владѣній. А посему онъ въ слѣдующемъ году пріѣзжалъ въ Новгородъ только на короткое время, чтобы сколько нибудь успокоить Новгородцевъ, и сдѣлать постриги своему сыну, семилѣтнему Ростиславу; съ Ярославомъ же рѣшился вступить въ новые переговоры, и для сего снесся съ великимъ княземъ Кіевскимъ Владимиромъ Рюриковичемъ, и упросилъ его принять посредничество въ этомъ дѣлѣ. Владимиръ принялъ его предложеніе, и вмѣстѣ съ Михайловымъ посломъ, Черниговскимъ епископомъ Порфиріемъ отправилъ и своего посла Кіев-

²²—Новг. I. стр. 45.

²³—Тамъ же.

скаго митрополита Кирилла во Владимиръ къ старшему изъ Суздальскихъ князей Юрію Всеволодовичу; куда также прибыли Ярославъ, братъ его Святославъ и князья Ростовскіе Василько, Всеволодъ и Владимиръ Константиновичи; и здѣсь, послѣ долгихъ переговоровъ, Ярославъ, уступая просьбамъ митрополита и епископа, и не желая также оскорбить старшаго своего брата Юрія, принявшаго сторону Михаила, согласился заключить съ Михаиломъ миръ;²⁴ но на какихъ условіяхъ, мы не знаемъ.

Въ Новгородѣ же, по полученіи вѣсти, о заключеніи мира между Михаиломъ и Ярославомъ, Ярославова партія, до сего времени молчавшая, подала свой голосъ и начала мятежъ. Поставленный при Михаилѣ посадникъ Водовикъ сначала дѣйствовалъ успѣшно и на нѣкоторое время утишилъ возстаніе; но случившійся въ то время страшный голодъ, (частію отъ хлѣбнаго неурожая, а еще болѣе отъ мѣръ, принятыхъ Ярославомъ, по которымъ не

²⁴— Лавр. глѣт. стр. 194. Здѣсь между прочимъ лѣтописецъ говоритъ: что »Михаилъ былъ неправъ въ крестномъ цѣлованіи къ Ярославу.« Но изъ лѣтописей нигдѣ невидно вниъ Михаила передъ княземъ Перелаславскимъ, и даже, какъ мы видѣли, есть указаніе совершенно противное, что Ярославъ не цѣловалъ креста къ Новгороду, и не отдавалъ Новгородскихъ областей захваченныхъ во время войны, о чемъ ходатайствовалъ Михаилъ. А по соображенію обстоятельствъ можно допустить, что единственная вина Михаила состояла въ вмѣшательствѣ въ дѣла Новгородскія. Ярославъ сильно стѣснившій Новгородцевъ передъ прибытіемъ Михаила въ 1228 году, естественно оскорбился за это вмѣшательство, которое, такъ сказать, вырывало Новгородъ изъ его рукъ; онъ по свидѣтельству лѣтописей даже подозрѣвалъ въ этомъ дѣлѣ своего старшаго брата Юрія, и въ 1229 году успѣлъ было возбудить князей Ростовскихъ Василька и Всеволода Константиновичей; но умный и сильный Юрій умѣлъ уладить это дѣло безъ брани и шума. И Ярославъ, неуспѣвши здѣсь, обратился прямо на Михаила; но какъ видно по выше приведенному свидѣтельству лѣтописи, и тутъ, хотя на время, долженъ былъ уступить; ибо за князя Черниговскаго вступились и Юрій и Владимиръ Кіевскій. Это заступничество старшихъ князей ясно показываетъ, что Михаилъ не былъ виноватъ передъ Ярославомъ по тогланнимъ правамъ между князьями; притомъ лѣтопись не говоритъ, что бы Михаилъ, въ слѣдствіе примиренія, сдѣлалъ какія либо уступки Ярославу какъ виновный.

пропускали въ Новгородъ хлѣба изъ сосѣднихъ областей), на зиму даль новыя средства и предлоги ко вторичному возстанію, которое менѣе, нежели въ мѣсяць, ниспровергло все устроенное Михаиломъ. Водовикъ, не имѣя болѣе силъ къ усмиренію мятежа, 8 декабря удалился въ Торжокъ вмѣстѣ съ княжичемъ Ростиславомъ. Это удаленіе еще болѣе усилило Ярославовыхъ сторонниковъ; они на другой же день по Водовиковомъ отъѣздѣ произвели новый мятежъ, и какъ партія торжествующая, по старому обычаю, начали убійства, грабительства и опустошенія; разорили до основанія дома и села посадника Водовика, тысяцкаго Бориса и другихъ своихъ противниковъ; потомъ выбрали себѣ новаго посадника и новаго тысяцкаго, и раздѣлили по сотнямъ все разграбленное имѣніе пораженной партіи. Водовикъ, услышавши объ успѣхѣ возстанія, бѣжалъ изъ Торжка къ Михаилу въ Черниговъ, вмѣстѣ съ другими своими сторонниками, успѣвшими спастись отъ избіенія; Ярославова же партія, поставая Михаилу въ вину и то, что онъ заключилъ миръ съ Ярославомъ, сложила съ Новгорода крестное цѣлованіе къ Михаилу; приказала княжичу Ростиславу удалиться изъ Торжка, и послала за Ярославомъ, прося его о скорѣйшемъ прибытіи, что тотъ и поспѣшилъ исполнить, и 30 декабря уже присутствовалъ на вѣчѣ и далъ клятву на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ (т. е. Ярослава Великаго); но просидѣвъ двѣ недѣли, удалился въ Переяславль, и увелъ съ собою нѣкоторыхъ изъ сторонниковъ Михайловыхъ; въ Новгородѣ же оставилъ малолѣтнихъ своихъ сыновей Феодора и Александра.²⁵

Между тѣмъ Михаилу нѣкогда было и подумать о своей партіи въ Новгородѣ; дѣла Приднѣпровскія были въ крайней запутанности, князья съѣзжались для переговоровъ и опять разъѣзжались, не оканчивая своихъ несогласій; все предвѣщало близкую войну Ольговичей съ Мо-

²⁵—Новг. I. стр. 46—47.

номаховичами, и наконецъ послѣ большаго съѣзда князей въ Кіевѣ, бывшаго въ началѣ Апрѣля 1231 года, ²⁶ Михаилъ уѣхалъ, совершенно разсорившись съ Владиміромъ Рюриковичемъ, и началъ войну, въ которую вмѣшался и Даниль Романовичъ Галицкій, пришедшій помогать Владимиру противъ Михаила. Подробностей этой войны мы не знаемъ, ибо въ Волынской лѣтописи объ ней упомянуто очень коротко («Володимерь же посла Данилови река: идеть на мя Михаилъ; а помози ми брате! Данилови же пришедшу створити миръ межи има, Даниль же изъ Руской земля взя собѣ часть Торцскій» ²⁷); въ другихъ же лѣтописяхъ даже вовсе не упоминается. Но какъ бы то ни было, война эта кончилась должно быть при самомъ началѣ, и ничего не рѣшила окончательнаго; обѣ стороны поспѣшили заключить миръ или перемиріе на какихъ ни есть условіяхъ, только чтобы скорѣе отвязаться отъ войны, для другихъ дѣлъ болѣе необходимыхъ; ибо съ одной стороны Данила и Владимира безпокоилъ походъ Венгровъ въ Галицію владѣній, а съ другой Михаилъ отъ своихъ сторонниковъ вѣроятно получилъ вѣсть изъ Новгорода о враждебныхъ замыслахъ Ярослава, который не смотря на миръ заключенный во Владиміръ, собиралъ войска изъ своихъ и Новгородскихъ владѣній, и готовился къ походу на области, принадлежавшія Михаилу.

Съ началомъ осени Ярославъ точно началъ войну съ Михаиломъ, и самъ съ своими племянниками ²⁸ и съ полками Новгородскими, Переяславскими и Ростовскими, явился въ предѣлахъ владѣній Черниговскихъ, сжегъ Шеренскъ и осадилъ Мосальскъ; но не взявъ города, воротился домой, не заключивъ мира и истребляя и опустошая все встрѣчавшееся на пути по Михайловымъ владѣніямъ. ²⁹ Это ско-

²⁶.—Лавр. 194.

²⁷.—Плат. 171.

²⁸.—Лавр. стр. 196.

²⁹.—Новг. I. стр. 48.

рое отступленіе Ярослава ясно показываетъ, что онъ хотѣлъ напасть на Михаила въ раслохъ, слышавши о его войнѣ съ Кіевскимъ княземъ, и не знаяши еще о заключеніи мира. Когда же узналъ, что Михаилъ уже помирился съ Владимиромъ, и готовъ встрѣтить новаго врага и помѣриться съ нимъ силами; то поспѣшилъ уклониться отъ этой встрѣчи, отъ которой должно быть не ждалъ себѣ выгоды; слѣдовательно Михаилъ былъ не подъ силу для Ярослава. О мирѣ же естественно еще не могло быть и помину; ибо Ярославу выгоднѣе было оставить свои отношенія неопредѣленными, нежели искать мира, не бывши ни побѣжденнымъ ни побѣдителемъ; Михаилу также, какъ оскорбленному враждебнымъ набѣгомъ противника, не было причинъ думать о предложеніи мира, и тѣмъ болѣе, что бѣжавшіе изъ Новгорода представители его партіи еще жили въ Черниговѣ, и сносясь съ своими сторонниками, остававшимися въ Новгородѣ, всѣми силами старались поддержать вражду и увѣряли Михаила, что его партія довольно сильна въ Новгородѣ и особенно во Псковѣ, и что Ярославъ тамъ непрочень; и эти увѣренія въ большей или меньшей мѣрѣ были справедливыми, какъ это могъ видѣть самъ Михаилъ по доходившимъ до него слухамъ о мятежахъ, волновавшихъ Новгородскій край. Но ему въ это время рѣшительно некогда было заняться Новгородскими дѣлами какъ слѣдуетъ; ибо тогдашнее состояніе Приднѣпровья представляло интересы болѣе для него близкіе и важныя. Онъ тогда стоялъ въ такомъ положеніи, что, принимая личное и дѣятельное участіе въ дѣлахъ Приднѣпровскихъ, не далеко былъ отъ того, чтобы получить здѣсь болѣе или менѣе рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми Южными князьями, и потомъ съ полною увѣренностію въ успѣхѣ обратиться къ Новгороду; и наоборотъ оставляя югъ для сѣвера, онъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ легко могъ безъ надежды на возвращеніе лишиться того вліянія, которымъ уже пользовался въ Приднѣпровьѣ. А по-

сему, какъ можно заключить изъ молчанія лѣтописей, Михаилъ даже не преслѣдовалъ Ярослава во время его отступленія отъ Мосальска; и въ отношеніи къ Новгороду ограничился пока тѣмъ, что на слѣдующій годъ послалъ въ ту сторону сподручнаго себѣ князя Святослава Трубчевскаго, въ сопровожденіи только Новгородцовъ, проживавшихъ въ Черниговѣ; но Святославъ, не дошедши до Новгорода воротился, увидавъ что Ярославова партія еще сильна.³⁰ Послѣ чего Михаилъ, занятый ближайшими для себя Приднѣпровскими дѣлами, болѣе уже не дѣлалъ попытокъ на Новгородъ, хотя его партія еще дѣйствовала тамъ противъ Ярослава.

Миръ, или скорѣе перемиріе, заключенное Михаиломъ съ Владимиромъ Кіевскимъ, только по случаю нападенія съ одной стороны Венгровъ, а съ другой Ярослава, какъ мы уже сказали, не рѣшало ссоры, возникшей на послѣднемъ Кіевскомъ сѣздѣ, бывшемъ въ началѣ 1231 года, и слѣдовательно въ сущности не было обязательнымъ ни для той ни для другой стороны. По свидѣтельству Волынской лѣтописи, Михаилъ заключивъ союзъ съ храбрѣйшимъ изъ Игоревичей Изяславомъ Владимировичемъ, не переставалъ враждовать противъ князя Кіевского Владимира Рюрикovichа.³¹ Вражда сія, кажется, была чисто родовая и особенно поддерживалась крѣпкимъ союзомъ Кіевского князя съ Даниломъ Галицкимъ. Михаилъ очень хорошо понималъ, что ему и соплеменнымъ съ нимъ князьямъ Ольговичамъ не сдобровать въ Приднѣпровьѣ, и особенно въ Волынской землѣ, ежели Владимиръ и Данилъ побѣдятъ своихъ ближайшихъ враговъ и сдѣлаются сильнѣйшими князьями въ Приднѣпровскомъ краю. А посему, пользуясь смутами въ Галицкой сторонѣ и сильнымъ вмѣшательствомъ въ сіи смуты Венгровъ, онъ крѣпко заботился о томъ,

³⁰. — Тамъ же.

³¹. — Ипат. стр. 173.

чтобы скорѣе получить рѣшительный перевѣсъ надъ Приднѣпровскими князьями; у него не выходилъ изъ головы урокъ, полученный при заключеніи послѣдняго мира или перемирія (1231 г.), по которому Данилъ, какъ союзникъ Владимировъ, получилъ Торческъ, который тутъ же и отдалъ дѣтямъ своего покойнаго тестя Мстислава Мстиславича Храбраго, ³² сродичамъ Владимиру Кіевскому. Здѣсь Михаилъ ясно видѣлъ, какая грозитъ опасность Ольговичамъ; ибо ежели Кіевскій и Галицкій князья начинали по своему усмотрѣнію надѣлать Приднѣпровскими городами своихъ сродичей, еще неокончивши счетовъ съ Ольговичами, и не получивши рѣшительнаго перевѣса; то конечно нельзя уже было ждать отъ нихъ пощады, когда они смирятъ Галицкія смуты и побѣдятъ Венгровъ, вязавшихъ имъ руки. Все это вызывало Михаила на упорную борьбу, и онъ избралъ для себя за лучшее завладѣть Кіевомъ, или по крайней мѣрѣ, стѣснить Кіевского князя, и не дать ему усилиться. Съ этою цѣлію въ концѣ 1233 года онъ, кажется вмѣстѣ съ Ізяславомъ, двинулся къ Кіеву; но на его бѣду Данилъ успѣлъ нѣсколько устроить свои дѣла въ Галицкой сторонѣ, и съ большими силами явился на выручку къ Владимиру Рюриковичу, такъ что Михаилъ долженъ былъ отступить отъ Кіева. Но противники его, не довольствуясь отраженіемъ, сами пустились къ Чернигову, и соединившись съ Мстиславомъ Глѣбовичемъ, начали опустошать Михайловы владѣнія и забирать города, лежащіе по Деснѣ; имъ уже покорились Хороборъ, Сосница, Сновскъ и многіе другіе города, а наконецъ дошло дѣло и до Чернигова. Здѣсь Михаилъ показалъ все свое мужество и умѣнье воевать: противники уже заняли Черниговскіе посады и опустошили всѣ окрестности, Черниговцы были въ крайности, страшныя стѣнобитныя орудія осаждающихъ уничтожали въ осажденныхъ всякую надежду

³².—Тамъ же, стр. 171.

на спасеніе; ³³ по всѣмъ расчетамъ уже близка была сдача города; но Михаилъ одною хорошо рассчитанною вылазкою уничтожилъ всѣ успѣхи противниковъ; по свидѣтельству Новгородской лѣтописи, онъ выступилъ изъ Чернигова, показывая видъ, что уже отчаялся въ возможности продолжать оборону города, ³⁴ граждане же, какъ можно заключать изъ разсказа Волынской лѣтописи, вступили въ переговоры съ осаждающими; ³⁵ а Михаилъ, пользуясь этимъ временемъ, поворотилъ назадъ къ Чернигову, ударилъ на полки Даниловы, и такое произвелъ въ нихъ опустошеніе, что Данилъ едва успѣлъ уйти, а въ слѣдъ за нимъ удалился и князь Кіевскій. ³⁶

Только что Михаилъ успѣлъ отразить враговъ отъ Чернигова, какъ вѣрный союзникъ его Изяславъ пришелъ къ нему съ полками Половцевъ, за которыми нарочно ходилъ въ ближайшія степи. Получивши такимъ образомъ значительное пособіе, Михаилъ не задумался долго, и немедленно пошелъ съ Изяславомъ и Половцами къ Кіеву. Это неожиданное движеніе Михаила смутило Владимира и Данила, и особенно послѣдній, утомленный Черниговскимъ походомъ, продолжавшимся отъ Крещенья до Вознесенья, хотѣлъ уже оставить своего союзника и лѣсами пробраться въ Галицкую сторону; но остановленный усиленными просьбами князя Кіевского и своего воеводы Мирослава, рѣшился еще попробовать счастья въ битвѣ, и вмѣстѣ съ Кіевскими полками и Владимиромъ выступилъ къ Торческу, гдѣ Михаилъ съ своими союзниками уже поджидалъ противниковъ, и немедленно вступилъ въ бой, который, не смотря на отчаянную храбрость Данила, кончился въ пользу Черниговскаго князя. Полки Кіевскіе и Галицкіе были разбиты на голову; Владимиръ съ Миросла-

³³.—Ипат. стр. 173.

³⁴.—Новг. I. стр. 50.

³⁵.—Ипат. стр. 173.

³⁶.—Ипат. стр. 337.

вомъ попались въ плѣнь, Даниль же едва убѣждалъ въ Галичь, гдѣ Торческое пораженіе такой навело страхъ, что народъ и бояре заговорили: »Михаиль и Половцы уже идутъ къ Владимиру Волинскому.« Озабоченный сими ложными слухами, Даниль немедленно отправилъ туда съ остальными полками своего брата Василька, а самъ остался почти безъ войска, чѣмъ воспользовались шаткіе Галичане, и произвели мятежъ, который заставилъ Данила удалиться въ Венгрію. Между тѣмъ Торческіе побѣдители вошли въ Кіевъ, отдали плѣннаго Владимира, его жену и дѣтей Половцамъ; Кіевъ же Михаиль уступилъ своему союзнику Изяславу, а самъ, пользуясь страхомъ наведеннымъ на Галичанъ и удаленіемъ Данила, пошелъ на Галичь и безъ сопротивленія занялъ его, кажется, по согласію съ тамошними боярами. ³⁷

Но занятіе Галича еще далеко не оканчивало спора. Даниль былъ не изъ такихъ людей, которые упадаютъ духомъ послѣ первой неудачи; притомъ же у него были союзники Венгры и Ляхи, да и полки, посланные съ Василькомъ къ Владимиру, не были еще разбиты; а посему Михаилу предстояло еще много хлопотъ и опасностей. При началѣ зимы того же года Василько, а за нимъ и Даниль съ полками Ляховъ, двинулись къ Галичу и начали опустошенія; но Михаиль, какъ воинъ опытный и храбрый, не думалъ ждать непріятеля за стѣнами, и еще далеко отъ Галича встрѣтилъ полки противниковъ и принудилъ удалиться. Это искусное и мужественное отраженіе непріятеля, и вообще благородный и открытый характеръ Михаила, такъ привязали къ нему Галичанъ, что они на другой годъ сами открыли походъ къ Каменцу, непризнававшему Михаиловой власти и защищавшему права Данила; впрочемъ этотъ походъ не удался; ибо, между тѣмъ выкупившійся отъ Половцовъ Владимиръ Рюри-

ковичъ привелъ полки Торковъ и соединясь съ Каменецкими боярами, разбилъ Галичанъ и многихъ взявши въ плѣнь, отослалъ къ Даниилу, укрѣпившемуся во Владимирѣ Волынскомъ. Этотъ неудачный походъ, кажется, былъ въ самомъ началѣ 1235 года. Съ началомъ же лѣта Михаилъ и Изяславъ, пригласивши Половцовъ и привлекиши на свою сторону Ляховъ, прежнихъ союзниковъ Даниловыхъ, начали новую войну съ Даниломъ, требуя выдачи Болховскихъ князей, захваченныхъ подъ Каменцомъ. Даниль былъ въ затруднительномъ положеніи; онъ уже вышелъ изъ Владимира въ Городокъ; но неудачное нападеніе Ляховъ на Червень и измѣнническое отступленіе Половцовъ принудили Михаила отступить отъ Подгорья и возвратиться въ Галичь, куда немедленно устремился и Даниль съ Василькомъ; но Михаилъ, затворившійся тамъ съ своимъ сыномъ Ростиславомъ, такъ хорошо успѣлъ укрѣпиться, что Романовичи не осмѣлились подступить къ Галичу, и воротились назадъ; на дорогѣ осадили было Звенигородъ, впрочемъ и здѣсь не имѣли успѣха, и къ осени заключили миръ съ Михаиломъ, и такимъ образомъ признали его власть надъ Галицкими владѣніями.³⁸ Впрочемъ этотъ миръ не помѣшалъ Даниилу въ томъ же году снова начать войну. Но Михаилу было не до войны съ Романовичами; онъ проводилъ о большей опасности съ другой стороны. Его давнишній врагъ Ярославъ князь Переяславскій, успѣвшій уже утвердить за собою Новгородъ, вдругъ вовсе неожиданно явился въ Приднѣпровьѣ, и однимъ смѣлымъ набѣгомъ занялъ Кіевъ, и самъ утвердился въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ, сосѣдомъ Михаила сдѣлался заклятой его врагъ.³⁹ Посему Михаилъ, чувствуя всю важность этой перемѣны на Кіевскомъ престолѣ, посѣпшилъ помириться съ Романовичами, и уступилъ имъ Перемышль; потому

³⁸—Шат. 174.

³⁹—Густин. 338. и Новг. I. стр. 80.

обратился на врага сосѣда, чтобы разсчитаться съ нимъ, пока онъ не успѣлъ утвердиться въ новомъ владѣніи и пока не соединились съ нимъ Романовичи, ушедшіе въ Германію помогать герцогу Австрійскому противъ императора Фридриха. Разсчетъ Михайловъ оказался самымъ вѣрнымъ; ибо при первомъ его движеніи къ Кіеву, Ярославъ успѣшилъ удалиться въ Суздальскую землю, и Михайлъ немедленно занялъ Кіевъ; а въ слѣдъ за тѣмъ оставленный имъ въ Галичѣ сынъ его Ростиславъ отнялъ у Данила и Перемышль. — ⁴⁰

Такимъ образомъ Михайлъ, однимъ вѣрнымъ разчетомъ и уступкою во время, успѣлъ достигнуть важныхъ послѣдствій и сдѣлался первенствующимъ государемъ въ Приднѣпровской сторонѣ, владѣя въ одно и тоже время Кіевомъ и Галичемъ; впрочемъ власть его еще не имѣла надлежащей твердости: Мономаховичи всѣхъ поколѣній злобствовали на него; имъ никакъ не хотѣлось видѣть Ольговича на Кіевскомъ престолѣ, и особенно были опасны Романовичи, князья дѣятельные и мужественные, для которыхъ потеря Галича была утратою ни чѣмъ невознаградимою, и которые никакъ не хотѣли отказаться отъ своихъ притязаній. Прошло около четырехъ лѣтъ, въ которые Михайлъ владѣлъ и Кіевомъ и Галичемъ, и во все это время Романовичи не переставали воевать съ нимъ, хотя и мирились, когда бывали стѣснены, но при первомъ удобномъ случаѣ опять поднимали оружіе; Михайлу, вѣроятно, по разнымъ отношеніямъ къ другимъ князьямъ, еще не лъзя было дѣйствовать рѣшительно, а потому это дѣло тянулось ни то ни сѣ. Наконецъ, должно быть около 1240 года, ⁴¹ Данииль Романовичъ, пользуясь походомъ Ростислава на Литовцевъ, за-

⁴⁰.—Ипат. 175.

⁴¹.—Въ Волынской лѣтописи занятіе Галича Данииломъ отнесено къ 1233 году; но здѣсь очевидно событія за нѣсколько лѣтъ совмѣщены въ одномъ годѣ; въ противномъ случаѣ непонятно, почему же Михайлъ невступился за своего сына, и почему Ростиславъ ушелъ не къ отцу, а къ Венграмъ.

владѣль въ его отсутствіе Галичемъ, и Ростиславъ, не имѣя силъ возвратить потеряннаго, удалился въ Венгрію. Между тѣмъ на Сѣверовостокъ Россіи произошли страшныя перемѣны: Татары, предводительствуемые Батыемъ, завладѣли землями Рязанскою, Муромскою, Суздальскою, Ростовскою и всѣмъ тамошнимъ краемъ, что скоро отозвалось и въ Приднѣпровьѣ; многочисленныя полки Татарскіе въ 1239 году заняли Переяславъ и Черниговъ; ⁴² а посему Михаилу нѣкогда было и подумать о возвращеніи Галича: самому Кіеву грозила одна участь съ Переяславомъ и Черниговомъ.

Наконецъ въ 1240 году передовыя полки Татаръ явились передъ Кіевомъ, и предводитель ихъ Чингисъ-Хановъ внукъ Мункэ потребовалъ отъ Михаила покорности Татарамъ и сдачи города, обѣщая за это покровительство Батый и безопасность владѣній. Силы Татарскія были уже хорошо извѣстны Михаилу: завоеваніе Сѣверовосточной Руси, взятіе Переяслава и Чернигова ясно говорили, что сопротивленіе напору Татаръ бесполезно и невозможно; но Михаилъ былъ слишкомъ благороденъ, для того чтобы добровольно признать себя покорнымъ данникомъ хана, и даже считалъ грѣхомъ христіанину вступать въ подданство и союзъ съ погаными; а посему мужественно отвѣчалъ посламъ Мункэ: «скажите своему начальнику, что Батый язычникъ, а я христіанинъ, его вѣра враждебна моей вѣрѣ; а посему я не хочу покоряться и вступать въ союзъ съ врагомъ моей вѣры, и даже не могу быть въ дружбѣ съ тобою.» Послѣ таковаго отвѣта Мункэ вторично отправилъ пословъ къ Михаилу, требуя съ нимъ свиданія въ Татарскомъ станѣ; на что Михаилъ, желая прекратить безполезныя сношенія, отвѣчалъ избіеніемъ пословъ. Этотъ поступокъ, сдѣланный, быть можетъ, въ пылу гнѣва, влекъ за собою непремѣнную и скорую месть Татаръ; а посему Михаилъ, зная слабость своихъ силъ и невозможность

сопротивленія, и не желая за себя подвергать Кіевъ мести Татарскаго предводителя, немедленно удалился въ Венгрію, и такимъ образомъ на время отстранилъ разореніе Кіева; Татары долго гнались за нимъ, но не нагнавши, воротились назадъ, и не тревожа Кіева, пошли на соединеніе съ главными полками Батыевыми.⁴³

Удаленіе Михаила какъ бы развязало руки Мономаховичамъ; они немедленно бросились къ Кіеву, и первый завладѣлъ имъ Ростиславъ Мстиславичъ, сынъ Смоленскаго князя; потомъ тудаже прибылъ Даниль Романовичъ Галицкій, и выгнавъ Ростислава, также занялъ Кіевъ, впрочемъ, боясь Татаръ, не смѣлъ тамъ остаться и поручилъ защиту города своему храброму воеводѣ Димитрію. Но скоро явились у стѣнъ Кіева, настоящіе хозяева того времени, Татары, и послѣ упорнаго, но бесполезнаго боя гражданъ, завладѣли городомъ; потомъ отъ Кіева пустились въ землю Галицкую и Волынскую, всюду производя опустошенія. Тщетно разные города той стороны думали сопротивляться: Татары вездѣ оставались побѣдителями; ихъ могуществу въ это время ничто не могло противостоятъ, и бесполезное сопротивленіе только увеличивало кровопролитіе и раздражало побѣдителей. Романовичи же нигдѣ не смѣли появиться въ открытомъ полѣ, и подобно Михаилу удалились въ Венгрію и потомъ въ Польшу; а въ слѣдъ за ними тудаже двинулись и Татары.*

⁴³—Ник. III. 7.

* Волынская лѣтопись говоритъ, что Ярославъ плѣнилъ супругу Михайлову и бояръ ея, и завладѣлъ Каменцомъ; а Даниль и Василько убѣдили Ярослава отпустить къ нимъ Михайлову супругу, и держали ее у себя въ чести; потомъ Михаилъ отъ Конрада прислалъ пословъ къ Данилу, съ требованіемъ супруги и съ предложеніемъ мира, и будто бы Даниль принялъ это предложеніе и пригласилъ Михаила въ Галичь, гдѣ предлагалъ ему Кіевъ, а сыну его Ростиславу Луцкъ, и что будто бы Михаилъ, боясь Татаръ, не принялъ предложенія и услышавши о взятіи Кіева Татарями, ушелъ опять къ Конраду. Но непродолжительность времени отъ бѣгства Михаила въ Венгрію до взятія Кіева Татарями, не дозволяетъ допустить такого множество событій, и тѣмъ болѣе, что Даниль въ это время былъ занятъ сперва изгнаніемъ Ростислава Смоленскаго изъ Кіева, а потомъ самъ скрывался въ

Мемду тѣмъ Михаилъ, бѣжавшій въ Венгрію, не былъ принять тамошнимъ королемъ и удался къ своему дядѣ по матери Конраду въ землю Польскую,⁴⁴ потомъ по приближеніи Татаръ, ушелъ въ землю Вротиславскую, гдѣ былъ ограбленъ Нѣмцами, откуда опять возвратился къ Конраду. Когда же Татары, опустошивъ землю Волинскую и Галицкую, пошли въ Венгрію и тамъ замедлили довольно долгое время; то Михаилъ вмѣстѣ съ сыномъ вышелъ изъ Польши и направилъ путь свой по дорогѣ на Владимиръ Волинскій и на Пинскъ, и оттуда пробрался къ Кіеву, гдѣ нашель одни развалины, и остановился жить на какомъ-то острову подъ городомъ; сынъ же его Ростиславъ занялъ опустошенный Черниговъ, откуда началъ искать подъ Даниломъ Галицкихъ владѣній, гдѣ многіе бояре приняли его сторону.⁴⁵

Михаилъ по возвращеніи изъ Польши пробылъ въ Кіевѣ около пяти лѣтъ; что именно дѣлалъ онъ во всѣ сіи годы, мы заподлинно незнаемъ, ибо въ настоящее время у насъ нѣтъ ни Кіевской ни Черниговской лѣтописи того времени; свѣденія же о Кіевскихъ и Черниговскихъ дѣлахъ, доставляемыя намъ другими лѣтописями, слишкомъ отрывочны и неполны. Впрочемъ, соображая тогдашнія обстоятельства съ дошедшими до насъ отрывками извѣстій, можно положить, что Михаилъ первые три года по возвращеніи въ Кіевъ, пользуясь отшествіемъ Батя въ Вен-

Венгрію; да и притомъ весьма странно допустить, чтобы Данилъ отдавалъ Кіевъ Михаилу, когда самъ только что взалъ его, уже развѣ только потому, что ненадѣялся удержать его противъ Татаръ; а также вовсе непонятно, какой это Ярославъ взалъ Каменецъ, вовсе не принадлежавшій Михаилу, какъ та же лѣтопись говорить ниже, называя этотъ городъ Изяславимъ. Все это сплетеніе событій, кажется, собрано лѣтописцемъ только для того, чтобы выставить Данила великодушнымъ къ своему прежнему противнику; но по связи обстоятельствъ и по соображенію предъидущихъ поступковъ Данила, оно рѣшительно несклется и смотритъ выдумкою

44.—Ипат. 177—178.

45.—Ипат. 179—180.

грю, провель въ собираніи народа и въ возможномъ по времени возобновленіи и устройствѣ Приднѣпровскаго края. Пришедши въ пустынный Кіевъ и поселившись на острову подь городомъ, онъ началъ созывать жителей, скрывавшихся въ пещерахъ, горахъ и лѣсахъ; народъ мало по малу сталъ сходиться къ князю; и по свидѣтельству Воскресенской лѣтописи, слыша о водвореніи Михаила въ Кіевъ, стаи возвращаться на родину даже и тѣ, которые сперва разбѣглись по чужимъ землямъ; ⁴⁶ такъ что Кіевъ, подобно Суздальскимъ городамъ, началъ устроиваться и возобновляться, какъ чисто-Рускій городъ, хотя и зависящій отъ Татаръ, но имѣющій свое управленіе и своихъ природныхъ властителей, а не подчиненный Татарскимъ чиновникамъ; на что довольно ясно указываетъ проѣзжавшій въ 1246 году черезъ Кіевъ въ Монголію Плато-Карпини. Онъ говоритъ, что проѣзжая черезъ Кіевъ, совѣтовался съ тамошнимъ тысяцкимъ и боярами о продолженіи пути въ Монголію, и получилъ отъ нихъ наставленіе оставить прежнихъ лошадей, и взять другихъ болѣе привычныхъ къ ѣздѣ по степямъ; которыхъ, равно какъ и проводниковъ взялъ отъ тысяцкаго за нѣкоторые подарки. ⁴⁷ Въ этомъ разсказѣ нѣтъ и помину о пребываніи Татаръ въ Кіевѣ; мы здѣсь видимъ, что городомъ за отсутствіемъ князя (который въ это время былъ въ Ордѣ) управляетъ тысяцкій съ боярами, какъ это бывало и всегда въ Рускихъ городахъ. Но конечно путешественники въ своихъ нуждахъ отнесли бы къ Татарскимъ начальникамъ, ежели бы они въ это время управляли Кіевомъ или даже проживали въ немъ, какъ это и сдѣлалъ Плато-Карпини прибывши въ Каневъ, въ которомъ управлялъ Татарскій чиновникъ.

Впрочемъ мирное устройство Кіева и Приднѣпровья не могло быть продолжительнымъ; Батый, пробывши въ Венгріи около трехъ лѣтъ, наконецъ возвратился въ при-

46.—Воскр. II. 219.

47.—Плато-Карпини въ Руск. Пер. Язык. стр. 11.

воложскія степи и занялся совершеннымъ подчиненіемъ Рускихъ княженій своей власти. Ярославъ Владимірскій съ другими князьями Сѣверовосточной Руси еще въ 1243 году ѣздилъ въ Орду, и получилъ отъ Батыя утвержденіе въ правахъ на владѣніе своимъ княжествомъ и на первенство между другими князьями. По свидѣтельству Ростовской лѣтописи, Татары уже стали вызывать князей въ Орду для изъявленія покорности хану, какъ верховному повелителю всей Руской земли; по словамъ лѣтописи, они говорили: «не подобаетъ вамъ жити на землѣ Батыевъ и кановъ не поклонившеся им.» Слѣдовательно, владѣніе какимъ либо Рускимъ княжествомъ было уже невозможно безъ поѣздки къ хану. Но Михаилъ, хотя и признавалъ власть Татаръ и платилъ имъ дань, однако все еще медлилъ поѣздкою въ Орду; какъ говоритъ Никоновская лѣтопись, его останавливало отъ этой поѣздки, то униженіе, которому подвергались князья въ Ордѣ и особенно принужденіе по Татарскому обычаю проходить между двухъ огней и поклоняться идоламъ. Слыша, что Рускіе князья безпрекословно исполняли всѣ сіи требованія, несогласныя съ уставами Церкви, Михаилъ, какъ истинный и ревностный христіанинъ, смущался духомъ и не рѣшался идти къ Батыю. И точно, эта поѣзка была страшна для Михаила, ибо онъ ѣхалъ на вѣрную смерть и муки; другіе князья легко соглашались, и пить кумысъ съ Татарами, и поклоняться тѣнямъ предковъ Батыевыхъ, и приносить имъ даже жертвы; слѣдовательно они могли еще надѣяться на хорошій и ласковый пріемъ отъ Батыя и его сановниковъ, могли искать дружбы и ожидать нѣкоторыхъ выгодъ и покровительства для своей власти въ Россіи. Но для Михаила все это было закрыто: онъ, какъ мы уже видѣли, считалъ оскорбленіемъ христіанства, не только жертвоприношенія тѣнямъ предковъ Батыевыхъ, но даже и дружбу съ Татарами: «како убо съ тобою въ дружбѣ быти, говорилъ онъ Мункэ, стоявшему въ 1239 году подѣ

Кіевомъ, вси самъ яко царь Батыи своея вѣры есть, а язъ благочестивыя вѣры христіанскія есмь, да убо вѣра вѣръ не другъ есть.»⁴⁸ Слова сіи были сказаны съ полнымъ убѣжденіемъ и исполиъ выражали постоянный образъ мыслей Михайловыхъ, который въ немъ, какъ въ человекѣ съ твердою и непреклонною волею, не могъ измѣниться обстоятельствами. Слѣдовательно, для него рѣшиться ѣхать въ Орду значило принести себя въ жертву, ежели не за свободу отечества, которая была уже потеряна, то по крайней мѣрѣ, за свободу вѣры отцовъ, за честь христіанства. На что онъ наконецъ и рѣшился въ 1246 году.

Собираясь въ Орду, Михаилъ пригласилъ къ себѣ внука своего князя Бориса Васильковича Ростовскаго и любимаго боярина Феодора, и желая приготовить ихъ къ подвигу съ плачемъ и слезами сказалъ имъ: »Видите ли напасть сію и бѣду великую на нашемъ родѣ; мы будучи христіанами и держась заповѣдей Христа, въ него же вѣруемъ, и въ то же время отступаемъ отъ него, и творимъ повелѣнія царя нечестиваго. Потщимся любимицы пострадать за Христа, да съ нимъ царствуемъ во вѣки, попремъ подъ наши ноги сатану и повелѣнія его слуги нечестиваго царя Батыя.«⁴⁹ Послѣ чего Михаилъ вмѣстѣ съ бояриномъ Феодоромъ, принявшимъ съ радостію его предложеніе, начали готовиться къ роковому путешествію, приняли благословеніе и наставленіе отъ своего духовнаго отца Іоанна, и получивъ отъ него въ отсутствіе святыя дары, отправились въ путь.

Прибывши въ Орду, они нашли именно то, чего ждали и чего страшились. Передъ представленіемъ къ Батыю, Татарскіе волхвы или шаманы приняли Михаила по обычаю въ свое распоряженіе, и ведя къ ставкѣ ханской, предъ которою разложенъ былъ по обѣимъ сторонамъ огонь, сказали именемъ Батыевымъ: »видите сквозь огонь и поклонитесь солнцу

⁴⁸—Нак. III. стр. 6.

⁴⁹—Тамъ же. стр. 21.

и огню.» Михаилъ и Феодоръ, шедшіе вмѣстѣ, видѣли, что многіе Рускіе князья съ своими боярами, бывшіе впереди, безпрекословно по шаманскимъ наставленіямъ шли черезъ огонь, и въ точности исполняли всѣ обряды чуждой вѣры, ради славы міра сего, къ явному униженію святой вѣры предковъ. Горько было Михаилу видѣть въ Рускихъ князьяхъ такое унижительное отступничество, и онъ, воспламенясь высокою ревностію поддержать въ соотечественникахъ привязанность къ святой вѣрѣ, твердо и рѣшительно сказалъ черезъ шамановъ Батыю: «не подобаесть намъ христіаномъ идти сквозь огонь и поклоняться солнцу и огню, ниже царемъ подобаесть повелѣвать таковая; мы поклоняемся и чтемъ Господа Бога Иисуса Христа, творца вселенныя, славиമാго въ Троицѣ, симъ же твоимъ богамъ мерзкимъ сущимъ паче же идоломъ, не поклоняемся и не воздаемъ чести. Тебѣ же царю, хотя и человекъ смертному и тлѣнному, но какъ, имущему власть, порученную отъ Бога, поклоняемся и воздаемъ честь должную обладателю. Поклониться же твоимъ мнимымъ богамъ къ явному униженію святой вѣры, ты насъ ничемъ и никогда не принудишь; твои боги не болѣе, какъ тварь Божія, сотворенная на службу человекамъ.» Эта живая рѣчь Михаила, вылившаяся изъ глубины души истинно высокой, сильно тронула Батю, хотя человекъ грубаго, но отъ природы одареннаго свѣтлымъ умомъ; и онъ, сказавъ съ удивленіемъ: великъ сей мужъ, послалъ къ нему своего приближеннаго сановника Элдегу съ повелѣніемъ убѣдить Михаила къ исполненію обрядовъ Татарской религіи, съ которыми, по понятіямъ грубаго кочеваго народа, тѣсно была связана неприкосновенность ханской власти. Элдега именемъ Батыевымъ долго убѣждалъ Михаила разными средствами, общалъ ему и великія почести и особенную любовь хана передъ всеми Рускими князьями, и грозилъ ему мучительною смертію въ случаѣ непослушанія; но Михаилъ оставался непреклоннымъ, и такъ убѣдительно возражалъ на всѣ увѣщанія Батыева посланца,

что тотъ дивился словамъ Михайловымъ, и говорилъ ему: «я ни отъ кого не слыхалъ такихъ рѣчей; ты такъ премудръ, что тебя непременно надлежитъ пощадить; прошу тебя, исполни слово ханское, и спаси себя отъ смерти, которая скоро воспослѣдуетъ, ежели ты не отступишь отъ своего упорства.» На что Михайль отвѣчалъ: «мнѣ умереть за Христа значить приобрести жизнь.» Послѣ сего, можетъ быть по наставленію же Эльдеги, приступили къ нему внукъ Борисъ Васильковичъ и многіе другіе Рускіе князья и бояре, убѣждая съ плачемъ и слезами исполнить Батьеву волю; они говорили: «не погуби своимъ упорствомъ себя и насъ; Господь Богъ знаетъ, что все сіе дѣлается неволею; а когда возвратимся на родину, то мы всё всю землю примемъ сей грѣхъ на себя и по всей землѣ будемъ нести за тебя зпитимію церковную; просимъ тебя для общей нашей безопасности, для блага всей Руской земли, исполни волю ханскую.» Но Михайль, поддерживаемый своимъ вѣрнымъ бояриномъ Осодоромъ, другими глазами смотрѣлъ на это дѣло, и остался непреклоннымъ къ убѣжденіямъ соотечественниковъ, и обнявши горько плачущаго внука своего Бориса Васильковича, сказалъ: «чадо мое Борисе! Христіанамъ подобаеть вѣрою и дѣлами почитать Господа Бога; вѣра же безъ дѣлъ мертва, по словамъ Апостола; а всё земныя приобретенія ничтожны, мимо идутъ, и скоро погибаютъ, какъ сонъ и дымъ; небесныя же блага присносущны и безконечны.» И потомъ, призвавъ священника, причастился Святыхъ Таинъ, и воздавъ съ духовною радостію благодареніе Вседержителю, началъ молиться, чтобы Господь сподобилъ его принять мученической вѣнецъ; и по окончаніи молитвы, совершенно приготовившись къ смерти, обратился къ царскому посланцу Эдегѣ и сказалъ: «иди къ царю Батью и скажи моимъ именемъ: царь! тебѣ Михайль велѣлъ сказать, богамъ твоимъ не поклоняюся и не служу, и не исполняю твоего незаконнаго повелѣнія.»⁵⁰

В Ъ Р Ш Ъ
НАЖАЛОСНЫЙ ПОГРЕБЪ
Зѣцного Рыцера
ПЕТРА КОНАШЕВНУА
САГАНДѢЧНОГО, ГЕТМАНА
Войска Его К^т: МѢТИ.
ЗѢЛОРОЗКОГО.

ЗЛОЖОНЫН ПРѢЗЪ ЙНОКА
КАСИАНА САКОВИЧА
РѢКТОРА ШКОЛЪ КІЕВСКІХЪ,
ВЪ БРѢЗЪВѢ.

МОВЛЕНІЕ ѿ ЕГО СПУДѢСЪ НА ПОГРЕБѢ ТОГО
ЦНОГО РЫЦЕРА ВЪ КІЕВѢ, ВЪ ПЛѢНЪ ПРОВОДНУНЪ,
РОКЪ БЖОГО, ЗНѢСАЧА ШЕСТЬСЬМАТИ
ДЕАДЦАТИ ВТОРОГО.

Ѧ. ЦР^т: Г.

Н. ВЪ СТИЛІИ ИИШ ВЛАСТЕЛІИХЪ СВАКІХЪ ПАДѢ ВЪ СІН ДІНЪ ВЪ ПЛѢНЪ.

НА ГЕРБЪ СИЛНОГО БОЙСКА Е К^Ѣ: М^Ѣ: ЗАПОРОВКОГО.

КГДЫ ШЕНСКИ ЗАПОРОВЩИЕ КРЕДЛЕ ДОЗНАЛИ,
ТѢБЫ ЗА ГЕРБЪ ТАКОГО ИИТЪ РЫЦЕРА ДАЛИ.
КОТОРЫИ ОНО ГОТОВЕ ОИЧИНѢ СЛУЖИТИ,
ЗА БОЛНОСТЬ ЕИ И СВОИ ЖИВОТѢ ПОЛОЖИТИ.
И ИИТЪ ТРЕБА ЗЕМЛЮ ЛИБО ТЫЖЕ ВОДОУ:
ВШЕЛАЖИ ОИТЪ СПОСОБНЫИ И ПРАВДИИ ДО БОИ.

Получивши рѣшительный и смѣлый отвѣтъ Михайловъ, Батый, считая сіе явнымъ оскорбленіемъ закона своихъ предковъ, и можетъ быть не смѣя отступать отъ него для непреклоннаго Рускаго князя ⁵¹, приказаль казнить Михаила. Татары, получивъ повелѣніе ханское, по своему степному обычаю въ такихъ случаяхъ, сбили Михаила съ ногъ, и раставувъ по землѣ, сперва ударами рукъ разбили его грудь, потомъ повернувъ спиною наверхъ, начали топтать ногами, и наконецъ, послѣ долгихъ мученій, одинъ изъ Рускихъ отступниковъ вѣры, можетъ быть, сжалясь надъ страдальцемъ, отрѣзаль Михаилу голову; и такъ погибъ доблестный и нѣкогда могущественный князь. Онъ, во все продолженіе мучительной казни, продолжалъ исповѣдывать святую вѣру, и скончался съ словами на устахъ: »Христіанинъ есмь.« ⁵² Въ слѣдъ за Михайломъ и вѣрный бояринъ его Феодоръ, съ такою же твердостью, приняль подобную мученическую смерть. Тѣла ихъ брошены были Татарами безъ погребенія, и нѣкоторыми Рускими послѣ уже преданы землѣ. Церковь наша причислила страдальцевъ къ лику святыхъ молитвенниковъ за Рускую землю предъ престоломъ Всевышняго, и празднуеть ихъ священную память каждагодно 20 Сентября, именно въ тотъ самый день, въ который они сподобились мученической кончины. —

Мученическая кончина Михаила, Всеволодовича представляеть два важныя для исторіи указанія по двумъ различнымъ отношеніямъ, по которымъ можно разсматривать ее. По отношенію къ самому Михаилу, и по отношенію къ тогдашней Руси.

Въ первомъ отношеніи, въ мученической кончинѣ Михаила ясно и определенно открывається полное выраженіе

⁵¹.—По свидѣтельству Плато-Карпини у Татаръ огонь былъ въ великомъ почтеніи, и всѣ предъ вступленіемъ въ ставку, даже воеводы, не только хава, наказывались безопадною смертію, ежели не исполняли извѣстныхъ, утвержденныхъ суевѣріемъ, обрядовъ. (Плато-Карпини, Кн. II. гл. 3).

⁵².—Воскрес. II. 223.

его высокой, истинно-христианской души и твердаго характера, который в достижении хорошо обдуманной цели не уступал ни перед какими препятствиями. Перед сим торжественным и окончательным выражением непреклонной воли Михаила должны умолкнуть все обвинения в малодушии, вводимыя на него разными историками, которые по неимению полных летописей произвольно толковали о многих его поступках, по отрывочным и неполным известиям, часто явно противоречащим истине. Здесь каждый ясно может убедиться, что Михаилъ, постоянно уклонявшийся от встречи с Татарами и долго нежелавший вступать с ними ни в какие сношения, дѣлалъ это не из робости и малодушия, но единственно по сознанию невозможности и бесполезности противостоять ихъ неодолимому напору, и по внутреннему убѣжденію, что онъ по своему образу мыслей и по характеру никогда не сойдется и не поладитъ съ иноверцами, гордыми своимъ могуществомъ. Когда же настоятельная нужда и высокое желаніе хотя сколько нибудь облегчить участь несчастнаго и любимаго народа, вызвали его на поѣздку въ орду; то онъ не подумалъ уклониться отъ этаго дѣла, и отправился къ Батыю, почти увѣренный напередъ въ своей несчастной участи. Но и здѣсь, сознавая волю Божию въ необходимости признать надъ собою, какъ надъ набѣжденнымъ государемъ, власть Татарскаго хана, онъ отдѣлилъ свои княжескія земныя отношенія отъ высшихъ отношеній христианина; и какъ князь владѣлецъ земной не отрицалъ требованій Батыя и признавалъ надъ собою его власть, какъ посланную отъ Бога; но въ то же время, когда увидѣлъ, что Татары требуютъ унижительнаго для христианства, то какъ христианинъ, какъ гражданинъ неба, онъ остался непреклоннымъ ни передъ какими требованіями и угрозами, и защищая достоинство христианина, какъ святыню своей души, съ удивительною твердостью и истинно-христианскимъ благодушіемъ принималъ продолжительныя мученія, окончившіяся смертію. Конечно

КНИЖНАЯ СТАРИНА

ЮЖНОРУСКАЯ.

(Продолженіе. ¹)

ГЛАВА V.

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНІЯ ВЪ КІЕВѢ.

Кіевъ, первоначальникъ просвѣщенія Рускаго въ древнее время, не скоро явился на книжномъ поприщѣ по возрожденіи просвѣщенія на Рускомъ Югѣ. Книгопечатаніе къ КіевѢ началось не ранѣе 1646 года; слѣдственно тогда уже, какъ оно производилось 42 года въ Галиціи и на Вольни, и напечатано было тамъ 42 изданія (разумѣю Славянскія и Рускія; да 42 изданія вышли изъ типографій Литовскорускихъ; а всего, съ 28-ю Московскими, было уже напечатано на Руси 112 изданій, или около того); тогда уже, какъ на Рускомъ Югѣ прекратились типографіи Острожская съ Дерманскою, и Стратинская съ Кридоскою, и только одна Братская типографія во Львовѣ работала медленно и робко.

Впрочемъ, начало Кіевскаго книгопечатанія, подобно началу многихъ вещей въ исторіи, не обошлось безъ баснословія. Не очень давно еще, въ нѣкоторыхъ «Исторіяхъ»

¹.—Первыя четыре главы этой *Старины* напечатаны въ прошломъ 1849 году въ 1 и 3 книжкахъ *Временника*, издаваемого Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ тѣхъ главахъ изложено начало книгопечатанія въ Южной Руси, и книгопечатаніе на Вольни и въ Червоной Руси, до 19-го вѣка.

было сказано, будто типографія подарена Печерской Лаврѣ въ 1531 году, княземъ К. П. Острожскимъ. Это ошибочное извѣстіе, давно опровергнутое Соликовымъ и митрополитомъ Евгеніемъ, произошло конечно отъ того, что князя *Константина Константиновича* Острожскаго, учредителя книгопечатанія въ Острогъ, нередко смѣшивали съ его отцемъ княземъ *Константиномъ Ивановичемъ*, гробница котораго находится въ Печерской церкви. Примеровъ такого смѣшенія можно указать нѣсколько, начиная съ «Лѣтописи Самовидца» до «Кіева» сочиненнаго г. Муравьевымъ. Ближе къ дѣлу говорятъ другіе, что Острожская типографія, по ея прекращеніи, досталась Кіевской Лаврѣ; ибо въ Печерскихъ изданіяхъ былъ до нашего времени шрифтъ, называемый *Острожскимъ*. Впрочемъ Острожская типографія могла достаться Кіеву не въ 1608 году, какъ показано въ Исторіи Бятыша-Каменскаго, а позднѣе; ибо книгопечатаніе въ Острогъ производилось еще въ 1612 году. Соликовъ называлъ намъ (подъ № 518) *Капошикъ*, будто бы напечатанный въ Кіевѣ 1614 года; однако самъ онъ не выдавалъ того за истину. Достоверно то, что основаніемъ Печерской типографіи послужила типографія *Стратинская*. Оставшись безъ дѣйствія, послѣ смерти учредителя своего *Федора Юрьевича Балабана* (1606 г.) и его дяди *Гедеона Балабана* епископа Львовскаго (1607 г.), — Стратинская типографія куплена, была для Печерской Лавры, архимандритомъ ея *Елисеемъ Плетенецкимъ*. Сей достопамятный мужъ былъ первымъ подвижникомъ книжнаго дѣла въ Кіевѣ, при его возрожденіи, которое здѣсь началось въ Печерской Лаврѣ. Елисей Плетенецкій былъ рода старошляхетнаго, также какъ и епископъ Львовскій Гедеонъ. Исторія узнаеть его въ 1596 году, какъ защитника православія на Берестейскомъ Соборѣ, въ званіи архимандрита Пинскаго Лещинскаго монастыря. Въ 1599 году Печерская братія избрала его на мѣсто умершаго архимандрита своего *Никифора Тура*, мужественно отстаивающаго

древнее святилище Руси отъ нападеній Уніи. Удержавъ старья права Лавры, обновивъ ея общежительство, Плетенецкій собралъ въ ней ученое братство, первымъ цвѣтомъ котораго былъ архидіаконъ *Леоній Карповичъ*, бывшій потомъ (съ 1616 по 1620 г.) архимандритомъ Виленскаго Святодуховскаго Братства. А со времени книгопечатанія въ Кіевѣ, первымъ ученымъ дѣятелемъ является здѣсь іеродіаконъ *Захарія Копыстенскій*, племянникъ епископа Михаила Копыстенскаго, бывшій по смерти Плетенецкаго архимандритомъ Печерскимъ, до кончины своей въ 1627 году.

Въ числѣ ученыхъ мужей, вызванныхъ Плетенецкимъ изъ Львова, примѣчательнѣе всѣхъ іеромонахъ *Памво Берында*, уроженецъ Молдавскій, неутомимо подвизавшійся въ Лаврѣ надъ исправленіемъ и изданіемъ книгъ, въ званіи типографа, и потомъ архитипографа.

Съ 1624 года явился въ Лаврѣ еще другой ученый дѣятель, *Тарасій Леоновичъ* или *Левковичъ Земка*, бывшій здѣсь также типографомъ и корректоромъ, подобно Берындѣ.

Эти два главные труженика Печерской типографіи скончались въ 1632 году: Берында 13 Іюля, Земка 13 Сентября; и вмѣстѣ съ ними кончился первый достопримѣчательный періодъ книгопечатанія Кіевскаго, — въ который явился здѣсь на книжномъ поприщѣ и *Петръ Могила*, можно сказать, довершившій свое иноземное образованіе просвѣщеніемъ Православнорусскимъ, среди братіи Печерской.

А. ИЗДАНИЯ КІЕВОНЕЧЕРСКІЯ. (1616 — 32).

1. Часословъ, изданный 1617 года, въ 4-ку, есть перенецъ книгопечатанія Кіевскаго.

Теперь очень рѣдокъ, извѣстенъ только въ бібліотекахъ: Публичной, Московскаго Историческаго Общества, Троицкой Лавры. Одно изъ двухъ предисловій его, содержащее толкованіе службъ, писано іеродіакономъ *Захарією Копыстенскимъ*.

2. Възерункъ цноть Елисея Плетенецакаго. 1618, въ 4.

Небольшая книжка, состоящая изъ стиховъ, сочиненныхъ *Александромъ Митурою*, въ честь архимандрита Печерскаго. Находится только въ Румянцовскомъ Музеѣ.

3. Книга о Вѣрѣ единой святой соборной апостольской Церкви. (1619) въ 4.

Сопиковъ и м. Евгений считали ее напечатанною въ Могилѣ 1625 г.; но теперь доказано, что ее издалъ въ Кіевѣ 1619 года Захарія Копыстенскій, подъ именемъ монаха *Азаріи*. Та же *Книга о Вѣрѣ*, только съ нѣкоторыми отмѣнами отъ Кіевскаго изданія, напечатана была еще 1602 года въ Вильнѣ.²

4. Аноологiонъ. 1619, въ листъ.

Переведенъ съ Греческаго Михайловскимъ игуменомъ *Іовомъ Борецкимъ*, поправленъ Захаріею Копыстенскимъ и Памвою Берындою. Изданіе украшено 18 изображеніями разныхъ святыхъ.

5. Служебникъ. 1620, въ 4.

Это первое Кіевское изданіе Служебника сходно во всемъ съ изданіемъ Стратинскимъ; украшено изображеніями Успенія Богоматери, Спасителя и трехъ Святителей. Предисловіе отъ Елисея Плетенецакаго.

6. Помоканонъ. 1620, въ 4.

Рѣдкое изданіе, известное только въ библіотекахъ Публичной и Коротаевской; украшено изображеніемъ св. креста и преп. Антонія и Θεодосія Печерскихъ. Предисловіе отъ Памвы Берынды.

7. Вѣршѣ на жадосный погребѣ Петра Конашевича Сагайдачнаго. 1622, въ 4.

Сочинены іеромонахомъ *Кассіаномъ Саковичемъ* «ректоромъ школъ Кіевскихъ и проповѣдникомъ Слова Божія». Въ началѣ книги посвященіе «Войску Запорозкому» въ стихахъ, отъ имени Саковича; а на концѣ помѣщена «Матерія для учиненія подякованія при погребѣ якого зацного человека» тогожь автора.³ Изданіе украшено тремя изображеніями: 1) герба Войска Запорожскаго; 2) гетмана Сагайдачнаго, сидящаго на конѣ; 3) взятія города Кафы. Нынѣ известны только два экземпляра этой книжки: въ Румянцовскомъ Музеѣ и въ древлехранилищѣ М. П. Погодина.

²—Мнѣ известно это отъ Московскаго купца *Т. О. Большакова*, страстнаго любителя и отличнаго знатока Славяно-книжной старины, у котораго я видѣлъ это Виленское изданіе *Книги о Вѣрѣ*, но безъ заглавнаго листа.

³—Въ каталогѣ Демидовскомъ поставлены порознь: *Вѣршѣ* подъ No 337, а *Матерія* подъ No 338.

Въ текстъ подъ стихами подписаны имена тѣхъ студентовъ, которые ихъ произносили при погребеніи.

1. Стефанъ Почаскій. ⁴	10. Николай Отрешкевичъ.
2. Петръ Созоновичъ Балыка.	11. Іоаннъ Козаринъ.
2. Іоаннъ Саковичъ.	12. Іоаннъ Пелчицкій.
4. Ѳеодилактъ Іоанновичъ, Бурми-
стриновичъ К:	13. Евтихій Самуиловичъ.
5. Іоаннъ Тарнавскій, Прото-
поповичъ К:	14. Матвей Кизимовичъ.
6. Ѳеодоръ Скаревскій.	15. Григорій Кондратовичъ.
7. Леонтій Балыка, Бурми-
стриновичъ К:	16. Димитръ Кравцовичъ.
8. Іеремія Ставровецкій.	17. Лукашъ Берында.
9. Іоаннъ Стецкій.	18. Георгій Вороничъ.
	19. Карпъ Михайловичъ.
	20. Симеонъ Шулга.

8. Бесѣды Златоустаго на 14 посланій св. Апостола Павла. 1623, въ 1.

Переводъ священника *Лаврентія Зизанія-Густановскаго*, поправленный Памвою Берындюю и іеромонахомъ Захаріею Копыстенскимъ. Предисловіе «къ Православному роду Россійскому» отъ архим. Елисея Плетенецкаго. Изданіе украшено изображеніями: Успенія Богоматери, Іоанна Златоустаго, герба Плетенецкаго (на оборотѣ заглавнаго листа). Встрѣчаются экземпляры, съ посвященіемъ князю Стефану Четвертенскому, писаннымъ Захаріею Копыстенскимъ.—НВ. При одномъ изъ такихъ экземпляровъ, принадлежащемъ Погодину, находится въ концѣ особое прибавленіе, посвященное Ѳедору Копыстенскому отъ Памвы Берынды; а на последнемъ листѣ, подъ заглавіемъ *Великодный даръ*, представленъ гербъ Плетенецкаго въ большомъ видѣ, исписанный внутри ризами типографа Стефана Берынды.

9. Псалтирь. 1624, въ 4.

Изданъ, коштомъ Константина Далмата, монахомъ Іосифомъ Кириловичемъ, съ его же предисловіемъ о Псалтири. Изданіе украшено изображеніемъ Успенія Б., царя Давида, и гербами Плетенецкаго и Далмата.

10. Бесѣды Златоустаго на Дѣянія св. Апостоль. 1624, въ 1.

Переводъ *Гавриила Доровеевича* и *Іосифа Святогорца*, исправленный Памвою Берындюю. Въ книгѣ два предисловія: одно

⁴—Этотъ питомецъ Кіевобратской школы, подъ именемъ *Собронія Почаскаю* извѣстенъ съ 1632 года какъ профессоръ риторики въ Могилевской Лаврской Гимназіи, а потомъ и какъ ректоръ Кіевобратской Коллегіи. (см. ниже книгу *Евхаристиріонъ*, 1632).

отъ Ел. Плетенецкаго, другое отъ Зах. Копыстенскаго. Кромѣ Успенія Б., въ книгѣ около 20 разныхъ изображеній; а на второмъ листѣ гербъ Далмата со стихами *Тарасія Левковича Земки*.

У Большакова я видѣлъ экземпляръ съ гербомъ князя Стефана Четвертенскаго, со стихами, и съ посвященіемъ ему же на 5 листахъ отъ Захаріи Копыстенскаго.

Протосцикелль Памво Берында съ этою книгою (для изданія которой и былъ онъ вызванъ въ Лавру изъ Галиціи) привѣзъ въ Москву въ Сентябрѣ 1624 года, съ рекомендательными письмами къ царю и патриарху отъ митрополита Іова Борецкаго, хранящимися въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ. Въ это время, кажется, Тарасій Земка сталъ типографомъ и корректоромъ.

11. Номоканонъ. 1624, въ 4.

Изданіе второе, съ предисловіемъ Зах. Копыстенскаго и съ послѣсловіемъ іеромонаха и типографа Тарасія Земки; украшено изображеніями Успенія Б. и Вселенскаго Собора.

12. Казанье на честномъ погребѣ Елисея Плетенецкаго, проповѣданное 1624 г. Захаріею Копыстенскимъ. 1625, въ 4.

13. Омилія албо казанье на роковую память Елисея Плетенецкаго, проповѣданное 29 Ноября 1625, архимандритомъ Захаріею Копыстенскимъ. 1625, въ 4.

Находится въ Румянцовскомъ Музеѣ и въ библ. Академіи Наукъ.

14. Толкованіе на Апокалипсисъ, св. Андрея Критскаго. 1625, въ 1.

Переводъ *Зах. Копыстенскаго*, исправленный Лаврентіемъ Зизаніемъ-Тустановскимъ; съ предисловіемъ Тарасія Земки и съ посвященіемъ Григорію Далмату отъ Зах. Копыстенскаго. На оборотѣ заглавнаго листа Успеніе Б., и гербъ Копыстенскаго со стихами Т. Земки, а въ текстѣ три картинки.—Принадлежація къ этой книгѣ: «Слово албо наука Еѣрема Сирина на Преображеніе Господне» и «Омилія и наука Іоанна Златоустаго на Пятидесятницу» — въ Обзорѣни Славянорусской библиографіи, изданномъ Сахаровымъ, показаны, подъ особыми номерами, 218 и 219.

15. Акаѣнсты Пречистой Богородицѣ, Иисусу и Успенію. 1625, въ 4.

Изданы намѣстникомъ Лаврскимъ *Филовеемъ Кизаревичемъ*, съ посвященіемъ Аниѣ Ходкевичевнѣ, книгинѣ Корецкой.

Съ нѣсколькими изображеніями. Находятся въ бібліотекахъ: Погодинской, Коротавской и въ Публичной (отъ Кастерина).

16. Повѣсть о діаволѣ. 1626, въ 4.

Находится въ бібліотекахъ Публичной (отъ Кастерина) и Коротавской.

17. Часовникъ. 1627, въ 8.

Извѣстенъ только въ Публичной Библіотекѣ (отъ Кастерина). Впрочемъ, имя типографіи не означено, также какъ и на Книгѣ о Вѣрѣ, сходной по шрифту съ этимъ Часовникомъ.

18. Лексиконъ Славеноросскій, соч. архитипографа Памвы Беринды. 1627, въ 4.

Посвященъ Даниилу и Дмитрію Бадабанамъ, со стихами къ ихъ гербу, сочиненными Тарасіемъ Земкою.

19. Тріодъ Постная. 1627, въ 4.

Это первое Кіевское изданіе Постной Тріоди, съ послѣсловіемъ отъ издателя П. Беринды; съ предисловіемъ З. Копытенскаго; съ синаксарями, переведенными Т. Земкою.—У Сошкова подъ № 1507, и у другихъ, значится еще Кіевское изданіе П. Тріоди 1623 года; но это, должно быть, ошибка.

20. Отъ Отечника Печерскаго. 1627, въ 4.

Это небольшое изданіе, на 14 листахъ, съ разными изображеніями, находится въ бібліотекахъ: Академіи Наукъ, Публичной (отъ Кастерина) и Коротавской.

21. Поученія душеполезна Аввы Дороея. 1628, въ 4.

Переводъ Іосифа Святогорца, изданный П. Бериндою, съ посвященіемъ архимандриту Петру Могиля отъ намѣстника Филоея Кизаревича съ братіей.

22. Агапита Діакона Главизны поучительны. 1628, въ 4.

23. АПОЛАГІА АПОЛОГІИ. 1628, въ 4.

Издана отъ митрополита Іова Борецкаго и всего стана духовнаго, бывшаго на Кіевскомъ Соборѣ 1628 г. 16 Августа. Тутъ описано подробно, какъ *Мелетій Смотрискій*, архіепископъ Полоцкій, на этомъ Соборѣ каялся въ неправославныхъ мысляхъ своихъ, помещенныхъ въ книгѣ *Апологии*, написанной имъ на Рускомъ языкѣ, а на Польскомъ языкѣ напечатанной во Львовѣ отступникомъ Кассіаномъ Саковичемъ. Находится въ бібліотекахъ Печерской Лавры и Московскаго Архива Иностр. Дѣлъ.

24. Окружная Грамота митрополита Іова Борецкаго, приглашающая на Кіевскій Соборъ къ 29 Іюня 1629 г., для совѣщанія о успокоеніи Православной Церкви. 1629, въ 4.

Находится въ бібліотекѣ Кіевоософійскаго собора.

25. Номоканонъ. 1629, въ 4.

Изданіе 3-е, съ предисловіемъ Петра Могилы.

26. Акаѳисты и Молитвы. 1629, въ 4.

Съ предисловіемъ Тарасія Земки; съ изображеніемъ герба Могилы, и со множествомъ малыхъ изображеній въ текстѣ.

27. Псалтирь. 1629, въ 16.

Съ изображ. Успенія Б., царя Давида и герба Могилы.

28. Литургіаріонъ си есть Служебникъ. 1629, въ 1.

Переводъ, исправленный Петромъ Могилою; съ предисловіемъ Тар. Земки о литургіи, и съ соборнымъ извѣщеніемъ о семь Служебникѣ отъ митроп. Іова Борецкаго, архіеп. Ісаія Копинскаго и епископовъ Ісакія Борисковича и Паисія Иполитовича.

29. Имнологія. 1630, въ 4.

Состоитъ изъ большаго акростиха »Петрови Могильѣ архимандриту святыхъ чудотворныхъ великихъ Лавры Печерскія Кіевскія, воеводитчу земель Молдавскихъ,« поднесеннаго въ день Свѣтлаго Воскресенія, отъ всѣхъ дѣлателей въ типографіи. Подъ стихотвореніями подписаны имена ихъ :

Типоназиратель Іеромаконъ Ісаія.

Типоблюститель шнокъ Артемій Половковичъ.

Типографъ Стефанъ Берында.

Наборщикъ Назаръ Зыковичъ.

Стѣноправитель Димитрій Захаревичъ.

Изобразитель Парвеній Молковицкій.

Изобразитель Михаилъ Фойнацкій.

Батищикъ Павелъ Макариевичъ.

Батищикъ Феодотъ Кирпиевичъ.

Цисмолатель Леонтій Іерусалимовичъ.

А въ концѣ Имнологіи подписались стихами :

Намво Берында типикароводецъ,
О предстателю, рабъ и богомолецъ
Твой съ инѣми тебѣ представляю,
Вся реченная съ всѣми желаю.

Таже по всѣхъ съ всѣми

Твоими и моими.

Всего типу правитель,

Но всѣмъ меншій служитель,

Пастыру ти предстою,

Тожде молю и пою,

Да не буду забвенный,

Азь Тарасіи смиренный.

УМНОЛОГІА

СНѢТЪ,

ПѢСНОСЛОВІЕ.

Ако ПѢСНЬ прѣ уасти ПІЕМО мѠВЛЕНА
НА ДЕНЬ ВЪСКРІНІА Г҃А НШГ҃О
ІН СХ҃СА ХРІСТА.

ПАНУ, ПАСТЫРУ, ѿПЕКУНОВН
И ДОБРОДѢВН СВОИМУ

Прѣ ДЛАТЕЛН И ТУПОГРАФІН И ДАРВНОЧКВ
НИЗКО ПРИНСІЛА.

В ТУПОГРАФІН СТ҃ІА ВЕЛІКІА
УДОТВОРНЫА ДАВРИ ПЕЧЕРСКИА КІЕВСКИА.
РОКВ, АХЛ.

ГЫИ ТВОЙ ПРЕСВѢТЛЫИ ВЪДЪУИ КЛИНОТЫ
 СЪТИ ЧРХИЩА НДРНЪА, КТО НА ТВОЕ ЦНОТЫ
 ВЕДАЮТЪ СВѢТА И ДУА, КТОСА НЕЗДЪМЪЮТЪ.
 ХИБА КО МЪ КЪ БЛИЖИИМЪ. ЗЪДРОСТЪ ВЪ СЪЧЪ ВРѢЮТЪ.

ДИАКОНІА:

Ѫ АЛЪБО НѪѢКА. Ѫ

КОТОРАЯ СЯ ПЕРВѢ
ИЗЪИТЪ СЛАЩЕМНИКОМЪ ПОДАВАА
ѢДИМЪ СѢКРѢМЕНТАХЪ АЛКОЛ
ТАИНАХЪ.

НА СУНОДѢ ПОМѢСТНОМЪ ВЪ БГОСПАСИМОМЪ
ГРАДѢ МОГНАВѢ. РОКУ БЖЕГО, АХЛЗ. МЦА
ОКТСѢ, НІ ДНА. Ѡ ПРАВОБАНИ Ѡ ПРИВЕЛѢ
ЕНАГО ЕГО МЛТИ: ГОСПОДИНА ОЦА.

СНЛВЕСТРА КОСОВѢ
ВІПА МЕТІСЛАВСКАГО, ѠРШІСКОГО
И МОГНАВСКАГО. ПОТОМЪ ПРЕТОГОЖЪ
ВЪ ДРѢКЪ ПОДАНА.

ВЪ ТУПОГРАФІИ МОНАСТЫРА ѢЩЕЖИТИНАГО
КЪТЕНСКАГО, ЦРКВИ СТЫХЪ БГОСЛАВИИ,
РОКУ АХЛЗ. МЦА, ІАНУАРИА, ЗІ, ДНА.

ДІЯ СІМ'ЯНА

ВІСЬМА ПІСНЯ

КОЛО РАЙСЬКОГО ДЕРЕВА

ВІСЬМА ПІСНЯ
КОЛО РАЙСЬКОГО ДЕРЕВА

ВІСЬМА ПІСНЯ
КОЛО РАЙСЬКОГО ДЕРЕВА

ВІСЬМА ПІСНЯ
КОЛО РАЙСЬКОГО ДЕРЕВА

ВІСЬМА ПІСНЯ
КОЛО РАЙСЬКОГО ДЕРЕВА

ВІСЬМА ПІСНЯ
КОЛО РАЙСЬКОГО ДЕРЕВА

О ДВУХЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ СВАТЫНЯХЪ КІЕВА:

МОЩАХЪ СВ. КЛИМЕНТА И КРЕСТЬ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛГЫ.

Съ христіанскимъ просвѣщеніемъ Россіи связывается сказаніе о мощахъ святаго Климента, архіепископа Римскаго. Мощи этого мученика, обрѣтенныя въ водахъ морскихъ, были перенесены отсюда и положены въ Греческомъ городѣ Корсунѣ. Когда великій князь Владиміръ, свыше озаренный благодатію, ощутилъ необходимость крещенія и принялъ оное отъ Греческаго духовенства въ Корсунѣ, то, отправляясь обратно въ отечество на великое дѣло просвѣщенія своей земли, онъ *»поемъ.... поны Корсунски, съ мощми святаго Климента и Фифа ученика его, поима съсуды церковныя, иконы — на благословеніе себѣ.«*¹

Такимъ образомъ Владиміръ Святой перенесъ изъ Корсуни въ Кіевъ мощи Климента, призывая въ помощь духовнаго обращенія Руси его святое содѣйствіе. Здѣсь они были положены въ храмъ Пресвятой Богородицы Десятинномъ, въ который Владиміръ Великій *»давъ все еже бѣ взялъ въ Корсунѣ.«*² Это показаніе нашего древняго летописца, вполне заслуживающее всякаго довѣрія, пріобрѣтаетъ еще большую несомнѣнность, будучи подтверждено слѣдующими двумя свидѣтельствами.

Изъ одного слова 12-го вѣка, произнесеннаго при возобновленіи Десятинной церкви, видно, что мощи святаго

¹ Пол. Собр. Лѣт. т. 1., стр. 50. ² Тамъ же, стр. 52.

Климента находились въ этомъ храмѣ, и притомъ не часть мощей, а цѣлое всецѣстное тѣло святаго мученика. Слѣдовательно, теперь несомнѣнно, что въ Римъ была принесена Кирилломъ Философомъ только часть мощей Климента, епископа Римскаго. Сверхъ того въ Кіевской лѣтописи подъ 1147 годомъ разсказывается: «когда великій князь Изяславъ повелѣлъ Рускимъ епископамъ поставить въ митрополита Климента Смолятича, безъ сношеній съ Константинопольскимъ патриархомъ; и когда по этому случаю возникъ между Рускимъ духовенствомъ споръ, тогда епископъ Черниговскій сказалъ: «мы можемъ избраннаго поставить главою святаго Климента, подобно тому, какъ Греки поставляютъ рукою Іоанна Крестителя.» — «И такогдашше епископи, главою святаго Климента поставиша митрополитомъ.»⁵

Мощи Климента архіепископа Римскаго, какъ перваго святаго заступника новообращенной Руси, приобрѣли въ народъ особенную любовь и уваженіе. Въ первое время христіанскаго освященія, чувство народной набожности и благоговѣнія проявляется съ необыкновенною теплотою и живостію; а мощи святаго Климента были первою святынею, принесенною въ Русь, которая еще не могла указать на своихъ отечественныхъ Святыхъ. Вотъ почему народъ отсюда сталъ стекаться къ этой святынѣ, которая была единственнымъ утѣщеніемъ въ жизни новыхъ христіанъ. Здѣсь они принимали дары исцѣленій и благодать духовнаго укрѣпленія. По всей обширной землѣ Руской создались во имя святаго Климента богато-украшенные храмы, которые встрѣчаемъ во всѣхъ древнихъ городахъ нашихъ: въ Кіевѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Москвѣ и другихъ.

Такое уваженіе къ памяти святаго Климента, сохранившееся до сихъ поръ въ нашемъ народѣ, придаетъ важность и знаменательность всякому памятнику, свидѣтельствующему о мощахъ этого святаго мученика. Но особен-

⁵—Ипатьевск. Л., стр. 29—30.

но должны быть драгоценны подобные памятники для Кіевлянъ, по связи имени святаго Климента съ судьбой Десятинной церкви.⁴

Родившись недалеко отъ Кіева, происходя отъ Кіевскихъ князей, имѣя въ родовомъ гербѣ своемъ гербъ Кіевскій—Архангела Михаила, и питая, вмѣстѣ съ Кіевлянами, благоговѣнное чувство къ памяти святаго Климента, я съ давняго времени собираю въ подлинникахъ и копіяхъ всѣ памятники, связанные съ именемъ этого священномученика. М. А. Максимовичъ, при обзорѣннн моего собранія рукописей, обратилъ особенное вниманіе на слѣдующіе три памятника:

- а) Сказаніе святаго Кирилла, просвѣтителя Славянъ, объ обрѣтеніи мощей святаго Климента епископа Римскаго;
- б) Похвала святому Клименту, написанная Климентомъ епископомъ Славянскимъ;
- в) Слово, говоренное въ 12-мъ столѣтнн при обновленнн храма Пресвятой Богородицы Десятиннаго; — и просилъ сообщить о нихъ свѣдѣнія: что я и дѣлаю, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что свѣдѣнія эти появятся на листахъ «Кіевлянина».

Первое изъ указанныхъ сочиненій особенно важно потому, что никому другому не можетъ быть приписано, какъ святому Кириллу Философу; а всякое новое указаніе на благотворную дѣятельность этого Славянскаго просвѣтителя, драгоценно. Объ этомъ сочиненіи святаго Кирилла упоминается въ Паннонскомъ его житіи, писанномъ во время близкое къ этому святителю.

Здѣсь говорится: «Тогда жь пути ся ять и дошедь Хорсуна, научися ту жидовскыи бесѣдѣ и книгамъ осмь части «грамотикія преложь и отъ того разумъ болшіи въсприими. «Самарянинъ нѣкто ту живяшь и, приходя къ нему, стязя-

⁴—Дитмаръ въ своей Хроникѣ называетъ Десятинную церковь *храмомъ святаго Климента*.

»шеся съ нимъ, и принесе книги Самарѣйскы и показа ему.
 »Слышавъ же, яко святой Климентъ еще въ мори лежить,
 »помолвися, рече: вѣрую въ Бога и на святаго Климента
 »надѣюся, якъ обрѣсти имамъ мощи его и изнести изъ мо-
 »ря. Убѣждъ же архіепископа и съ клиросомъ всѣмъ и го-
 »вѣины мужа. И всѣдше въ корабля и идоша на мѣсто
 »утишьшгося морю велми и дошедши начаша копати пою-
 »ще. Тогдажъ бысь воня веліа, яко кандиль многъ, и по-
 »семь явишась святаы мощи; якъ въземше съ великою че-
 »стїю и славою, и вси священницы и гражане вънесоша
 »ихъ въ градъ, *якожь пишетъ въ обрѣтенїи его;*» т. е., какъ
 пишетъ самъ Кириллъ Философъ въ своемъ сказанїи объ
 обрѣтенїи мощей святаго Климента. Свидѣтельство свое со-
 чинитель Паннонскаго Кириллова житїя заимствуетъ прямо
 изъ упомянутаго нами сказанїя очевидца обрѣтенїю мощей
 св. Климента; и такъ это послѣднее несомнѣнно есть про-
 изведеіе св. Кирилла. Это сказанїе находится въ принад-
 лежащей мнѣ Четы-Миней мѣсяца генваря, рукописи 15-го
 вѣка, въ листъ, писанной въ два столбца полууставомъ на
 650 листахъ. Оно помѣщено также въ Великихъ Макарьев-
 скихъ Четыхъ-Минейхъ, хранящихся въ Московскомъ Ус-
 пенскомъ соборѣ (мѣсяць генварь, подъ 23 числомъ, стр.
 1477), и въ рукописной Четы-Миней (того же мѣсяца),
 принадлежащей библіотекѣ Московской Духовной Академіи.
 М. П. Погодинъ сообщил мнѣ списокъ съ этой послѣдней
 Минеи, сдѣланный А. В. Горскимъ, за что я приношу ему
 мою искреннюю благодарность. Изъ сличенїя этихъ рукопи-
 сей оказалось, что сказанїе, находящееся въ моей Четы-
 Миней, совершенно сходно со спискомъ А. В. Горскаго;
 относительно же сказанїя, помѣщеннаго въ Минейхъ Ус-
 пенскаго собора, должно замѣтить, что слогъ его гораз-
 до новѣе, и сверхъ того, къ нему присоединено заклю-
 ченїе, котораго нѣтъ въ моемъ и академическомъ спискахъ,
 по слогу древнѣйшихъ. Сказанїе озаглавлено такъ: *Мѣся-
 ца генваря въ 30 д., Слово на пренесенїе мощемъ преслав-*

наго Климента, историческую имущу бѣдѣ, яко христо-
вою помощю въ шестии тысяща (въ рук. Моск. Дух. Акад.
и въ Чет. Мин. Успенск. соб: «въ 4 тысяща») 369 лѣто,
изыскавшемъ его любезнѣ и вѣрно, якожь изъ шипъхъ, въ
Попть возсія. Начало: Въ обрѣтіе мощей святыхъ сла-
внаго Климента....

Второе сочиненіе: похвальное слово св. Клименту
епископу Римскому — не менѣе важно. Въ этомъ па-
мятникѣ наша историческая литература имѣеть древнее
Славянское сочиненіе, принадлежащее епископу Болгар-
скому Клименту, ученику св. Меодія; слѣдовательно
драгоценное для насъ и по древности и по имени сочи-
нителя. Это похвальное слово сохранилось въ различныхъ
древнихъ памятникахъ; въ однихъ оно встрѣчается въ наи-
болѣе древнѣйшемъ видѣ, въ другихъ поновлено позд-
нѣйшими переписчиками. Древнѣйшій текстъ «Похвалы
св. Клименту» находится въ Великихъ Макарьевскихъ Че-
твыхъ-Миняхъ (мѣсяць ноябрь, стр. 2300), принадлежа-
щихъ Московскому Успенскому собору, и въ Четвыхъ-Ми-
няхъ (за тотъ же мѣсяць) библіотеки Чудова монастыря;
а текстъ поновленный находится въ рукописномъ Сборни-
кѣ 1603 года, который хранится въ библіотекѣ почетна-
го гражданина П. Н. Царскаго (подъ № 743.). Слово это
озаглавлено такъ: *Похвала святому Клименту, патриарху
Римскому, написана Климентомъ епископомъ.* Начало: *Небо
радуется и веселится сѣптообразными звѣздами украшено....*

Наконецъ послѣднее слово заслуживаетъ особеннаго
вниманія ученыхъ не только по древности своей, ибо при-
надлежить къ 12-му вѣку, но и по самому содержанію. Оно
живо рисуеть предъ нами то время, когда стольный градъ
Кіевъ занималъ первое мѣсто въ исторіи нашего отечества.
Проповѣдникъ говоритъ слово при обновленіи Десятинна-
го храма въ Кіевѣ; онъ обращается къ великому князю,
и, похваляя его усердіе, воспоминаеть великую ревность

о Христвѣ, праотца его, Владиміра Святаго, указываетъ на гробницу этого послѣдняго и на священныя мощи Климента Римскаго, какъ на драгоцѣннѣйшія святыни, ввѣренныя Десятинному храму. Такое изложеніе придаетъ необыкновенную живость слову и переноситъ читателя въ самый храмъ, гдѣ оно произносилось въ присутствіи великаго князя.

Это слово, къ сожалѣнію, сохранилось вполнѣ только въ моемъ сборникѣ (лист. 236 обор.—250). Въ Макарьевскихъ Четвѣхъ-Минеяхъ Успенскаго собора (мѣсяць ноябрь, стр. 2288) и въ Четвѣхъ-Минеяхъ Чудова монастыря находимъ одно начало, конца же недостаетъ. Текстъ, предлагаемый моимъ сборникомъ, новѣе текста, помѣщеннаго въ Четвѣхъ-Минеяхъ; но онъ важенъ потому, что передаетъ памятникъ въ его полномъ видѣ. Должно замѣтить, что авторъ слова, сказаннаго при возобновленіи Кіевскаго храма Пресвятыя Богородицы, предлагая въ началѣ свѣдѣнія о св. Климентѣ по Греческимъ источникамъ, или на основаніи древнѣйшихъ Болгарскихъ переводовъ съ нихъ, въ заключеніи говоритъ отъ себя. Слѣдовательно окончаніе слова есть произведеніе Руское, что безъ сомнѣнія придаетъ еще большее значеніе тексту, сохранившемуся въ моемъ сборникѣ, который писанъ въ 16-мъ вѣкѣ, въ листъ, полууставомъ на 619 листахъ. Слово озаглавлено такъ: *Въ той же день мученіе святаго Климента, патриарха Римскаго, четвертаго бывша по апостолѣ Петрѣ. Начало: Четвертый Римстїи церкви приставникъ бысть Климентъ, иже художествомъ апостолу Петру послѣдствова. . .*

Сообщаемъ окончаніе этого слова, какъ произведеніе Руское, заимствуя текстъ изъ нашего сборника:

Тако и сего церковнаго солнца, своего угодника, нашего же заступника, святаго реку достойно священномученика Климента; отъ Рима убо въ Херсонъ, отъ Херсоня

въ нашу Рускую страну створи прїити Христось Богъ нашъ, прїезобильною милостию въ наше вѣрныхъ спасеніе. Оме челоуѣколюбїе, блакости неисчетна пучина! Не къ иственнымъ приснымъ рабомъ створи свосму угодишкѣ прїити, но къ врагомъ и уступшкѣ, оныхъ же речено бысть: пожроша сыны и дщери своя бѣсомъ; но да сбудется реченное: благодатию есте спасени, идѣ умножатся грѣси, ту прїезобильова благодать, идѣже бо жертвицы бѣсомъ быша, ту святыя церкви, славятъ Отца и Сына и Святаго Духа, еже прїишествїемъ святаго Климента створися и утвердися. Тѣмъ же и мы, убѣгающе не възблагодатна, славимъ и хваимъ и кланяемъ въ Троицѣ поему Богу, благодаряще того вѣрнаго раба, иже умножи своего Господина талантъ, не токмо въ Римѣ, но всему и въ Херсонѣ, еще и въ Роустемъ мирѣ, ркуще къ нему: мученикомъ похвала, святителемъ одобренїе и недвижимое основанїе церкви Христовой, ей же врата адова не удолеютъ, и присный заступниче странъ Роустей, и вѣче преукрашенный славному и честному граду нашему и величїи митрополїи же мати градомъ; тобою Рустїи князи хвалятся, святители ликують, іереи веселятся, мниси радуются, людїе добродушествуютъ, приходяще теплою вѣрою къ твоимъ Христоноснымъ костемъ, святышо почръпающе и хваляще Бога, възвращаются во свояси, освещающа дома и храмы и тѣлеса своя кропленїемъ, и мажущая и пиюща, прїемлють здравїе душамъ и тѣломъ твоими честными молитвами. Тѣмже по истинѣ всѣхъ грдѣ славнѣ, имѣя всечестное твое тѣло, и весело играетъ хвално воспѣвая, якоже бо небо другое на земли истинно показася, владычня матере церкви божественная, въ нейже по истиннѣ честное твое тѣло лежало, аки солнце просвѣщаетъ вселенную. О Апостоломъ сопрестольниче, Ангеломъ равночестне! Бѣси прогоними бывають и недужи отбѣгають, рати бѣзъ успѣха възвращаются, и еретицы проклинаются, преславная же вѣра възростае паче, тобою обильнѣ наполняющаяся, благоденствуемъ грѣховъ прошенїе тобою угоди-

ниче Христовъ, надѣмся получить о упованіи жизни вѣчнаго, юже буди намъ наследовати, все пристрастіе отложачимъ, обоюду же добродѣтельными готовящимся. Но якоже сохранилъ еси отъ бѣссольныхъ звѣрій нападенія отроча въ моріи, тако и цѣбящая тя отъ невидимыхъ звѣрій нападенія въ міръ сохраний, христомлюбовному же и вѣрному князю нашему полезная испроси, да къ нынѣшнему добропробыванію вѣчныхъ благихъ сподоблени будутъ. Тако прародителескъ добродѣтели общникъ, церковь твою обновляя, якоже бо сего благороднаго благовѣрныи праотець христомлюбовныи сій, по истинѣ же мученикопобецъ, со многимъ потщаніемъ, преобладающею вѣрою, отсюда бо доздь любезно и благочестно принесе твоя пречестныя мощи, на освященіе и спасеніе себѣ же и всему роду своему, рекъ же и странъ нашей, якожь и вѣруемъ. Тако, и тыи и апостольскій подобниче Клименте, тою изчадіе, гдѣ добро управлей, отсюда же со всеми на небесная обителища принеси, сіа убо, о преподобниче! молимъ твоимъ ученикомъ обрѣстися. Нынѣ же убо да веселуется, старѣйшинствую въ князехъ, яко блаженъ есть во истинну обладая скипетры твоими молбамы, яко имѣя при собою. Радуется старѣйшинствую въ святителехъ, яко блаженъ есть прикасаася твоея святости и люди верныя освящая. И да ликоствуютъ гражане старѣйшинствующаго во градѣхъ града нашего, яко блаженіи суть твоимъ заступленіемъ, и яко суца воини с тобою. Да празднуеть свѣтло блаженный твой клиросъ, яко старѣй всего клироса твоимъ ходатайствомъ, яко и свойственъ тебѣ служба, да торжествуютъ краснѣ чтущи твою паметь вѣрою и любовію, яко вложени суть милостивно нищимъ, яко ти помилувани будутъ. Треблаженъ по истинѣ ты явился, Клименте, иже за Троицу пострада, и тако научивъ створити; того ради Господомъ великъ наречется намъ недостойнымъ, ихже бо являемо любящи своего блаженства богато даруя, отче честныи, подобя своему владыцѣ Христу любовію приѣмля, яко убогія вдовица съ похвалою двѣ мѣдницы худоразумныи и грѣш-

ныи душа въроу принесено, яка дѣтища собрахомъ, худъ твою великую хвалу чтуще. Ты же свыше посещай насъ милостию, яко достигъ обѣщанныхъ благъ, яже уготовалъ есть Богъ любящимъ его. По истинѣ блаженъ еси! того ради вся ны схрани тебе любяща, и отци бо суть чадолюбви, не гнушаются младенствующихъ при разумъ и губнующи языкомъ, но паче любятъ и присвояють; того ради непотребныи языки врагъ нынѣ понуженъ, благородныи богочетцомъ отъ многа мало написавъ, аще не починувъ, яко грубъ сый, но надѣяся твоимъ честнымъ мольбамъ, архіерею честный Христовъ, и сподоби ны всегда съ всеми блазеугожешими тамошнихъ добротъ бесстысти присно насыщатися. Мы же нынѣ единодушно, по твоего гласа ученію, славу и благодареніе возсылаемъ даровавшему тебѣ разумъ, богозванне, и въру собности и теченіе свершити и отъ бѣдъ избавляти, нынѣ имя буде благословено самого владыки, единопреблагаго Бога нашего, въ Отцѣ и въ Святѣмъ Духѣ славимаго, нынѣ и присно во вся безконечныи и непроходимыи вѣки невечерняго дни въ вѣкы вѣкомъ, аминь.

Предложивъ свѣдѣнія о мощахъ святаго Климента, одной изъ драгоценнѣйшихъ святынь Кіева, мы съ великимъ удовольствіемъ сообщаемъ свидетельства и о другой святынь стольнаго города древней Руси.

Послѣ крещенія великой княгини Ольги, совершившагося въ Константинополь, Греческій патріархъ благословилъ ее крестомъ, который она принесла въ Кіевъ. Митрополить Пларіонъ, въ похвалѣ своей великому князю Владиміру, прямо говоритъ: «ты же и бабка твоя Ольга, принесшая крестъ изъ новаго Іерусалима—изъ Константинограда, и поставившая его въ землѣ своей;—вы утвердили въру.» По свидетельству Сербскаго Пролога, крестъ, принесенный Ольгою, былъ поставленъ въ алтарь св. Софіи, на правой сторонѣ.⁵ Дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ это-

⁵—Прибавл. къ Твор. Св. Отцевъ 1844 г., кн. 2 и 3-я. Востокова: Описан. Руманц. Муз., стр. 452—453-я.

го креста историки не знали, Карамзинъ даже сомнѣвался въ его существованіи ⁶; но преосвященный Филаретъ, авторъ «Исторіи Руской Церкви», справедливо опровергаетъ сомнѣнія историографа. ⁷ Достоверность факта о принесеніи великою княгинею Ольгою изъ Константинополя креста — неоспорима. Очень важно было бы опредѣлить, куда была взята святыня эта изъ Кіева, и гдѣ теперь находится. Для разъясненія этого вопроса, воспользуемся нѣкоторыми старыми сочиненіями.

Въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ находится Латинская рукопись, половины 17-го вѣка, писанная на бумагѣ, въ листъ: «*Deliciae Lublinenses*» (Люблинская отрада); а въ библіотекѣ Московской Синодальной Типографіи, между Польскими сочиненіями, есть книга: «*Skarb nigdy nieprzebrany kosciola swiętego Katholickiego, Krzyż Panski, o którym tu są Trzy Księgi, z doktórów Swiętych y Historikow poważnych napisane przez X. Pawła Ruszlá, Pisma Swiętego Doktorá zakonu kaznodziegkiego, promotara Drzewa Krzyżá S. Lubelskiego*» (напечатана въ Люблинѣ въ 1655 году.)

Въ первомъ изъ двухъ означенныхъ сочиненій рассказаны чудеса, которыми ознаменовался святой крестъ, хранящійся въ Люблинѣ. Крестъ этотъ вырѣзанъ изъ цѣльнаго куска того животворящаго древа, на которомъ былъ распятъ Спаситель міра.

Во второмъ сочиненіи (въ его третьемъ отдѣлѣ) находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ крестѣ: Св. Елена, обрѣвши Животворящее Древо, прислала часть его въ даръ сыну своему императору Константину Великому; изъ этого драгоценнаго куска былъ сдѣланъ крестъ, который хранился въ Константинополѣ до императоровъ Константина и Василія. Они передали крестъ сестрѣ своей Аннѣ, суп-

⁶—Истор. Госуд. Россій. том. 1, примѣч. 382.

⁷—Еп. Филарета: Истор. Рус. Церкв., ч. 1-я, стр. 14, примѣч. 29-е.

ругъ великаго князя Владиміра, и она привезла его въ Кіевъ, гдѣ и хранилась эта святыня 400 лѣтъ, даже до короля Ягайла. Но наконецъ Кіевскій епископъ, доминиканецъ Андрей (изъ Кракова), пользуясь великою милостію Кіевского князя Ивана, выпросилъ у него позволеніе взять чудотворный крестъ, и съ такимъ приобрѣтеніемъ поспѣшилъ въ Краковъ. Но, проѣзжая чрезъ Люблинъ, онъ посѣтилъ тамошній Доминиканскій монастырь, и когда хотѣлъ отправляться въ дальнѣйшій путь, то лошади не могли двинуться съ мѣста. Такое чудо убѣдило епископа, что крестъ, по волю Божіей, долженъ быть оставленъ въ Люблинъ, что и было исполнено. Самъ епископъ также остался жить въ Люблинскомъ монастырѣ; онъ умеръ здѣсь 31-го Маія 1434 года, и погребенъ въ главный алтарь церкви св. Станислава. Кіевскій же князь Иванъ, вѣроятно по причинѣ общаго ропота на такую святотатственную передачу священнаго креста, принужденъ былъ вмѣстѣ съ своею женою Мариною и сыномъ Игнатіемъ, удалиться изъ Россіи въ Польшу. Король Казиміръ принялъ его благосклонно и дозволилъ ему жить въ Люблинскомъ замкѣ. Онъ умеръ въ Люблинѣ и похороненъ въ той же церкви, недалеко отъ могилы епископа Андрея.

Отсюда раскрывается, что одна изъ самыхъ драгоценныхъ святынь Кіевскихъ должна находиться въ Люблинѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Животворящій Крестъ, привезенный изъ Константинополя въ Кіевъ, по свидѣтельству Пларіона, св. Ольгою, а по свидѣтельству Польскаго сочиненія, царвеною Анною, есть одинъ и тотъ же.

Мы однако склоняемся въ пользу перваго свидѣтельства, по которому крестъ этотъ привезенъ не Анною, а Ольгою. Причина та, что извѣстіе Пларіона есть древнѣйшее, близкое ко времени самаго событія; сверхъ того оно подтверждается такимъ же древнимъ свидѣтельствомъ Сербскаго Пролога; тогда какъ Польское сочиненіе, изъ

котораго мы заимствовали наше сказаніе, принадлежит половинѣ 17-го вѣка. Только незнаніе нашихъ отечественныхъ преданій и памятниковъ, заставило автора Польской книги отнести фактъ перенесенія св. креста въ Кіевъ къ общему и главному просвѣщенію Руси при Владимірѣ Святомъ, и событіе, совершившееся при Ольгѣ, приписать Аннѣ.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ мы надѣмся, что столь интересный вопросъ о древней святынь Кіева вызоветъ нашихъ извѣстныхъ археологовъ на изслѣдованія, болѣе подробныя и тщательныя.

КЦ. М. ОБОЛЕНСКІЙ.

СКАЗАНИЕ
О ГЕТМАНѢ ПЕТРѢ САГАЙДАЧНОМЪ.

Несмертелион славы достойный Гетмане,
Твоя слава въ мочманю нѣкгда не востане;
Ноки Днѣпръ съ Днѣстромъ многорынные плыбѣти
Бѣдѣтъ: по́ты дѣлности тежъ твои слыбѣти.

Изъ книги вършь 1622 г.

=

Послѣ Наливайка, сожженнаго на площади Варшавской 1597 года, на Украинѣ промелькнуло два или три козацкихъ гетмана, незамѣченнаго бытописаніемъ. Таковъ былъ, на примѣръ, гетманъ Гасрило Кортисевичъ,

находившийся 1600 года ¹ въ землѣ Молдавской, гдѣ и Запорожцы, съ своимъ кошевымъ атаманомъ *Косткою*, помогали тогда Полякамъ противъ Волоховъ. Вслѣдъ за тѣмъ и Украинскіе и Запорожскіе козаки, своимъ участіемъ въ Шведской войнѣ и наѣздами на Лифляндію, оказали немалую услугу Польшѣ. При томъ же у Польши начиналось большое дѣло съ Москвою; а потому не дивно, что Козачеству въ 1601 году даровано было отъ короля прощенье и возвращенье разныхъ правъ и вольностей. Ободренные этимъ Запорожцы не замедлили выбрать себѣ гетмана, по стародавнему обычаю—вольными голосами, и выбрали *Петра Конашевича Сагайдачнаго*.

Сей достопамятный мужъ былъ родомъ изъ Подгорья Червонорускаго, сынъ Самборскаго шляхтича Конана или Конаша Сагайдачнаго. ² Образование свое получилъ онъ на Волини, въ знаменитомъ училищѣ Острожскомъ, которое подъ исходъ 16-го столѣтія было средоточіемъ и расадникомъ возрождавшагося просвѣщенія Южнорускаго. По окончаніи наукъ въ томъ училищѣ, Сагайдачный поступилъ на службу въ Запорожское войско; и тамъ, за свою *рыцарскую дѣльность*, почтенъ былъ отъ Козачества выборомъ въ старшины, и наконецъ въ гетманы.

¹.—Объ немъ узналъ я изъ вкладной надписи, на рукописномъ Евангеліи, подаренномъ козаками 1600 года въ Полковую Переяславскую Воскресенскую церковь, гдѣ находится оно понынѣ.

².—Въ поминаніи о гетманѣ Сагайдачномъ, въ старомъ Поминникѣ Михайловскаго монастыря, записано: «Помани Господи души рабъ своихъ: Петра, Конана...» и проч. — Во второй половинѣ 17 вѣка извѣстенъ *Григорій Сагайдачный*, бывший кошевымъ атаманомъ Запорожской Сѣчи. Безъ сомнѣнія къ нему, а не къ гетману Петру, относится извѣстная Запорожская пѣсня о *Сагайдачномъ* «ище промѣнявъ жѣнку, на тютюнъ да люльку.» Объ этомъ я подробно изъяснилъ г. Срезневскому, въ моей статьѣ о *гетманѣ Сагайдачномъ*, напечатанной въ Москвитинѣхъ 1843 № 10. Тамъ я опровергалъ и другія недоумѣнія позднѣйшихъ писателей о нашемъ гетманѣ. А что онъ былъ *дворянскою*, а не *низкою происхожденія* — какъ написалъ въ Исторіи своей Бантынь-Каменскій, объ этомъ, кромѣ современника Ерыча, пишетъ и Величко въ своей Лѣтописи.

По слѣдамъ прежнихъ козацкихъ вождей, Сагайдачный съ своими Запорожцами безпрестанно воевалъ Татарь и Турковъ, на морь и сушь, и своими неотразимыми побѣдами грозно прославилъ свое имя. Въ длинномъ ряду тѣхъ побѣдъ, къ которому принадлежить и взятіе Варны въ 1605 году, ³ особенно славилось взятіе города Кафы въ 1616 году. ⁴ Тамъ Сагайдачный погромилъ 14 тысячъ мусульманъ, перетопилъ и пережегъ ихъ *каторги* т. е. галеры, освободилъ множество плѣнныхъ христіанъ и навелъ страхъ на самого султана.

Запорожское товариство такъ охотно и неутомимо подвизалось въ тѣ времена на Черноморскомъ Югѣ не изъ одной добычи: его устремляло туда — и освобожденіе христіанъ, томившихся тысячами въ плѣну мусульманскомъ, и

....»тая козацкая слава,

Що по всѣму свѣту дыбомъ стала,

Що по всѣму свѣту стеномъ розляглась-протяглась,

Да по всѣму свѣту луговымъ гомономъ роздалась,

Туреччинѣ да Татарчинѣ добрымъ лихомъ знати далась.» ⁵

А между тѣмъ какъ Сагайдачный громилъ Татарь и Турковъ, Польша устремлялась и нападала на Московскую Русь, обуреваемую тогда смутами самозванствъ и междоусарствія. Гетманы Польскіе наводили на нее и Украинскихъ козаковъ; впрочемъ Москвѣ тогда было гораздо тяжелѣ отъ своего собственнаго, Великорусскаго козачества.

Въ томъ страшномъ безнарядьѣ Руской земли, истомленная Москва провозгласила своимъ царемъ Польскаго

³—Въ Галиціи сохранилась пѣсня на взятіе Варны, напечатанная въ *Дилстровой Русалкѣ* и въ другихъ книгахъ. По всей вѣроятности въ ней говорится объ этомъ взятіи Варны, 1605 года, хотя и представлена въ ней старая королева, вызывающая козаковъ отмстить за ея сына *Варкевича*.

⁴—См. снимокъ взятія Кафы, замѣтованный изъ книги *Вѣриль*: на немъ означенъ 1616 годъ, а не 1612-й, какъ у Бантыша-Каменскаго.

⁵—Изъ Украинской думы «Походъ на Поляковъ» 1637 года. См. мой *Сборникъ Украинскихъ пѣсенъ*, ч. 1. К. 1849, стр. 59.

королевича Владислава, въ Августъ 1610 года; и уже находилась въ распоряженіи Поляковъ. Но король Жигимонтъ III-й, захотѣвшій тутъ и себѣ власти, не сумѣлъ удержать Мономахова вѣнца за своимъ сыномъ, и простоялъ его подъ Смоленскомъ: народная вѣра и сила Великой Руси взяла верхъ надъ Польскимъ насиліемъ, освободила свою бѣлокаменную Москву, и въ ней воцарился юный Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ.

Пятый годъ уже царствовалъ на Москвѣ избранникъ народный, какъ Владиславъ собрался наконецъ явиться на Руси и взять вооруженною рукою утраченное для него царство. Въ ту пору и Сагайдачному довелось обнажить мечъ на единовѣрную Москву. За это историкъ Бантышъ-Каменскій налагаетъ на славнаго гетмана «укоризны потомства.» Но историкъ не должно забывать, что Кіевская Русь принадлежала тогда Польской Коронѣ, и Запорожское войско звалось «войскомъ его королевской милости», что Сагайдачный шелъ на Москву не для себя, а въ помощь своему королевичу, все еще именовавшемуся царемъ Московскимъ. Притомъ же, нашествія Западной Руси на Восточную, со временъ Баторія, были уже принадлежностью роковой борьбы Польши съ Москвою, а не прежнею самопроизвольною усобицею разрозненныхъ частей Русскаго міра.

«Въ полѣ съзжаются, роднѣй не считаются» говорить Русская пословица: и Сагайдачный, идучи войною къ Москвѣ, не могъ-же быть *фельдмаршаломъ* міра, — какъ называлъ себя впоследствии знаменитый Украинецъ любимецъ Елисаветы.⁶ Грозный гетманъ съ 20-тысячнымъ войскомъ выступилъ въ походъ весною 1618 года. Прежде всего онъ осадилъ и взялъ городъ Ливны, полонивъ и воеводу тамошняго князя Никиту Черкаскаго. За тѣмъ взялъ онъ хитровоеннымъ приступомъ городъ Елецъ, при чемъ

⁶.—Генералъ-фельдмаршалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій.

воевода Андрей Полевъ , которому «осадное сидѣніе было не за обычай» ⁷ былъ убитъ , а жена его досталась въ полонь. Тутъ же добычею козацкою стало и Московское посольство въ Крымъ съ Степаномъ Хрущовымъ и подьячимъ Семенкою Бредихинымъ. Послѣ Ельца осажденъ былъ жестокими приступами городъ Михайловъ , при чемъ Михайловцы не щадили своихъ головъ.

На встрѣчу Сагайдачному отряжены были царемъ Михаиломъ , изъ Пафнутьева монастыря къ Серпухову, князя Дмитрій Пожарскій, освободитель Москвы, и Григорій Волконскій. Но въ ихъ неустроенномъ войскѣ произошло разладѣе и волненіе , и козаки ихъ пустились на грабежъ; князь Пожарскій сильно заболѣлъ , и по приказу царскому воротился въ Москву; а Сагайдачный , осиливъ Москвитянь при переправѣ черезъ Оку, приближался къ Москвѣ тихо и безпрепятственно , по Каширской дорогѣ. Когда передовые отряды его показались у Донскаго монастыря , бояре выступили изъ Москвы со всею ратью; но «грѣхъ ради нашихъ» — говоритъ лѣтопись—«ужась ихъ взя , и они бою не поставиша». Запорожское войско прошло спокойно мимо Москвы къ королевичу , стоявшему въ семи верстахъ отъ столицы.

Тогда Владиславъ отрядилъ своего полковника Чаплинскаго къ Переяславлю-Залѣскому; но тотъ безъ удачи нападалъ на Троицкую Лавру , 24 Сентября , и черезъ день или два былъ убитъ отъ Троицкихъ служекъ. Осада Москвы поручена была королевичемъ гетману Сагайдачному , и для приступа назначена была ночь подъ праздникъ Покрова. Два перебѣжчика «Французскіе Нѣмцы» предъувдомили объ этомъ Москву; и она успѣшно укрѣпидась у всѣхъ воротъ. Судьба ея была въ опасности; ибо войско

⁷—Описаніе Московскаго похода взято мною изъ «Лѣтописи о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго государства отъ внутреннихъ и вѣншихъ непріятелей.» Спб. 1772. въ 8.

въ ней было малочисленно. Къ полуночи Сагайдачный со всѣмъ своимъ войскомъ былъ уже у Арбатскихъ воротъ; и уже выломаны были петардою ворота Острожныя. Но при первой стычкѣ съ Москвитянами, гетманъ прекратилъ осаду.... Отъ чего же? Отъ того, я думаю, что осада Москвы была ему не по мысли; въ противномъ случаѣ, какъ ни любилъ онъ сберечь своихъ козаковъ, и какъ ни силенъ могъ быть первый отпоръ ему отъ Москвитянъ, но привыкшій къ побѣдамъ и взятію городовъ, имѣя у себя подъ рукою надежное и многочисленное войско, грозный гетманъ не покинулъ бы такъ скоро начатаго дѣла. Его козацкое сердце могло смутиться отъ той мысли, что онъ началъ крушить единовѣрную ему Рускую столицу для того, чтобъ отдать ее въ руки иноверца... И можетъ быть такое раздумье пришло къ нему въ тотъ самый часъ, когда Москва звономъ колоколовъ своихъ позвала православный народъ къ заутренѣ на праздникъ Покрова, и руки осаждавшихъ ее козаковъ невольно поднялись на крестное знаменье. Въ тотъ часъ благочестивый гетманъ, уже исполнивъ свой подданической долъ взятіемъ меншихъ городовъ и приступомъ къ самой столицѣ, могъ безукоризненно отойти отъ молящейся Москвы.... Впрочемъ это мое личное мнѣніе; въ лѣтописи Московской говорится слѣдующее.

«Едва Богъ сохранилъ царствующій градъ Москву; помощію же Пречистой Богородицы, славнаго ея Покрова, тѣхъ Литовскихъ людей отъ города отбиша, и многихъ людей у нихъ побѣдиша; гетманъ же отыде прочь и ста опять въ таборахъ.... Государь же поставилъ храмъ каменной, по обѣту своему, во имя Покрова Пречистыя Богородицы, во дворцовомъ селѣ Рыбцовѣ» (что называлось и селомъ Покровскимъ). Въ память тогоже случая есть и придѣлъ Покрова, при Арбатской церкви Николая-Явленнаго, устроенный также царемъ Михаиломъ Оеодоровичемъ. ⁸

⁸—См. въ *Руской Старинѣ*, составленной П. М. Снегиревымъ, М. 1849. въ 4. тетр. 8.

Извѣдавъ новую неудачу, Владиславъ потребовалъ съѣздовъ . которые и происходили на рѣчкѣ Прѣснѣ. Однако на тѣхъ съѣздахъ мирный договоръ не состоялся. Тогда Владиславъ, отрядивъ Сагайдачнаго на Калугу, самъ двинулся подъ Троицкую Лавру. Но тамъ и подавно не было ему удачи; а между тѣмъ лютый морозъ и голодъ становились не въ моготу; и Московскій походъ Владислава кончился перваго Декабря Деулинскимъ перемиріемъ на 14 съ половиною лѣтъ, при чемъ Москва заплатилась своему обыденному царю, уступкою Польшѣ Смоленска съ Черниговомъ и другими городами Сѣверскими. Тогда и Сагайдачный, съ своими *Черкасами* (такъ называли Запорожскихъ и Украинскихъ козаковъ Москвитяне), выступилъ изъ Калуги, при чемъ триста козаковъ воротились къ Москвѣ «на государево имя».

Выступая въ походъ на Москву для Владислава, считавшагося у Поляковъ Рускимъ царемъ, Сагайдачный, конечно, помышлялъ уже о соединеніи Кіевской Руси съ Московскою. Но этому соединенію суждено было совершиться подъ властію не чужеземнаго иновѣрца, а Православнорускаго царя, и притомъ тогда уже, когда и Москва успокоится и окрѣпнетъ послѣ своихъ роковыхъ бурь, и Кіевская Русь, подобно ей, своимъ «соединеніемъ и укрѣпленіемъ противъ Поляковъ»⁹ освободить себя отъ ихъ тяготы и будетъ самостоятельною. А что бы достигъ этого Кіевской Руси, ей вѣдо было сперва возстановить свою

⁹— «А нѣчто вамъ впередъ отъ Поляковъ въ вѣрѣ будетъ утѣшеніе, а у васъ противъ ихъ будетъ соединеніе и укрѣпленіе, и вы о томъ впередъ царскому величеству и святѣйшему патриарху вѣдомо учините, и царское величество и святѣйшій патриархъ будутъ о томъ мыслить, какъ бы православленную вѣру и церкви Божьи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ во избавленіе видѣти». Тамъ сказано 5 февр. 1625 г., въ отпускѣ изъ Москвы Епископа Писка, присланнаго къ царю и патриарху отъ Кіевского митрополита Юса Борскаго ходатайствовать у царя о приятіи Кіевской Руси въ свое подданство. Акты, относящіяся къ этому посольству, приготовлены къ изданію Кн. М. А. Оболенскимъ.

православную митрополию. Вотъ подвигъ, предстоящій Сагайдачному, какъ главѣ Козачества. Ибо съ той поры, какъ надъ Южною Русью отяготѣла Унія и осиротила ея Православную Церковь, Южнорускому Козачеству выпалъ жребій: явиться представителемъ и защитникомъ обиженнаго народа своего, и отстоять свою праотеческую вѣру отъ гоненія и насилія западнаго.

Но козацкое ополченіе гетмана Наливайка и его гибель показали, что въ ту пору для Украины еще безвременна была борьба съ Польшею. Въ то время была еще и надежда, что козацкою заслугою Польской коронѣ можно облегчить злополучную участь народа Украинскаго и его Церкви. Эту надежду поддерживали разныя королевскія привилегіи и сеймовыя конституціи; но онѣ составлялись и писались обыкновенно тогда, когда Польской коронѣ наставала нужда въ Козачествѣ, и рѣдко были исполняемы на самомъ дѣлѣ. Духъ вражды устами езуитовъ непрестанно шепталъ въ уши Полякамъ вѣрогоненіе и неразумную гордыню; и только грозное имя Сагайдачнаго сдерживало еще ихъ разъяреніе на православныхъ Украинцевъ. Можно сказать, что достопамятный гетманъ былъ хранительнымъ щитомъ Украины, и сдѣлалъ для нея все, что только можно было сдѣлать тогда подданному Польскаго короля; не поднимая оружія на Поляковъ, — какъ это въ послѣдствіи пришлось сдѣлать Богдану Хмельницкому; когда пропала уже вся надежда, и все терпѣніе долготерпѣливаго народа. —

Воротаясь изъ похода Московскаго, въ 1619 году, Сагайдачный обратился вновь съ просьбою къ королю о восстановленіи правъ Восточной Церкви въ областяхъ Южнорускихъ. Жигимонтъ обѣщаль; но обѣщаніе его не исполнялось; и внутренній раздоръ, произведенный Уніей, не унимался.

Вѣроятно, къ этому времени принадлежало то неизвѣстное намъ писаніе Сагайдачнаго объ Уніи, которое

канцлеръ Сапѣга, въ письмѣ къ Юсафату Кунцевичу, называлъ *предрагоцѣннѣйшымъ*.

Въ это же время поминаются въ бытописаньи два козацкіе гетмана: *Кушка*, попавшійся въ плѣнь Туркамъ; а вслѣдъ за нимъ *Бородавка*, котораго увидимъ послѣ. Не видно однако, были ли это только *Наказные* гетманы; или же поставленіемъ ихъ коронный гетманъ Жолкевскій думалъ по прежнему забрать въ свою власть Украинское реестровое козацество, и убавить возростающую въ народѣ силу и власть гетмана Сагайдачнаго.

Между тѣмъ пять тысячъ Запорожцевъ, подъ конецъ 1619 года, ходили на Крымскихъ Татаръ, и разбили ихъ по сию сторону Перекопа подъ самую стѣною, и освободили множество плѣнныхъ христіанъ. По этому случаю, Сагайдачный нарядилъ атамана Петра Одица въ посольство къ Московскому царю, съ предложеніемъ служить ему своими головами противъ общаго врага христіанства. Козацкіе послы, съ гетманскою грамотою къ царю и съ двумя Татарскими *языками*, пріѣхали въ Москву въ концѣ Февраля 1620 года; приняты были ласково и милостивно; однако у самаго царя они не были, ибо тогда была маляница. Ихъ принималъ бояринъ и намѣстникъ Коломенскій князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. «Не оскорбляйтесь—говорилъ онъ — что не видѣли есте очей его царскаго величества: вы есте пришли къ Москвѣ передъ постомъ, а въ постъ у великаго государя нашего никакіе послы и иноземцы не бывають; а нынѣ царское величество ѣдетъ молиться къ святымъ мѣстамъ, и велѣлъ васъ отпустить.» Козаки обдарены были деньгами, камками, тафтами, сукнами и шапками; и послано было Запорожскому войску отъ царя «легкое жалованье триста рублевъ», а на грамоту гетманскую царь отвѣтствовалъ своею грамотою, данною 21 апрѣля 1620 года.¹⁰

¹⁰—Эта Грамота напечатана въ *Собраніи Госуд. Гр.* ч. III. Остальные документы объ этомъ посольствѣ хранятся въ Моск. Архивѣ Им. Дѣл.

Въ то же время Іерусалимскій патріархъ Оеофанъ возвращался изъ Москвы, гдѣ онъ (23 Іюня 1619 года) посвящалъ на патріаршество Филарета Никитича, отца Михаила. По дорогѣ отъ Путивля, посѣтилъ онъ новоустроенную обитель Густынскую, подъ городомъ Прилукою. Козаки съ гетманомъ Сагайдачнымъ проводили его въ Кіевъ, и помѣстили его на Подоль, въ Братствѣ Богоявленскомъ. «Аки пчелы матицу свою, тако святѣйшаго отца и пастыря овцы словесныя отъ волковъ противныхъ стрежаху», говоритъ Лѣтописецъ Густынской.¹¹ Тогда настала важная година въ жизни православнаго народа, подвластнаго Польшѣ: со всѣхъ сторонъ стекался онъ въ Кіевъ, чтобы увидѣть святителя Іерусалимскаго и принять отъ него благословеніе и совѣтъ. И много въ продолженіе того лѣта было въ Кіевѣ совѣщаній и думъ у всѣхъ людей, какъ свѣтскихъ такъ и духовныхъ; и казалось, сама земля Руская сочувствовала имъ своимъ потрясеніемъ.¹² Гетманъ Сагайдачный и другіе православные просили патріарха, чтобы поставить имъ митрополита и епископовъ, на мѣста занятыя Уніатами. Но Оеофанъ колебался, опасаясь короля, преданнаго езуитамъ, и не имѣя согласія отъ патріарха Царьгородскаго, которому издревле была подвластна митрополія Кіевская.

11.—«Лѣтописецъ о первомъ зачатіи и созданіи святыя обители монастыря Густынскаго» напечатанъ 1848, въ *Чтеніяхъ* Моск. Общ. Ист. и Древн. Изъ этого лѣтописца я замѣтывалъ всѣ подробности о мѣстахъ, мѣсяцахъ и дняхъ посвященія митрополита и епископовъ, перемѣнивъ только 1622 годъ, ошибочно показанный въ Лѣтописцѣ, на 1620. (Тамъ же ошибочно показано митрополитство *Исаи Коптскаго* съ 1633 года, а митрополитство Петра Могилы съ 1633-го: первое началось съ 1631, а второе съ 1633-го.)

12.—«Тогда же и земля тряслася въ недѣлю о нешпорной годниѣ» говоритъ *Лѣтописецъ Густынской*.—«Въ той же часъ въ день суботный земля ся трясла о годниѣ 20 же, изъ оконъ шибы выпадали, шклянницѣ изъ столовъ спалили, и люде въ страху были великомъ» говоритъ *Лѣвовская Лѣтопись*, напечатан. въ Рускомъ Историческомъ Сборникѣ Т. III. 1839. Тамъ это описано подъ 1619 г.; но ошибочно, вмѣсто 1620; а сказанное за тѣмъ подъ 1620-мъ г., принадлежитъ къ 1621-му.

КА-
ФЪ
КОГ-
А
БА.

ГО:
А
Л
С.

За своего ГЕТМАНства въѣвъ въ Тѣрцѣ Мѣсто КАФЪ:
 Ажъ и самъ Цесарь Тѣрскій быль въ великѣмъ страхѣ:
 Бѣ мѣ Чотырнадцатъ тысячъ тамъ людемъ збѣлъ,
 КАТАРГИ едины палилъ, другіи потопилъ.
 Многѣ тогда зъ неволѣ хртіанъ свободилъ:
 Зашто го бѣ зъ воинствомъ его блѣвилъ.
 Бѣ за наибольшіи нѣхъ собѣ нагородѣ
 Починатъ рыцарь: кгда кого на свободѣ
 вызволитъ: за што грѣхѣвъ собѣ ѡпущене
 ѡдержитъ: а по смѣрти въ негѣ взмѣщене.
 До знавалъ не поединкѣротъ Тѣрчинъ поганинъ
 Его мѣнзства, и прѣдковѣнный Татаринъ.

Между тѣмъ настала большая необходимость для Польши въ гетманѣ Сагайдачномъ: безъ него она потеряла въ томъ году страшное пораженіе отъ Турковъ, подъ Цецорою, гдѣ убиты были: и горделивый томитель Москвы и Козачины, коронный гетманъ Жолкевскій, и любимый имъ козакъ, Чигиринскій сотникъ Михайло Хмельницкій, отецъ Богдана. Польша немедленно задумала двинуться вновь противъ Турковъ всѣми силами, подъ главнымъ начальствомъ королевича Владислава; и на совѣтъ объ этой войнѣ позванъ былъ въ Варшаву Сагайдачный — «справца великій и добрый, на котораго много полагались въ совѣтъ; и какъ онъ совѣтовалъ, на то соглашались паны гетманы и королевичъ его милость», говоритъ современникъ Ерлычъ.¹³ Запорожскому гетману поручено было военачальство надъ всѣмъ Козачествомъ. «Я на твою опеку посылаю моего сына» говоритъ ему король.¹⁴ Сагайдачный радостно спѣшилъ въ Кіевъ; и здѣсь онъ рѣшилъ патріарха исполнить то, чего такъ давно ждалъ и чего такъ желалъ теперь православный народъ Южнорускій.

И вотъ, въ Богоявленской церкви, въ четвертокъ 6 Октября, патріархъ Теофанъ съ Неофитомъ митрополитомъ Софійскимъ и съ Аврааміемъ епископомъ Стагонскимъ,¹⁵ посвятилъ на епископство Перемышльское *Исаію Копинскаго*, который дѣтъ за шесть былъ вызванъ, изъ 15-лѣтняго отшельничества своего въ пещеръ Антоніевой, на устроение Густынскаго монастыря, и уже третій годъ былъ игуменомъ Межигорскимъ. А въ слѣдующее воскресенье, 9 Октября, въ Великой церкви Печерской, совершилось

¹³.— Записки Якимъ Олизаровича Ерлыча, дворянина Кіевского воеводства, ведены съ 1620 по 1671 годъ, на Польскомъ языкѣ, и въ подлинникѣ названы *Лѣтописцелъ*. Жаль, что до сихъ поръ никто не издавалъ ихъ: въ нихъ много любопытныхъ замѣтокъ для исторіи.

¹⁴.— Изъ *Лѣтописи Львовской*.

¹⁵.— Изъ посвятительной грамоты Исаіи Копинскому отъ патріарха, которая въ кони находится въ Московскомъ Архивѣ Им. Д.

посвященіе въ Кіевскіе митрополиты *Іова Борецкаго*, игумена Михайловскаго, который особенно любимъ былъ въ народѣ за свою добродѣтельную жизнь и славился ученостью. Тогда же, на епископство Туровское и Пинское, поставлень Грекъ *Аврамій* епископъ Стагонскій; а въ началѣ Декабря, по выбору и прошенію Вильнянъ, посвященъ въ архіепископы Полоцкіе *Мелетій Смотрискій*, недавній архимавдрить Святодуховскаго Братскаго монастыря въ Вильнѣ.

Такъ возстановлена была въ 1620-мъ году православная Кіевская митрополія, послѣ 25-ти-лѣтняго сиротства.

Въ Генварѣ слѣдующаго года патриархъ Ософанъ простился съ Кіевомъ. Зима стояла крѣпкая. Остановясь на отдыхъ въ козацкомъ Терехтемировскомъ монастырѣ, патриархъ посвятилъ тамошняго архимандрита *Іезекиля Курцевича* на епископство Владимирское и Берестейское. Изъ Терехтемирова митрополить Іовъ со всѣми епископами и гетманъ Сагайдачный съ тремя тысячами козаковъ, и множество другихъ людей духовныхъ и свѣтскихъ, провожали патриарха до Волошской границы.

Во время отдыха въ городѣ Бѣлой-Церкви, посвященъ былъ, на епископство Луцкое и Острожское, *Ісакій Борисковичъ*, игумень Черницкій, ученикъ патриарха Мелетія, около 20-ти лѣтъ находившійся на Востокъ и на Афонѣ.¹⁶

Вслѣдъ за тѣмъ Ософанъ съ своими провожатыми гостилъ три дни въ городѣ Животовѣ, у благочестиваго князя Стефана Четвертенскаго, и тамъ посвятилъ *Паисія Ипполитовича*, на епископство Холмское и Бельзское.¹⁷

Наконецъ въ городѣ Бушѣ они разстались; и много печали и плача было при разлукѣ. «Поучаше бо тогда святителей своихъ — говоритъ Гусятинскій летописецъ — содержатися истиннаго благочестія, смиренія и любви;

¹⁶.—Изъ актовъ, о которыхъ сказано въ концѣ примѣчанія 9-го.

¹⁷.—О посвященіи, см. въ *Лѣтоп. Густ.*; а о гошеніи въ Животовѣ говоритъ еще Захарія Коштыенскій въ своемъ посвященіи князю Стефану Четвертенскому книги *Бесѣды* 1623 г.

скорби же и гоненія со всякою покурою преносити; также и все благочестивое воинство благословяше, ставше на торжищи посредь града, всѣмъ во слухъ глаголаше имъ съ зельнымъ усердіемъ поученіе, тоже молитвы прощальныи и раздрѣшательныи, преклоннымъ имъ всѣмъ главы своя ницъ на землю; по семъ увѣщавая ихъ, дабы отъ того времени не ходили на Москву, на родъ христіанскій, бранію.»

Съ наступленіемъ лѣта приспѣваль срокъ похода Хотинскаго. Въ Августѣ 1621 года, Сагайдачный съ 40-тысячнымъ козацкимъ войскомъ былъ уже у Днѣстра. Во Львовѣ онъ свидѣлся съ королевичемъ Владиславомъ, какъ *директоромъ* Хотинской войны.

Польскаго войска коронный гетманъ Ходкевичъ успѣлъ собрать 57 тысячъ, а именно: конниковъ въ желѣзныхъ латахъ 12 тысячъ, панцырниковъ 4 тысячи, пѣхотныхъ Поляковъ 30 тысячъ, Прусовъ и Поморянъ 8 тысячъ, да наемныхъ Угровъ 3 тысячи; да еще съ королевичемъ пришло подъ Хотинъ 30 тысячъ. А непріятельская сила состояла въ 300 тысячахъ Турковъ и во 100 тысячахъ Татаръ; и когда явился тамъ Османъ, хвалившійся «въ войскѣ козацкомъ сѣдати, а въ обозѣ Польскомъ обѣдати» — то немедленно зачались сраженія. Первая схватка произошла 2-го Сентября, еще до прибытія Владислава.

Турки съ первыхъ дней напирали особенно на козацкій обозъ, стоящій на чель къ обозу Султанскому и укрѣпившійся окопами. Но козаки, послѣ жаркихъ пушечныхъ перепалокъ, дали наконецъ сильный отпоръ, и гонясь за ними, ворвались было въ Турецкій обозъ; и только потому не овладѣли имъ вполне, что коронный гетманъ отказалъ въ подмогѣ. Такая неправда произвела ропоть въ козацкомъ войскѣ. Но Владиславъ, увѣдомленный объ томъ гетманомъ Сагайдачнымъ, поспѣшилъ нарядить депутатовъ, въ числѣ которыхъ былъ известный историкъ Яковъ Собѣскій, кастелянъ Краковскій, отецъ храбраго короля Яна.

Онъ произнесъ въ козацкомъ обозѣ убѣдительную рѣчь, послѣ которой гетманъ Сагайдачный съ старшинами склонился на ихъ сторону, и козаки утихомирились. Они радовались тою вѣстью, пришедшею 6 Сентября, что товарищъ ихъ Богданъ Хмельницкій, ходившій особо съ 10-тысячнымъ козацкимъ отрядомъ на Черное море, разбилъ и потопилъ 12 Турецкихъ галеръ, а остальные преслѣдовалъ до самаго Царягорода, и навелъ страхъ на Царьгородцевъ, окуривши ихъ пороховымъ дымомъ.¹⁸ А между тѣмъ 7-го Сентября, въ Польскомъ обозѣ, обезглавленъ былъ гетманъ Бородавка, по военному суду, за ту вину, что онъ съ трехтысячнымъ отрядомъ козаковъ опоздалъ явиться подъ Хотинь, гонявшисъ въ походѣ за добычею.¹⁹ Черезъ три дня послѣ того, и королевичъ и коронный гетманъ заболѣли лихорадкою, продолжавшеюся двѣ недѣли. Владиславъ оправился; но Ходкевичъ умеръ 24 Сентября. Нельзя не вспомнать здѣсь и того, что въ числѣ воевавшихъ подъ Хотинимъ, въ рядахъ Польскихъ, былъ *Петръ Семеновичъ Могила*, 24-лѣтній воеводичъ Молдавскій, черезъ четыре года постригшійся въ монахи Печерскіе.

Война Хотинская длилась пять недѣль, и кончилась тѣмъ, что грозный Османъ, не смотря на многочисленность своего войска, пожелалъ мира, который и заключенъ былъ 8 Октября, на условіяхъ выгодныхъ для Польши.

Октября 12-го Польское войско, на полѣ битвы, выстроилось на подобіе орла, съ распростертыми крылами, и на челѣ его сталъ Владиславъ, облекшійся въ порфиру поверхъ блестящаго вооруженія. Къ полудню Турецкій царь вывелъ свое войско, и построивъ его въ видѣ полумѣсяца,

¹⁸.—Объ этомъ Черноморскомъ *промыслѣ* говорится и въ королевскомъ листѣ Сагайдачному 1622 Генв. 12. и въ *діарушѣ* Титлевскаго, и у Твардовскаго. — И такъ напрасно пишутъ, что Богданъ Хмельницкій, взятый подъ Цесорою въ полонъ, оставался въ немъ два года.

¹⁹.—См. объ этомъ въ прибавл. къ *Литониску* Самуила Величка. К. 1848. Т. I. — И такъ Бородавку не самъ собою убилъ Сагайдачный!

сталъ въ его чель. Въ такомъ строѣ два войска простояли недвижимо около часу, другъ прѣтивъ друга. А между тѣмъ султанъ послалъ огромнаго слона и отборнаго коня въ даръ королевичу; а Владиславъ послалъ ему въ даръ тоже наряднаго коня, да двѣ пушки отличной работы. Наконецъ Турки, наклоненіемъ своихъ вый и съ ними знаменъ своихъ, простились съ Польскимъ войскомъ; а Поляки откланялись Турецкому войску, покиваніемъ своихъ головъ.²⁰

И когда Турки отошли во-свояси, Владиславъ отправилъ изъ своего главнаго обоза раненыхъ и больныхъ; выступилъ изъ старыхъ окоповъ на свѣжее мѣсто, и принялся торжествовать свою побѣду. Славяноруская народная поэзія издревле изображала битву свадебнымъ широмъ. У Поляковъ это происходило въ лицахъ. Они въѣзжали на войну, какъ на свадебный праздникъ, въ блескѣ и роскоши, и любили воевать со всею прохладою яствъ и напитковъ; не то, что въ Козачествѣ, любившемъ суровую простоту жизни, и долго державшемся стараго обычая своего: не пить вовсе вина во время войны.²¹

Пируя весело свою побѣду, Владиславъ послалъ въ козацкій обозъ, стоявшій на выстрѣль изъ лука отъ обоза Польскаго, множество харчей, навезенныхъ изъ окрестныхъ городовъ и сель; а на попойку козакамъ прислалъ 25 большихъ бутъ Волошкаго вина, 48 бочекъ меду, отысканнаго въ Каменць, и 24 большія куфы горѣлки. Для гетмана особо присланы были, кромѣ разныхъ яствъ и сластей, 7 анталовъ лучшаго Венгерскаго вина, бочка Рейнскаго, небольшая бутъ Котнарскаго, да погребець съ дюжиною полугарцовыхъ золочено-серебряныхъ флашекъ, наполненныхъ разными лѣкарственными водками. Но Сагайдачному тогда было не до напитковъ и сластей: онъ

²⁰.—Эти и послѣдующія подробности о концѣ Хотинской войны взяты мною также изъ *Летописи С. Величка*, который заимствовалъ ихъ изъ «рукописныхъ летописцевъ козацкихъ».

²¹.—См. у Боплана, въ *Описаніи Украины*.

лежалъ на одрѣ болѣзни, подъ тяжелыми ранами. Собольтз-
нуя о томъ, Владиславъ прислалъ ему свою кармазиновую
полатку, подшитую зеленою Венедскою адамашкою.

По окончаніи 8-дневнаго пира, на разсвѣтъ 21-го Октяб-
ря, ударили въ бубны къ походу. Владиславъ, полю-
бившій козаковъ и полюбленный ими, прибылъ съ полуто-
раста всадниками въ козацкій обозъ, проститься съ гет-
маномъ и Запорожскимъ войскомъ. Выказавъ благодар-
ность свою, за ихъ щирую и вѣрную службу, онъ подошелъ
къ Сагайдачному, приподнятому съ постели и поставлен-
ному на ноги, и возложилъ на него драгоценный *щиро-*
золотный канакъ, на фіолетовой лентѣ, украшенный съ од-
ной стороны королевскимъ портретомъ и рубинами, а съ
другой гербовымъ одноглавымъ орломъ и сафирами. По-
томъ, увидавъ пароконную простую кибитку, вымощенную
сѣномъ и подушками, и прикрытую коврами, онъ дога-
дался кому она приготовлена, и пошутивъ надъ нею, ве-
лѣлъ поскорѣе привезть свою *лектичку* съ балдахиномъ, изъ
зеленаго съ золотыми цвѣтами табину, на парѣ легкихъ
коней въ золоченыхъ шорахъ, и подарилъ ее большому гет-
ману на дорогу; а на прощанье назначилъ къ нему еще
своего придворнаго доктора Француза.

Того же дня выступили въ походъ Сагайдачный, по же-
ланію Владислава, оставилъ недѣли на три подъ Хотиномъ
пять тысячъ отборнаго козацкаго войска для сторожи; а
остальныхъ распускалъ по домамъ, въ продолженіе возврат-
наго похода. Самъ же онъ прибылъ въ Кіевъ передъ Фи-
липовскими заговѣнами, безъ триумфовъ и парадовъ: его
полумертваго встрѣтила и приняла въ своемъ дому только
плачущая жена его Анастасія, урожденная Повченская.²²

²²—Имя и роль жены Сагайдачнаго означены въ книгѣ *Вършь*, на марги-
незѣ 15 листа, противъ стихотворнаго къ ней обращенія:

»Не дивь цная Малжонко, же ся обливаеть
Слезами, и отъ жалю праве омдлѣваеть;
Бо-съ утратила своего Малжонка милого
Кролю и Посполнтой речи зычливого.

Но представлению Владислава, король Жигимонтъ, признавая всю заслугу козацкаго войска, прислалъ ему въ Кіевъ, съ своимъ придворнымъ подскарбіемъ, наградныя деньги, да королевскую хоругвь, булаву въ три тысячи талероу и золотую цепь въ пятьсотъ талероу гетману Сагайдачному, съ похвальною королевскою грамотою, данною въ Краковѣ, 12 Генваря 1622 года. Въ той грамотѣ между прочимъ сказано: «Мы, довольные вашею преданностію и усердіемъ къ Намъ, и ко всей Коронѣ Польской, которыя вы показали военными подвигами вашими подъ Хотиномъ, изъявляемъ вамъ и всему Войску Нашему Запорожскому милость Нашу и признательность, которую во всѣхъ потребностяхъ и нуждахъ Войска охотно оказывать обѣщаемъ; и сколько оказалъ вамъ нѣкогда милости и расположенія славный предшественникъ нашъ наияснѣйшій Стефанъ Баторій король Польскій, умноженіемъ правъ и вольностей вашихъ, Мы не отречемъ даровать вамъ противъ того въ десятеро, чего только пожелаете отъ Нашей милости. Теперь же, награждая малымъ подаркомъ упомянутое мужество ваше и трудъ подъ Хотиномъ, посылаемъ изъ Нашей казны королевской, чрезъ придворнаго подскарбія, 400 тысячъ битыхъ талероу, которые должны быть раздѣлены поровну и розданы 50-ти тысячамъ всей Черни войсковою, какъ тѣмъ, которые были подъ Хотиномъ, такъ и находившимся на военномъ промыслѣ съ Хмельницкимъ на Понтѣ Эвксинскомъ, не минуя родичей и вдовъ Товариства козацкаго, положившаго свои рыцарскія головы въ военныхъ дѣйствіяхъ сего года. При томъ, особо вашей

Для него-съ и ты у всѣхъ людей была славна;
 А теперь твоя свѣча ясная южь згаела.
 Южь ся съ тобою вѣчне другъ твой разлучаетъ,
 Богу ты впродъ въ опеку и Войску вручаетъ.
 Жій побожне, якъ вдова, въ своей уцтливости,
 За що въ Бога и въ людей набудешъ милости.
 Богъ есть сиротамъ отецъ, а судія вдовамъ,
 Караеть кто бы хотѣлъ чинити кривду вамъ.»

гетманской милости со всею Старшиною, посылаю 4 тысячи червонцев, которые раздѣлите между собою по справедливости и усмотрѣнію вашему».

Въ отвѣтъ на то, выражая благодарность свою королю, въ письмѣ отъ 15 Февраля, гетманъ Сагайдачный изобразилъ въ немъ и ту скорбь души своей, которая присоединилась къ его страданіямъ тѣлеснымъ.

«А любо — писалъ онъ — зъ стороны высокодумныхъ и велможныхъ ихъ милостей пановъ коронныхъ—Вишневецкихъ, Конецподскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и иныхъ, на Украинѣ, властной предковѣчной отчизнѣ нашей, власть свою неслухне распростирающихъ, повѣваютъ на насъ Войско Запорозское холодныи и непріязненыи вѣтри, хотящии славу нашу въ персть вселити, и насъ братію свою, вѣрныхъ Вашего найяснѣйшого Величества и всей Коронѣ Подской слугъ, въ подданство и ярмо работническое собѣ безбожне наклонити; однакъ уповаемъ, же кгда Ваше Величество восхоцетъ и повелитъ, то внетъ бури и вѣтри оные престануть и въ тишину предложатся. И не такъ намъ есть жалостно на пановъ преречоныхъ, яко на ихъ старостокъ, нецнотливыхъ сыновъ и пѣлицъ, которыи ни Бога боятся, на премоцныхъ Вашего найяснѣйшого Величества монаршихъ мандатовъ слухаютъ: бо скоро я гетманъ, по указу Вашего Величества, на Хотѣнскую военную службу зъ козаками зъ Украины выйшолю, тогда они старостки заразъ козачокъ бѣдныхъ зачали на всякіе работизны панскіе, безъ жадного обзору и призрѣнія, часто выгонити, бити, и вязенями неслухающихъ мордовати; що тяжко и жалосно козакамъ, зъ службы Вашей монаршой военной, зъ ранами еще неугоенными и червей полными, повернувшимъ, было отъ женъ и матерей своихъ слышати, и слезы зъ очесъ ихъ точащїеся видѣти.... Ваше же найяснѣйшее королевское Величество, яко отецъ милостивый и Панъ нашъ найласкавшій, и по семъ короткомъ донесеню нашомъ, можетъ своевольныхъ старостокъ и праволомцовъ

(которые на особливомъ реестрику выражаются) усмирить и покорить; а козаковъ бѣдныхъ, отъ ихъ безбожныхъ насильствъ, напастей и тяжестей защитити и освободити. Кдыжь, если они козаки не получаютъ въ томъ Вашего королевского найяснѣйшого Величества призрачїя и респекту, то же бы що новое отъ нихъ (якъ уже и пошмеруютъ) не уродилося, и огня гнѣвного (чого не дай Боже) не запалило; въ якїй часъ, уже не на козаковъ, але сами на себе и на своихъ пьяницъ старостокъ, велможными ихъ милость панове Польскїи нарѣкати и жалковати мусѣли бы.

Чувствуя приближеніе свое къ кончинѣ, Сагайдачный, въ послѣднихъ числахъ Марта, отпустилъ отъ себя королевскаго придворнаго доктора, съ слѣдующимъ прощальнымъ письмомъ къ королю.

найснѣйшій королю полскій и наймилостивѣйшій мой пане.

Поворочаючи зъ подъ Хотѣня до дому, любо Свѣтлѣйшій Ксіонже Принцъ Владиславъ, наймилшій Вашего королевского Величества сынъ, а мой наласкавѣйшій добродѣй, для улѣченїя смертельныхъ ранъ и болѣзней моихъ придалъ мнѣ лѣкаря своего; однакъ изнемогають тамъ всѣ того лѣкаря лѣкарственными медикамента и довѣцлы, где ядовитыи пострѣлы бѣсурманскїи, въ тѣло мое потрафивши, всѣ майстерства лѣкарственными упередили, и смертотворный ядъ свой внутреними дѣйствїями во всѣ составы и жилы мои разливши, латвую и уже видимую не ко животу, но ко гробу устрояють мнѣ дорогу; бо имъ далѣй, тымъ барзѣй изнемогаю и до кончины приближаюсь. Для чого не смѣючи болшей и доктора Вашего найяснѣйшого королевского Величества при себѣ удержовати, зъ достожднымъ службничимъ за него благодаренїемъ, отпускаю его до двору Вашего найяснѣйшого королевского Величества.

Самъ тежь приближаючися ко дверемъ гробнымъ, отдаю подъ ноги Вашего найяснѣйшого королевского Величества найнижайшїи остатнїи уклонъ мой; и уже не надѣю-

чися болшей видѣти въ жизни сей найяснѣйшого лица и ласкавыхъ ку себѣ очесъ Вашего королевского Величества, послѣднимъ листовнымъ пожегнанемъ жегнаю превысокіе Вашего найяснѣйшого королевского Величества наимилшого сына Вашего, моего же директора и найласкавшаго добродѣя Свѣтлѣйшого Ксіонженца Принца Владислава, персони. Где яко упрейме зычу, абы Господь Богъ всемогущою силою сохранилъ Вашего найяснѣйшого королевского Величества и наимилшого сына Вашего Принца Владислава здоровье, при щасливыхъ всегда Вашихъ и державы Вашея, Короны Полскія сукцессахъ; такъ и прошу покорне Вашего найяснѣйшого королевского Величества прощенія, въ чемъ бы колвекъ згрубилъ и погрѣшилъ, яко человекъ, предъ найяснѣйшимъ Вашего Величества маестатомъ.

Пань докторъ Вашего найяснѣйшого королевского Величества, будучи при мнѣ въ Кіевѣ чрезъ часъ немалый, яко присмотрѣлся добре безпрестаннымъ многихъ козаковъ, отъ пановъ Подскихъ и ихъ старостокъ разными способами оскорбленныхъ и бѣдствуемыхъ, сквиркамъ, плачамъ и опеляціямъ, до мене заношеннымъ; такъ о всемъ томъ можетъ ретелне словесно донести Вашому Величеству, если Ваше найяснѣйшее Величество рачить его о томъ спытати и милостиво послухати. А я, монаршіе Вашего королевского Величества нозѣ смиренно обнявши, покорне и слезне прошу, дабы тое козакамъ творимое бѣдствіе и озлобленіе, превысокимъ и грознымъ Вашего найяснѣйшого Величества мандатомъ, было запрещено и ускромлено. Особливе Унѣя, за милостивымъ Вашего найяснѣйшого королевского Величества позволенемъ, теперъ зъ Русь чрезъ святѣйшого Феодана Патріарху Іерусалимского знесеная, абы впредъ въ той же Русь никогда не отновлялася, и своихъ роговъ не возносила. Мають абовѣмъ отци езуити и все духовенство костела Римского (и безъ насъ Православныхъ) кого до Унѣи своен наворочати и присвояти, тыхъ народовъ, которыи отнюдь не вѣдають и не вѣрять

Христа Господа, плотию въ міръ пришедшого. А мы Православными, древнихъ святыхъ Апостолскихъ и Отческихъ преданій и догматовъ безъ жадной Унѣи и схизмы придерживающіеся, не отчаваемся нашего спасенія и блаженного живота вѣчнаго.

Сии двѣ мои, вѣрнаго Вашего королевскаго Величества слуги, желанія, ежели рачишь и наймилшимъ дѣтемъ своимъ по собѣ милостивно прикажешь учинити, и непременно всегда заховати; то и пацованіе ихъ и цѣлой Короны въ тишинѣ и благовременномъ отъ всѣхъ непріятельскихъ навѣтовъ покои завше будетъ и преизбудеть; чего я и повторе всеусердно желаю, зъ Кіева, Марта числь послѣднихъ, року 1622.

Вашому Найяснѣйшому Королевскому Величеству вѣрный и найнижшій слуга

Петро Конашевичъ Сагайдачный, Гетманъ Войска Запорозского.

Хотинскимъ походомъ гетманъ Сагайдачный довершилъ военное поприще свое; и послѣдніе пять мѣсяцевъ жизни посвятилъ преимущественно заботамъ и печалямъ о успокоеніи и внутреннемъ благѣ Украины. Особенно обратилъ онъ свое попеченіе на Богоявленское Кіевское Братство, въ которое записался онъ²³ со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ; и пожертвовалъ нѣсколько тысячъ на обновленіе Богоявленскаго монастыря и на содержаніе Братской школы; почему и называется *ктиторомъ* Братскаго монастыря.²⁴ Не забылъ Сагайдачный и о своей Заднѣстровской родинѣ, и отказалъ полторы тысячи золотыхъ червонныхъ на школу

²³— Не разумѣя, что значило записаться въ православное Братство, Энгель въ своей Исторіи сказалъ, будто Сагайдачный постригся въ монахи; и эта ошибка, черезъ Исторію Бавтышъ-Каменскаго, распространилась и у насъ. Но Сагайдачный въ монахи не постригался!

²⁴— Напримѣръ въ Лѣтописи Малороссійской (починята, Грабликиной) сказано: «Року 1622 Петро Сагайдачный, славный Гетманъ Запорозскій и великій защитникъ Православной вѣры, любитель и *Ктиторъ* Братскаго монастыря» и т. д.

Братства Львовскаго. ²⁵ Опредѣливъ вклады и другимъ монастырямъ, церквамъ и школамъ, и назначивъ опекунами женъ и повиннымъ своимъ митрополита Юва и будущаго своего преемника въ гетманствѣ, Олифера Голубя, и совершивъ по долгу благочестія послѣдніе обряды христіанскіе, на страстной и свѣтлой седмицахъ, — славный гетманъ окончилъ жизнь на проводной недѣлѣ 10 *Апрѣля*. ²⁶ Погребенъ въ Братскомъ монастырѣ, при училищной церкви. Надъ тѣломъ его, при погребеніи, двадцать студентовъ произносили стихи, сочиненные тогдашнимъ ректоромъ Кассіаномъ Саковичемъ; а на могильномъ камнѣ ему вырѣзано было слѣдующее надгробіе: ²⁷

Тѣхъ зложилъ Запорозкій Гетманъ свои когти,
 Петръ Ковашевичъ, ранній къ войнѣ: для колкости
 Отчины, когда нанъ Турцы mocno натирали,
 И пострѣлокъ смертельныхъ кляка мѣ задли:
 Которыми зранены, живота докончалъ.
 Вѣры Богъ, и Крѣлю, и Воинскъ доуховалъ.
 И умеръ короначи мира сичнѣтого:
 За што ұзыкъ мѣ, Творѣ, нева бѣнѣтого,
 Якъ рекнителю вѣры благочестивои,
 Въ которой былъ выхованъ зъ молодости свои.
 Року тисча шість сотъ двадцатъ второго,
 Погребенъ къ монастыри Брацтва Киевского.
 На который тисчѣй кляка офѣробалъ,
 Яже въ члѣхъ надѣни фѣдосанс, жадалъ.

²⁵—См. ниже приложение 1-е.

²⁶—Уже и Самойло Величко, въ своей Лѣтописи, не зналъ когда именно скончался Сагайдачный. Но мнѣ случилось узнать объ этомъ изъ современной замѣтки въ старинномъ Помѣникѣ Михайловскаго Золотоверхаго монастыря (въ 4-ку). »Року 1622 *Апрѣля* 10 дня благочестивый мужъ паяъ Петръ Ковашевичъ Сагайдачный войска Еге К М. Запорозкого, по многыхъ знаменитыхъ военныхъ послугахъ и звитязствахъ, на дожи своемъ простеръ ноги свои, приложился къ отцемъ своимъ, съ добрымъ исповѣданіемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыни, въ Кіевѣ. Погребенъ при церкви школы Словенское въ мѣсте на Подоли честно, въ дому Братства церковного.»

²⁷—Изъ книги *Впрѣль* 1622 года.

Теперь не видно уже въ Кіевскомъ Братствѣ этого надгробнаго камня; не знаетъ никто даже и мѣста, гдѣ почили прахъ достопамятнаго гетмана; уцѣлѣлъ только большой золочено-серебряный ручной крестъ,²⁵ обсаженный девятью камнями, съ такою надписью на рукояти:

«Року 1622 далъ сей крестъ рабъ Божій Петръ Конашевичъ Слгайдачный Гетманъ Войска Его К. М. Запорозкого, до церкви святаго Богоявленія Господня въ домъ Братскій, на отпущеніе грѣховъ своихъ.»

1850. М.

М. МАКСИМОВИЧЬ.

²⁵—Рисунокъ этого креста см. въ *Обозрѣніи Кіева*, издан. П. Фундуклеемъ. К. 1847. Тамъ же и рисунокъ того креста, которымъ патриархъ Теофанъ благословилъ Кіевское Братство въ 1620-мъ году, и который хранится нынѣ надъ царскими вратами Богоявленской церкви.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ СКАЗАНІЮ О САГАЙДАЧНОМЪ.

I.

ЗАПИСЬ О ПОЖЕРТВОВАНІИ ГЕТМАНА САГАЙДАЧНАГО НА ШКОЛУ ЛЬВОВСКАГО ВРАТСТВА, 1622.

=

Іовъ Борецкій Милостию Божею Архиепископъ Митрополитъ Киевскій Галицкій и всеа Россіи, весполь и Олиферъ Остановичъ Голубъ Гетманъ зо всемъ Товариствомъ Войска Его Королевской Милости Запорозского.

Вѣдомо чинимъ, кому то належати можетъ, нынѣшняго и напотомъ будущою вѣку людемъ: ижъ мы Іовъ Борецкій Милостию Божею Архиепископъ Митрополитъ Киевскій Галицкій и всеа Россіи, весполь изъ Паномъ Олиферомъ Гетманомъ и всемъ рицerstвомъ Войска Его Кор. Милости Запорозского, за волею Бога Вседержителя, въ року теперъ идучомъ тисеча шестеотъ двадцать второмъ, мѣсяца Априля пятого дня, отъ вѣчное памяти и славы несмертельное годного Гетмана Войска Его Кор. Милости Запорозского, мужа христіанскихъ цнотъ и милостины полного, пана Петра Конашевича Сагайдачнаго, при доброй памяти и здоровомъ умысле, въ хоробе его, будучи обраны отъ него самого жонъ и повиннымъ его опекунами и всее худобы и маетности, ведие уподобаня и остатнее воли его, которою въ духовници остатнимъ тестаментомъ запечатоваль и спорядити велѣтъ,

шафарми и вѣрными диспозиторми тысячей полторы золотыхъ, которыхъ онъ на школу Братства Львовского, на науку и на цвиченье Бакаларовъ учонныхъ, лекговалъ и вѣчными лѣты на пожитокъ ихъ оѣвровалъ, таковымъ способомъ паномъ Братіямъ Братства церковного храма Успения Пречистыя Богородицы въ мѣсте Львовъ, якъ намъ повѣрено и полецено, повѣряемъ и повѣрилисмо, полецаемъ и полецилисмо по нихъ самыхъ и по ихъ потомкахъ братіяхъ Братства реченого, непрерывными часы мѣти то хотячи, абы зъ тыхъ полторы тысячи золотыхъ на каждый рокъ, на выхованье ученого маистра въ Греческомъ языкѣ бѣглого, Церкви Божой и дѣткамъ христіанскимъ народу Россійскому потребного, золотыхъ полтора ста пожитку прирастати могло, и то нигде индей тьлко на науку оборочано было. А тые полторы тисечи золотыхъ абы никакъ неубывали а ни уменьшали, зъ чого ихъ милости панове Братія, отъ початку тое фундацыи наше, отъ року тисеча шестсотъ двадцать второго мѣсяца Іюня двадцать четвертого дня отъ дня рожества святаго славнаго Пророка и Предотечи Іоанна, за zesланьемъ отъ мене любъ отъ потомка моего Митрополита Православного Киевского, и отъ насъ Гетмана и потомка моего и всего рыцерства Войска Его Кор. Милости Запорозского, посланника мають, и повинныи будутъ за всъ хотъ надолшие лѣта зъ приростку на каждый рокъ зъ росходу на учителей школьныхъ зъ полторусеть золотыхъ рахунокъ пристойный и личбу чинити, а тую головную суму полтори тысячи золотыхъ на мѣсцу и въ пожитку певномъ презъ вѣры годное свидѣство цало указати, абы тая фундацыя того всякое чти и памяти вѣчное годного мужа пана Петра Конашевича Сагайдачного, зъ заслугъ всего рыцерства Войска Его Кор. Милости Запорозского, черезъ мене Іова Борецкого Митрополита православного Киевского учиненая, на школу албо рачей на дидаскаловъ, за чимъбы въ школе той Братской всегодне непрерыване наука трвати могла, вѣчными и потомными часы не нищала а ни уставала, обовезуючи въ томъ помененыхъ Братий

Братства церковного Львовского, ест. либы въ томъ значного старания чинить не хотѣли, я зъ части моее духовное митрополитанское, страшнымъ Господа Бога моего именовемъ и грознымъ а справедливымъ и неублаганымъ на недбалыхъ злыхъ дѣлателей Вседержителя судомъ; а зъ части Войска Его Кор. Милости Запорозского, ест. либы якое недбалство около наукъ по ихъ милость панахъ Братіяхъ котораго часу пошлаковано и пристойше показано было, кромѣ всякого позву и переводу правного, шкодою и зарукою другихъ таковыхъ полтори тисечи золотыхъ, которыхъ они заплативши и до тое сумы приложивши южъ совитый отъ трехъ тисечей пожитокъ триста золотыхъ до школы што годъ чинити повинни будутъ, намней неотступаючи отъ повинности своее. Въ чомъ и повторе, если бы тоежъ недбалство въ оныхъ найдовалось, а шилности около школныхъ наукъ пристойше показатись не мѣло, знову въ совитость всѣхъ троухъ тисечей, до шести тисечей золотыхъ въ шкоды въ ровне совитей на каждый рокъ шестсотъ золотыхъ приробокъ и въ неотрочную около школы наукъ учтивыхъ полность подпадати мають и повинны будутъ, и такъ кромѣ всякое вымовы, сами собою худобою зъ потомками во всѣ потомные вѣки всѣ Братія Братства церковного храма Присвятое Богородице Леополите около помноженья учтивыхъ наукъ въ школу Братской въ мѣсте Львове старатись працювати и промыслъ вшелякій чинити, подъ вышъ описаную обликгацією и кондыціями, яко спасение свое и народу и дѣтокъ своихъ и Церкви Христовой помножение милуючи, вѣчно и неотмѣнно восполъ и зъ нами мають и повинни будутъ. И на томъ тую вѣчную Войска Его Кор. Милости Запорозского фундацїю укрѣпывавши, и паномъ Братіямъ Братства церковного Львовского въ руки подавши тую помененную суму полтори тисечи золотыхъ черезъ посланниковъ умоцованыхъ ихъ милостей Братію Братства Львовского п. Григоріа Русиновича Романовича и пана Павла Михайловича устивши, при печати нашей Митрополитской, руками своими подписуемъ. Въ монастыри Михайловскомъ

церкве Золотоверхое въ Кіеве дня 21 Июля мѣсяца 1622 року
отъ Христа, а отъ створенія Свѣта 7130. Индикта пятого.

Іовъ Борецкій Митрополитъ Кіевскій рукою власною.
Олиферъ Остаповичъ Голубъ Гетманъ Войска Его Ко-
ролевской Милости Запорозского съ Товариствомъ.

Лаврентій Пашковскій писарь.

*(Эта запись сообщена мнѣ 1840 г. Денисомъ Зубрицкимъ,
въ копіи, списанной имъ съ подлинника, хранящагося въ
Ставропигіальномъ архивѣ Львовскомъ.)*

=

II.

**ОТРЫВКИ ВѢРШЕЙ (СТИХОВЪ),
ЧИТАННЫХЪ СТУДЕНТАМИ КІЕВОБРАТСКОЙ ШКОЛЫ,
ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ГЕТМАНА САГАЙДАЧНАГО.**

=

Есть для чо́го го́йныя слезы вливати,
Сердцы, усты, и шатки жаль свой освѣдчати:
Бо ото смерть горкая невчесне порвала
Славного рыцера, котро́го похвала
Кромо Пану и Речи посполитой была;
Бо его слава въ многихъ краяхъ зѣмныхъ слыла.
Славное Войско годно такого Гетмана,
Который пише стерегъ чести своего Пана;
Умѣль мудре тымъ сильнымъ Войскомъ керовати,
Доброго любить, злого зась звыкль быль карати.
Для тогожь и звязства часто доказоваль,
Же карность съ послушенствомъ въ своемъ войску мѣваль.
Пише онъ того стерегъ, бы война съ христіаны
Христіаномъ не была, лечь толко съ поганы,
Которыхъ онъ водою и сухомъ воеваль,
И плененныхъ христіанъ зъ моцы ихъ выдираль.

Слушне о томъ Гетманъ каждый держать може,
 Же былъ правый Гетманъ, дай му вѣчный покой, Боже!
 За великую себѣ мѣль то нагороду,
 Гды зъ неволи вызволитъ кого на свободу.
 Кгдыжъ война для тыхъ толко причинъ маеть быти:
 Себе отъ кривдъ и иныхъ также боронити.
 О, цный Гетмане, славный въ людехъ по всѣ вѣки,
 Нехай тя прійметъ Христось въ небесныи лики!

—

Не разъ онъ громилъ орды Татаровъ на шлѣкахъ,
 И загоны ихъ разилъ въ великихъ оршѣкахъ.
 Дозналъ моци Рыцера того Турчинъ сильный,
 Въ томъ тогорочномъ бою, якъ то былъ мужъ дѣльный.
 Же въ маломъ почтѣ своихъ, Турскимъ многимъ полкомъ,
 Менжне спиралъ поганскимъ розвѣднымъ волкомъ,
 За ойчизну менжне ся имъ заставляючи,
 Здоровя своего намгѣй не охороняючи.
 Волѣлъ самъ, якъ Кодрусъ кроль въ Атенахъ въ Греци,
 Смерть поднятъ, бы ойчизна токмо была вцѣль.
 Гдыжъ лёпѣй есть стрѣтити животъ за ойчизну,
 Нѣжли непріятелю достаться въ коризну;
 Кто бо вѣмъ за ойчизну не хочеть вмирати,
 Тотъ потомъ зъ ойчизною муситъ погибати.
 Цный Сагайдачный волѣлъ самъ рану подняти,
 Нѣжли бы поганишу христіанъ выдати;
 Отъ которой раны ото умираеть,
 Але слава и менжество его заставаеть.

—

По прѣжну фрасуетъ ся всякъ живѣй челоувѣкъ,
 Поневажъ короткій есть его на свѣтъ вѣкъ.
 Богатство, мудрость, слава, сила, все преходить,
 Ничѣго ся трѣвалоу въ мѣрѣ не находить.
 Што можемъ въ томъ Рыцери нашомъ оглядати,

Же такъ не иначей есть , латво узнавати.
 Ци-ли онъ не мѣлъ силы , здоровья , и грошій ;
 Не былъ ли славный , менжный , на тѣль хоршій ;
 Ци-ли не мѣлъ доктóровъ на свою хоробу !
 Лечь на смерть нѣтъ лѣкарства , отдается гробу.
 Чловѣкъ якъ тѣнь , сонъ , трава : якъ цвѣтъ увядаетъ ,
 Нагъ ся родить , нагъ сходитъ , все ся тутъ застаеть....

Уродился онъ въ краяхъ Подгорскихъ Премысскихъ ,
 Выхованъ въ веръ Церкви Востодней зъ лѣтъ дѣтнскихъ.
 Шолъ потомъ до Острога , дия наукъ уцтивыхъ ,
 Которыи тамъ квитли , за благочестивыхъ
 Княжатъ , которыи ся въ наукахъ кохали ,
 На школы маестностей много фундовали :
 Абы ся млодь въ наукахъ уцтивыхъ цвѣчила ,
 Церкви и тѣжъ отчизнѣ пожитечна была.
 Дай Боже , бы тая тамъ фундація трвала ,
 Же бы ся оттоль хвала Божія помножала !

Тамъ теды Конашевичъ часъ не малый живши ,
 И наукъ въ писмѣ нашомъ Словенскомъ навѣкиши ,
 Потомъ видячи ся бытъ способнымъ до мензства ,
 Шолъ до Запорозкого славного Рыцѣрства ,
 Межи которымъ презъ часъ не малый жиючи
 И рыцѣрскихъ дѣлностей тамъ доказуючи ,
 Гетманомъ потомъ себъ Войско го обрало ,
 И зъ нимъ менжне Татаровъ и Турковъ бивало.
 За своего Гетманства взялъ въ Турцехъ мѣсто Кафу ,
 Ажъ и самъ цезарь Турскій былъ въ великомъ страху :
 Бо му чотырнадцатъ тысячь тамъ людей збилъ ,
 Катарги едины панилъ , другія потонилъ ;
 Много тогды зъ неволю христіанъ свободилъ ,
 За што Богъ зъ воинствомъ его благословилъ.
 Бо за наибольшую нехъ себъ нагороду
 Почитаеть рыцѣрь , кды кого на свободу

Вѣзволить: за што грѣховъ собѣ отпущене
 Одержитъ, а по смерти въ небѣ вѣмѣщене.
 Дозналь не по единъ кротъ Турчинъ поганинь
 Его мензства, и прудковоецнй Татаринъ.
 Повѣсть и Мултянская земля и Волошинъ,
 Якъ ихъ тотъ Гетманъ зъ своимъ рыцарствомъ полошилъ.
 Досвѣдчилъ и Инфлянтчикъ того Войска силы,
 Гды ихъ тамъ тыи Рыцери якъ траву косили...

И завше онъ дѣлностью своею въ то трафлялъ,
 Якъ бы безъ шкоды своихъ, неприятелювъ досталъ,
 Теды церкви въ покою оставляти казалъ....

И завше зъ своимъ Войскомъ Кроля пана просилъ,
 Абы вѣру нашу святую успокоилъ,
 Офьруочися му тымъ хентий служити,
 Кгды бы рачилъ релію нашу успокоити,
 Для которыи междоусобная война
 Дѣтсея межи людьми въ панствѣ Кроля пана,
 Кгдыжъ за вѣру готовъ есть правый христіанинъ
 Умирати, а не дасть ся привести до новинъ.
 А кгды тую прозбу Кроль зъ Сенатомъ откладаль:
 Тымъ часомъ Патріарха вчасне къ намъ завиталъ,
 Зъ землѣ Святой, мѣста Іерусалима,
 Отколь вышла на весь свѣтъ правдивая Вѣра.
 Котораго тотъ Гетманъ зъ Войскомъ наведивши
 Въ Кіевъ, и поклонъ му достойный отдавши,
 Съ Православными почалъ раду въ томъ чинити:
 Же бы могли Пастырей Православныхъ мѣти
 Въ Церкви своей, на мѣстцахъ владыковъ Унѣтовъ,
 Которыхъ маеть народъ нашъ за езуитовъ,
 Кгдыжъ Унѣяти зъ ними единомудрствують,
 Всѣхъ подбити подъ владзу папѣ усилують.
 Обравши теды згодне всѣ, зъ людей духовныхъ,
 Честныхъ мужей и въ писмѣ бѣглыхъ особъ годныхъ:
 Патріарсъ святому ихъ презентовали,
 О посвяченя ихъ на владыштва жадали.

А кды святѣйшій отець съ екзархомъ * обачилъ
 Слушность въ жаданю , особъ тыхъ посвятити рачилъ :
 Иова Борецкаго на Митрополию ,
 И владыкъ на каждого ихъ Епископію.
 Зоставивши теды намъ святыню въ Россіи ,
 Святѣйшій Патріархъ самъ ѣхалъ до Кгречи.
 Которого тотъ Рыцерь зъ Войскомъ Запорозкимъ
 Отпровадилъ въ покою къ границомъ Волоскимъ ,
 Чінячи то за его Кр. Мил. позволенемъ ,
 И тыжъ Войска Запорозкого повеленемъ .
 О, якій тамъ плачь былъ , кды ся Войско вертало
 Назадъ , и зъ святѣйшимъ отцемъ южъ жегнало :
 Сердце ихъ правъ мдѣло зъ набожного жано ,
 Въ ономъ ихъ зъ собою ся въ дорозѣ розстано .

Тую теды послугу годне отпрививши
 И благословеніе Войску одержавши ,
 Вернулися въ покою до своихъ салашовъ ,
 И ледво трѣха вытхли : али Турчинъ нашолъ ,
 Зъ многочисбнымъ поганствомъ на отчизну нашу ,
 Южъ назначивши своего до мѣстъ нашихъ бану ,
 Который въ Запорозкомъ Войску хотѣлъ снѣдати ,
 А въ Полскомъ зась обозѣ мыслилъ обѣдати .
 Але Богъ , въ которого моцы есть звитязство ,
 Додалъ моци нашему Войску на Поганство ,
 Же хоть шесть кротъ не ровно , предъ ся утъкали
 Турци предъ нашими , кды на нихъ натирали :
 Снѣдаця имъ посполу зъ обѣдомъ даючі ,
 А на вечеру на честь до Плотона шлючі ,
 Которои не хтячи другіи чекати ,
 Ради не ради , назадъ мусѣли вступати .
 Дозналъ теды поганшиъ Іисуса Христа ,
 Которого блонзили злыи его уста ,

* Объ экзархѣ *Арсеніѣ* , тогда бывшемъ въ Кіевѣ , упоминаеть патр. Теофанъ въ своей Грамотѣ Богоявленскому Братству 1620 г. Мая 27.

Же нашихъ священниковъ хотѣль въ плугъ запрягати,
 И въ Домахъ Божіихъ конѣ обещаѣ ставляти.
 Але гордому, все ся то вспакъ обернуло:
 Же малюшгѣ войска зъ нимъ назадъся вернуло.
 Такъто Богъ гордымъ завше звикъ ся спротивляти:
 Покорнымъ зась и тихимъ благодать давати!
 Изъ нашихъ, хотъ много тамъ побитыхъ и раннихъ,
 Зостало, оружіемъ Турчиновъ поганыхъ:
 Еднакъ, если зъ сповѣдо шли на тую войну,
 Возмутъ заплату въ Небъ, за мужество, гоину:
 Же за христіанскую кровь ся заставляли,
 Ойчизны борючачи, кровь свою выльаць.
 На томъже пляцу тотъ нашъ Гетманъ пострѣлений,
 Пріѣхаль до Кіева, наполю умерлый:
 Гдѣ розмайтыхъ лѣкарствъ долгій часъ заживаѣ,
 На докторы отъ Кроя самого кошть мѣваѣ.
 Бо ктожъ бы не збѣчиль былъ такому Гетману
 Здоровя, што вѣрце служилъ Ойчизнѣ и Пану,
 А кгда тылу лѣкарство цѣмъицѣ не помагало,
 И овшемъ въ болюшую го хоробу затягало:
 Почаѣ даѣй о душноомъ лѣкарствѣ мѣслити,
 Якъ бы отъ змазъ грѣховныхъ моглъ еи очістити,
 На которую плястры такіе прикладаѣ:
 Жаль и слезы гоицьи за грѣхи выливать,
 Ку смерти ся отъ килку недель готуючи,
 Сповѣдо и жалюстю грѣхи вестуючи.
 Тайну седмькротъ прицаѣ маслосвященія,
 Такъ тежъ тайны святого зъ нимъ причащенія,
 Маєтность свою роздаѣ, едину на шитаѣ,
 Другую зась на церкви, школы, монастырѣ.
 И такъ все спорядивши, живота доконаѣ,
 При церкви Братской честно въ Кіевъ похованѣ.
 Въ котрое ся Братство, зо всемъ Войскомъ вписалѣ,
 И на него ямужну значную отказалѣ.

Съ того Гетмана кождый Рѣцдеръ нехъ ся учѣтъ ,
 Якъ бы тыжь мѣлъ на свѣтъ тотъ животь свой кончить .
 Ото онъ въ Вѣрь свои Святой трвалъ статечне ,
 И ойчизны свои боронѣлъ тыжь менжне .
 И маестною добре своєю шафовалъ ,
 Не на костки, и карты, и збытки оберталъ ;
 Але, яко есь слышалъ, на речи добрыи ,
 Души его по смерти барзо потребныи .
 Видѣлъ онъ и Лвовское Братство, хотъ далеко ,
 Церковъ ихъ въ мѣсть надѣшилъ, неледажко :
 Суму значную грошій до Братства лекговалъ ,
 А же бы науки тамъ были, пише жадалъ .
 И такъ отъ всѣхъ повсюду богомолье маеть :
 За тымъ, нехъ душа его въ небѣ почиваетъ !

ПАМЯТЬ

О КУНТУШАХЪ И ШАПКЪ ,

ЖАЛОВАННЫХЪ ГЕТМАНИЧУ ЯКОВУ САМОЙЛОВИЧУ,
КЪ СВѢТЛОМУ ПРАЗДНИКУ 1679 ГОДА.

Лѣта 7187 г. Октября въ 5 день по Государеву Цареву и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца указу. Память дьяку Ѳеодору Максиму: въ нынѣшнемъ въ 187 г. Сентября въ 18 день, въ указъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца въ Новгородской Приказъ, изъ Приказу Малыя Росіи, за приписью дьяка Василья Бобинина, написано: Пожаловаль Великій Государь Гетмана Ивана Самойловича сына его Якова, велѣль ему дать своего Великаго Государя жалованья для Праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія, сдѣлавъ, платья: *Кунтышь* бархатной червчатой, мѣхъ соболей пучатой доброй, въ 25 рублевъ; а прикладу къ нему приложить: подпушить тотъ *Кунтышь* отласомъ, какимъ пристойно, положить кругомъ его снурокъ золотной, двадцать пугвиць съ искорки и съ финифтью. Да *исподней Кунтышь* отласу желтаго, подпушить краснымъ отласомъ, кругомъ его снурокъ серебряной, положить киндякомъ, тридцать пугвиць съ финифтомъ, золоченыхъ, къ рукавамъ два портища пугвиць золоченыхъ же, да положить кругомъ его голунъ золотной. И шить тѣ кунтыши и стегать шелкомъ. Да шапку сдѣлать бархатную жъ

съ соболемъ; соболь приложить въ два рубли съ полтиною. И о томъ его Великаго Государя указъ изъ Приказу Малыя Росіи въ Казенной Приказъ посланъ; а изъ Казеннаго Приказу въ Приказъ Малыя Росіи въ указъ Великаго Государя написано, что въ Казенномъ приказъ въ его Великаго Государя въ Казнѣ бархату червчатого и исподовъ собольихъ и отласу червчатого и желтаго и пугвиць и снурковъ серебряныхъ и голуновъ золотныхъ и денегъ нѣтъ. И по указу Великаго Государя, Гетмана Ивана Самойловича сыну его Іакову то платье велено искупить и сдѣлать по прежнему его Великаго Государя указу въ Казенномъ Приказъ, а денегъ на покупку того платья и на прикладъ, сколько доведетца дать, oprичъ исподовъ собольихъ, взять изъ Новгородскаго Приказу, и о томъ для вѣдома въ Новгородскій Приказъ отписать. И по Государеву Цареву и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца указу, дѣяку Ѳеодору Максиму учинить о томъ по указу Великаго Государя.

(Сообщено отъ *И. Е. Забѣлина*, въ копіи съ подлинника, писаннаго столбцомъ на 2 листкахъ.)

МАЛОРОССІЙСКИХЪ ГОРОДОВЪ.

=

Съ той поры, какъ неутомимый изыскатель Руской старины и народности издалъ свое примѣчательное изслѣдованіе о *лубочныхъ картинкахъ*, * на нихъ смотрю я съ бѣльшимъ противъ прежняго вниманіемъ. Въ самомъ дѣлѣ: любопытна эта, такъ сказать, *проба пера* Народнорускаго, гдѣ даровитый бородачъ, еще не покинувъ заветнаго круга своей *изустной словесности*, но уже помазавшись *грамотою*, начинаетъ быть *писателемъ*: тутъ онъ является вмѣстѣ и *изобразителемъ*. Ибо, какъ въ пѣснѣ его, и стихъ и напѣвъ родятся, можно сказать, близнецами; такъ и здѣсь: письмена у него неразлучны съ картинкою; и какой бы предметъ ни взялся онъ описать, у него всегда онъ выходитъ въ лицахъ. Безъ картинки не краснорѣчиво его писаніе, также какъ безъ краснаго словца не взрачна картинка его; а совмѣстно то и другое удовлетворяетъ и самого сочинителя, и многочисленныхъ его читателей и зрителей. —

Собирая разныя извѣстія о городахъ Южнорускихъ, (которыя, по мѣрѣ силъ, и передаю въ общую извѣстность, посредствомъ, *Кіевлянина* и другихъ изданій), я не лишнимъ почелъ приложить здѣсь *лубочныя изображенія пяти Малороссійскихъ городовъ*, для памяти о томъ: какіе именно города Малороссіи, подъ какими видами, и съ какими извѣстіями, издавна въ ходу у простонародья Великорускаго.

Передо мною теперь: «Описание славныхъ и великихъ правнѣціальныхъ градовъ Всероссійской Имперіи» — на лубочной картинѣ, изъ четырехъ склеенныхъ листовъ. Въ верхней полосѣ, посрединѣ двуглавый орелъ, съ Андреемъ первоизваннымъ на груди; съ правой стороны у него «*высокопрестоль-*

* См. о *Лубочныхъ картинкахъ Рускаго народа*, П. М. Снегирева. М. 1849. Ему же обязанъ я за сообщеніе мнѣ картины *Рускихъ градовъ*.

ный градъ *Москва*; съ лѣвой «царствующій *Санктъ-петербургъ* новопрестольная Россійская столица.»

Вторую полосу начинаетъ «Богохранимый славный градъ *Киевъ*, первопрестольная Россійская столица....» За тѣмъ «*Великий Носъ-Градъ* во странѣ полунощной надъ озеромъ *Ильмеромъ* надъ рѣкою *Вольховымъ*....» и т. д. Всѣхъ городовъ *пятьдесятъ*, съ краткимъ описаніемъ каждаго подъ изображеніемъ его.

Кромѣ *Кіева*, изъ Малороссійскихъ городовъ, помѣщены еще четыре, съ слѣдующими описаніями.

«Градъ *Черниговъ* также презрядный и великій при рѣкѣ *Деснѣ*, въ растояніи отъ *Москвы* чрезъ *Калугу* 640 верстъ. въ *Черниговской* епархіи соборовъ 10 церквей 500 монастырей и пустынь 20.»

«Градъ *Переясловль* чрезъ *Калугу* въ растояніи отъ *Москвы* 700 верстъ. Въ *Переясловской* епархіи 20 соборовъ, церквей 573, монастырей и пустынь 51.»

«Градъ *Глуховъ* также презрядный въ растояніи отъ *Москвы* чрезъ *Калугу* 560 верстъ.

«Градъ *Батуригъ* во странѣ *Черкаской* въ растояніи отъ *Москвы* чрезъ *Калугу* 660 верстъ.»

Внизу этой лубочной картины Рускихъ городовъ находится слѣдующая подпись.

«Буди же извесно, яко оныя грады и провинци кто присовокупилъ подъ *Московскую* протекцію. Понеже первый собиратель *Московскій* *Князь* *Иоаннъ* *Васильевичъ* *Великій*, и по истиннѣ великій, не словомъ но дѣломъ, и во разсыпанное отечество въ раздѣленіе дѣтей *Владимеровыхъ* воедино собралъ и паки утвердилъ честь имени своему и славу *Россійской* *Имперіи*, яже и нынѣ ея *Императорскаго* *Величества* *Елисаветъ* *Петровна* и *Самодержица* *Всероссійская* благополучнымъ здравіемъ и непремѣннымъ щастіемъ *Всероссійское* *Империю* славою и честію процѣтаетъ.

Любезнѣйшій мой читателю, буди о Бозѣ подражателю; кая намъ погрѣшенія, да молимъ о семь прощенія; самъ исправши любезно, дабы было всѣмъ намъ полезно.»

Послѣ этого, какъ же не простить нашему брадатому географу того, что онъ присвоилъ *Переяслави Рязанскому* исторію *Переяслава Рускаго* (такъ названъ Малороссійскій Переяславъ даже и въ извѣстномъ *Спискѣ Рускихъ городовъ*, составленномъ въ 15 вѣкѣ). У него читаемъ: «градъ *Переяславъ Рязанской* построениемъ великаго князя Владимера. Егда услыши Владимерь, яко Печенѣзи мнози собрашася при рецѣ Трубѣше, и прошаше у князя борца, неки мужъ отъ села Резани рече князю: Государь, сынъ у меня есть братися противъ Печенѣга. Князь же возвеселися, и призва борца. Борецъ же нача братися съ Печенѣгомъ и побѣди, и зубы отъ него съ кровию искорени, и душу отъ него истрясе. И того ради князь Владимерь нарече градъ Переяславъ Рязанскій, идѣже преславная побѣда содѣяшася.»

Подобныя перемѣщенія встрѣчаемъ и не на любочныхъ старинныхъ картахъ. Такъ на примѣръ, на картѣ въ знаменитой книгѣ Герберштейна *Rerum Moscoviticarum*, Десна вливается въ Днѣпръ не подь Кіевомъ, а подь Черкасами.

Да и въ новѣйшихъ ученыхъ разысканіяхъ о Рускихъ городахъ, случаются таковыя же перемѣщенія. Такъ на примѣръ, въ Московской *Книгѣ Большаго Чертежа*, исчисляются Надднѣпровскіе города, внизъ по Днѣпру: Кіевъ, Триполье, Витачевъ, Стайки, Иржищевъ, Ходоровъ, Терехтемировъ, Каневъ, Мошна, Черкасы, *Бобровица*.... Ясно, кажется, что это *Старая Бобровица* въ Кіевской губерніи; но издатель «Книги Большаго Чертежа» г. Спасскій, въ примѣчаніи 101-мъ, относить ее въ Херсонскую губернію, указывая на *Бобринецъ*! Далѣе въ Книгѣ: *Крыловъ, градъ Чигиринской*, «а выше Чигирина вверхъ по Тесмени 2 мили градъ *Медвѣдщина*». Ясно, кажется, что это *Медвѣдовка*, сосѣдка Чигирина; но г. Спасскій, въ примѣчаніи 103-мъ, указываетъ на *Медвѣдовку* въ Обоянскомъ уѣздѣ!.... И такъ, можно и здѣсь повторить къ читателю: «самъ исправши любезно, дабы было всѣмъ намъ полезно!»

БГОХРАНИМЫМ СЛАВНЫМ ГРАДЪ КНЕВЪ ПЕРЪБОПРЕСТОЛЬНАА РОССІНСКАА.
СТОЛНЦА ВНЕМЪЖЕ МНОЖЕСТВО ЧЕСНЫХЪ МАНАСТЫРЕН И СВЕТЫХЪ ЦЕРКВЕН
ШНЕГОЖЕ БЛГОДАТЬ БЖІА ВОСНЛАА БРОССІНСКЮ ЗЕМЛЮ ЧРЕЗЪ СТАГО АПО
СТОЛА АНДРЕА И СВАТАГО РАВНОАПОСТОЛЬНАГО БЕЛНКОГО КНАЗА ВЛАДІМЕ
РА ІЖЕ РОССІНСКІН НАРОДЪ СТЫМЪ КРЕЩЕНІЕМЪ ПРОСВЕТИТЬШНХЪ ІШТЪМЪ
ІДОЛОСЛУЖЕНІА ІХРНСТНАНЪСКОЙ КЪРЕ ШБРАТНВШНХЪ. БКНЕВСКОЙ ЕПАРХІИ
СОБОРОВЪ КЛ ЦРКВЕН АМГ МАНАСТЫРЕЙ ІПУСТЫНЬ МА БРАСТОА
ШМОСКЪВЫН ДОКНЕВА ЧРЕЗЪ КАЛЪГЪ Ц ВЪ БЕРСТЪ.

ГРАДЪ ЧЕРНІГОВЪ.

ГРАДЪ ПЕРЕЖСЛОВЪ.

ГРАДЪ ГЛУХОВЪ.

ГРАДЪ БАТЪРИНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П О Э Т Ъ .

Блаженъ , кому въ удѣль служенье
 Искусству — дали небеса ;
 Кому , чрезъ трудъ и откровенье ,
 Его доступны чудеса !
 Весь міръ въ немъ ясно отразится ,
 И все , чѣмъ душу міръ проникъ ,
 Въ огнь души преобразится
 И обрѣтетъ себѣ языкъ !

Трудись , поэтъ ! трудись келейно ,
 Исполнись вѣры и любви ,
 И совершай благоговѣйно
 Священнодѣйствія твои !

И день придетъ , еще далекий ,
 Когда они благословятъ
 Досуговъ праздныхъ длинный рядъ ,
 Твой тихій трудъ и одинокій ,
 И трезвость думъ , и чистоту
 Твоихъ возвышенныхъ созданій ,
 И благодать твоихъ страданій ,
 И бурь душевныхъ красоту !

1846 г. Мая 9.
 Калуга.

И. Аксаковъ.

О Т Д Ы Х Ъ.

Въ жизни путь предназначивъ себѣ,
 На него я безъ страха гляжу,
 И скупой покорившись судьбѣ,
 Твердо цѣль я простую слѣжу.

Много было вопросовъ въ груди,
 Всѣхъ смѣлыхъ порывовъ и грѣзъ,
 И надеждъ предо мной впереди,
 И ненужныхъ страданій и слезъ!

Всѣ мечты обличить я умѣлъ,
 Грѣзамъ не далъ себя обмануть,
 И понявъ ежедневный удѣлъ,
 Я побрелъ въ незаманчивый путь! . . .

Нынче цѣлый трудился я день;
 Утомленный, сижу безъ огня;
 И покой и законная лѣнь
 Сладкой нѣгой объѣли меня.

Тихо. Ночь. На просторъ голубой
 Изъ за тучъ вышльиваетъ луна:
 Бѣлый свѣтъ пробѣжить полосой,
 Въ тучи снова уходитъ она.

И смѣнило заботливый шумъ
 Безпокойной дневной суеты —
 Время стройныхъ и медленныхъ думъ,
 Время легкихъ видѣній мечты. . .

Все, что въ сердцѣ давно улеглось,
 Чтò таила души тишина,
 Все внезапно съ глубины поднялось,
 Всколебалось до самаго дна!

Всѣ вопросы моей старины,
 Неоконченныхъ пѣсенъ слова,
 Всѣ мои позабытые сны,
 Всѣ забытыя жизни права!

Стань думъ поднимая собой,
 Шепчетъ голосъ лукавый въ тиши,
 И слабѣють — трудомъ и борьбой
 Напряженные силы души. . .

О, вернись, утомительный день!
 Пристыди малодушную нѣчь,
 Яркимъ свѣтомъ природу одень,
 Отгони все невѣрное прочь!

Снова жизнь, безъ прикрасъ и затѣй,
 Въ ежедневныхъ размѣрахъ яви,
 И насмѣшкою бодрой разсѣй
 Полуночныя грѣзы мои! . . .

1848 г.

И. Аксаковъ.

МОЕЙ ЗЕМЛЯЧКѢ.

Вдали отъ солнца и природы,
 Вдали отъ свѣта и искусства,
 Вдали отъ жизни и любви,
 Мелькнуть твои молодые годы,
 Живыя помертвѣють чувства,
 Мечты развѣются твои.

И жизнь твоя пройдетъ незримо,
 Въ краю безплодномъ, безымянномъ,
 На незамѣченной землѣ,
 Какъ исчезаетъ облакъ дыма
 На небѣ тускломъ и туманномъ
 Въ осенней безпредѣльной мглѣ . . .

Г Р О З А .

Не охотно и не смѣло
Солнце смотритъ на поля;
Чу, за тучей прогремѣло,
Прishaхмурилась земля.

Вѣтра теплаго порывы,
Дальнѣй громъ, и дождь порой:
Зеленѣющія нивы
Зеленѣе подъ грозой.

Вотъ пробилась изъ за тучи
Синей молніи струя,
Пламень бѣлый и летучій
Окаймилъ ея края.

Чаще капли дождевыя,
Вихремъ пыль летитъ съ полей,
И раскаты громовые
Все сердитѣй и смѣлѣй.

Солнце разъ еще взглянуло
Изъ подлѣбья на поля,
И въ сѣнь потонула
Вся смущенная земля.

* * *

ЧЕГО ПРОСИТЬ?

Чего просить? — Не знаю самъ,
Когда взываю къ небесамъ,
Одно могу я только смѣть:
Стоять, немѣть, благоговѣть. . . .

КЪ ПОМПЕЙСКОЙ ЛАМПАДКѢ.

Отъ грозныхъ бурь, отъ бѣдствій края,
Отъ безопадности вѣковъ,
Тебя, лампадка простая,
Сберегъ твой пепельный покровъ.

Стоишь, кладъ скромный и завѣтный,
Краснорѣчиво предо мной,
Ты, странный, двадцатисотлѣтний
Свидѣтель брѣнности земной!

Свѣтиль въ Помпѣй лучъ твой блѣдный,
Съ уютной полки, въ тихій часъ;
И надъ язычницею бѣдной
Сіяль, быть можетъ, онъ не разъ —

Когда одна, съ улыбкой нежной,
Съ слезой сердечной полноты,
Она души своей мятежной
Ласкала тайныя мечты.

И въ измѣнившейся вселенной,
Въ перерожденьи всѣхъ началъ,
Одинъ лишь, съ силой неизмѣнной,
Законъ безсмертный устоялъ.

И можешь ты, остатокъ хлипкой
Былыхъ временъ, теперь опять
Сіять надъ тою же улыбкой,
И тѣ же слезы озарять.

Февраль, 1850.

К. Павлова.

А Н Г Е Л У.

Ты мнѣ сказалъ: „я не покину
 „Тебя среди земныхъ сѣтей!“
 За чѣмъ-же, Ангелъ мой, тамъ, вышу,
 (Какъ стражи - Ангелы дѣтей)
 Ты не стоишь предъ Божимъ трономъ?
 Тогдабъ мнѣ, чтò гроза судьбы? . . .
 Тогдабъ, съ моимъ сердечнымъ стономъ,
 Ты принималъ мои мольбы
 И прямо-бъ отдавалъ ихъ Богу.
 Теперь же, въ грустную дорогу,
 Идешь ты, объ руку со мной;
 Нашъ общій путь темнѣе ночи;
 И ты, съ тоской, сафирны очи
 Возводишь часто въ край родной.
 За чѣмъ же крылья золотыя
 Не обратишь ты къ высотъ?
 Лети! . . . Оттолъ мольбы святыя
 Свѣтить мнѣ стануть въ темнотѣ . . .

„Я радъ! Но тщетны все усилъя,
 „Не долечу къ Творцу міровъ:
 „На эти золотыя крылья
 „Навѣсилъ много ты грѣховъ!“ . .

Ө. Глинка.

АЛЕКСАНДРІЙСКІЯ НОЧИ. *

1.

Съ годъ времени прошло съ тѣхъ поръ ;
 Какъ, возвратясь съ Саидскихъ горъ ,
 Гостиль у Лелія Арета
 И новой жизнью жилъ для свѣта.
 У Калимаха родилось
 Дитя ; и много собралось
 Къ нему гостей , всё христіане.
 У всѣхъ восторга полонъ взоръ ;
 Задумчивъ только Полидоръ ,
 Какъ мѣсяць осенью въ туманъ.

Ужь было за-полночь давно ;
 На вечери благочестивой ,
 За снѣдію неприхотливой ,
 Неприхотливое вино
 Гостей въ бокалахъ обходилю ;
 Оно , струяся изъ амфоръ
 И оживляя разговоръ ,
 Воспоминанія будило.

Была минута тишины , —
 Какъ будто Ангелъ надъ гостями ;
 Жилецъ надзвѣздной вышины ,
 Ширяясь легкими крылами ,
 На всѣхъ безмолвіе навелъ , —
 И каждый про себя прочелъ
 Молитву.

„Мы , друзья , такъ сладко
 И день и вечеръ провели ,
 И ночь застала насъ украдкой . . .

* Александрійскія Ночи составляютъ продолженіе „Ареты , Сказанія изъ временъ Марка Аврелія“ , напечатаннаго въ прошломъ 1849-мъ году. Предлагаемый отрывокъ служить вступленіемъ въ „Александрійскія Ночи.“ Лица , встрѣчающіеся въ этомъ отрывкѣ , взяты изъ Ареты.

Дай Богъ , чтобъ новый гость земли ,
 Безпечно спящій въ колыбели ,
 Такъ счастливъ былъ всю жизнь , какъ мы
 Въ сей день , — пріявъ отъ струй купели
 И свободивъ его отъ тьмы ,
 Все счастливы!« сказалъ Арета.

„И будетъ , если не отъ свѣта
 Онъ станетъ счастья ожидать ,
 И , вѣрный своему обѣту ,
 Возлежать въ сердце благодать!«
 Прервалъ Аполлодоръ Арету.

„Да , другъ ! но мѣръ . . . онъ такъ лукавъ ,
 Такъ обольстительно заманивъ ,
 Что , въ ложь насъ своею занячивъ ,
 Заговоривъ и закачавъ ,
 И духъ убьетъ и плоть изнежить ,
 И съ злобной радостью нарежетъ
 Клеймо проклятья на чель . . .
 Ты знаешь : мѣръ лежитъ во злѣ.“

„Да ! это истина святая ,
 Ее изрекъ Евангеліе . . .
 И кто изъ чадъ земнаго края
 Отъ обольщеній міра чистъ?
 Не все ли , болѣе или менѣ ,
 Предъ Богомъ грѣшны мы въ измѣнѣ ? —

„Все до единого ! предъ Нимъ ,
 Неизмѣяемо Святымъ ,
 И небо самое не чисто . . .

Луна и солнца свѣтъ огнистой
 Имѣютъ пятна , — какъ же намъ
 Быть не причастными грѣхамъ ?
 А гдѣ грѣхи , тамъ , другъ мой , счастья
 Напрасно будемъ ожидать.“

„А почемужъ ? Умъй пристрастыя
 Облагородить , усмиривъ

Страстей порывъ , и ты — счастливъ ,
 Какъ только можно быть счастливымъ .
 Пришельцамъ міра сиротливимъ . . .
 Конечно , міръ лежитъ во злѣ ,
 И — нѣтъ блаженства на землѣ ;
 Но въ счастьи не отказали
 И ей благія Небеса .

„Но это счастье — роса :
 Пока еще не возсіяли
 Свѣтила дневнаго лучи ,
 Пока все мирно спитъ въ ночи ,
 Она прохладой поле нѣжитъ ;
 Но только дневный свѣтъ забрезжетъ ,
 И — вновь налегъ на поле зной.“

„Все , другъ , идетъ своей чредой ;
 Одинъ Господь есть совершенство .
 Не неизмѣнчиво блаженство
 И тамъ , въ святой небесъ дали .
 Чтожъ наше счастье на земнѣ?“

„Ты правъ , другъ ; этой переменой
 Блаженство въ небесахъ такъ цѣнно ;
 Она — въ картинѣ свѣтлѣтень .
 Такъ на землѣ за утромъ — день ,
 За днемъ вслѣдъ — полдень наступаетъ ,
 За полднемъ — вечеръ ; минетъ онъ —
 И ночь взойдетъ на небосклонъ . . .
 На небѣ ночи не бываетъ .
 Такъ лѣто сходить за весной ,
 За лѣтомъ — осень ; осень минетъ —
 Зима угрюмая накинеть
 На земно саванъ гробовой . . .
 На небѣ про зиму не слышно .
 На небѣ вѣчная весна
 Цвѣтетъ красой роскошной , пышной ;
 Тамъ дня и года времена

Неровностью расположенья
 Душевного замѣнены . . .
 Земля и небо сдружены;
 Межь ними есть соотношенья
 Какъ между тѣломъ и душой . . .
 Но поздно; время на покой!“

„Не торопись — промолвилъ Лелій —
 Еще минуто, не спиши;
 Начавъ, мы кончить не успѣли
 Бесѣды сладкой для души.
 Ты, знаю, былъ въ предѣлахъ Рая,
 Онъ для тебя — страна родная.
 Перескажи, Арета, намъ,
 Что видѣлъ ты, что слышалъ тамъ!“

„Нѣтъ, другъ мой, прежде солнце встанетъ
 И вызоветъ на землю день,
 И ночь на мѣръ наброситъ тѣнь,
 И новый съ неба день проглянетъ,
 Чѣмъ, тайны преломивъ печать,
 Успѣю вамъ пересказать
 Мои загробныя видѣнья.
 Я расскажу ихъ, но — терпѣнья!
 Давно пробилъ полночный часъ,
 Давно ждетъ сонъ меня и васъ.“

Арета смолкъ, и на прощанье,
 Далъ братское гостямъ лобзанье.

2.

Давно обмеркли небеса!
 Занскрились златыя звезды;
 Пернатые укрылись въ гнѣзды;
 И животворная роса
 Прохладой нивы напоила.
 Надъ сонными водами Нила
 Полупрозрачной пеленой

Туманъ раскинулся съдой.

Все спитъ, — не спятъ одни лишь люди;

Страстьми взволнованныя груди

И въ ночь уснуть имъ не даютъ. . .

И воля, окончивъ дневный трудъ ,

Идетъ съ усталымъ плугомъ съ пашни

На отдыхъ , подъ наметъ домашній ;

И мирно въ кочкѣ спитъ своей

Неутомимый муравей ,

До утра отложивъ заботы ;

И, цѣлый день въ златые соты

Носившая душистый медъ ,

Пчела въ ячейкѣ спитъ безопасно ,

Пока денница не взойдетъ. . .

А человекъ , страдалецъ вѣчной ,

Подъ бременемъ житейскихъ нуждъ ,

И въ день и въ ночь покоя чуждъ.

Нѣтъ нуждъ , — онъ самъ ихъ созидаетъ ,

Самъ алтари имъ воздвигаетъ ,

И, все, что лучшаго здѣсь есть :

Сокровища ума, познанья ,

Невинность сердца , совесть , честь , —

Все, все, что здѣсь , въ странѣ изгнанья ,

Мы по тернистому пути

Сбираемъ, чтобъ съ собой снести

Туда, въ страну родную, —

Все, все, какъ дань заповѣдную ,

Святую дань, на жертву имъ ,

Кумирамъ, прихотью слитымъ ,

Съ мольбою пламенной приносимъ

И — счастья въ замѣну просимъ ;

И счастья не дадутъ онъ ,

Всѣ эти созданныя нужды ,

Когда самихъ себя мы чужды ;

Оно — въ сердечной глубинѣ . . .

Оно не все́мъ дано на долю:
 Очисти помыслы и волю,
 Какъ Божій храмъ, ихъ освяти,
 И, по какому бы пути
 Ни шелъ ты, — счастье съ тобою.
 Не мысли наравнѣ съ толпою,
 Не слѣдуй ей въ пути земномъ;
 Она разсыпанія жаждетъ,
 Въ шуму забудется, какъ сномъ;
 Но стихнетъ шумъ, и — снова страждетъ.

Земля пріютъ нашъ временной;
 Не долго здѣсь намъ жить, не вѣчно;
 Но, обольщенные землѣй,
 Пируемъ мы на ней безопасно,
 Пока послѣдній, смертный часъ
 Не позоветъ отсюда насъ.

Мы *здѣсь* гостимъ, не помышляя,
 Что *тамъ* насъ ждетъ — блаженство ль рай,
 Иль муки ада . . . Кто изъ насъ
 Въ недѣлю, въ мѣсяцъ, въ годъ, хоть разъ
 Судьбой загробною займетсѣ
 И думой съ вѣчностью сольетсѣ?

Тѣ-ль было въ прежнія вѣка,
 Когда ученіе Христово —
 Его Божественное Слово —
 Разлившись всюду какъ рѣка,
 Такъ благотворно напояло
 Благочестивыя сердца
 Дѣтей Небеснаго Отца?
 Тогда, собравшись бывало,
 Они до полночи глухой
 Бесѣдуютъ между собой.
 Не разъ въ бесѣды ихъ входило
 И тѣ, что ждетъ насъ за могилой.

Давно обмеркли небеса,
И, какъ жилецъ другаго свѣта,
Давно межъ христіанъ Арета
Разоблачаетъ чудеса,
Какихъ здѣсь, отъ небесъ далѣко,
Не слышитъ слухъ, не видитъ око.

Райль.

БЛАГОДАРЕНІЕ.

Благодарю Тебя, за небо голубое,
За солнца свѣтъ, за теплоту,
За все, чтó даль прекрасное, земное,
Чтобы сносить мнѣ жизни тяготу.
За изумрудъ полей, цвѣтовъ благоуханье,
За кроткое мерцаніе луны
И за прохладное ночей дыханье,
За юности безпечной сны!....
Они прошли — о нихъ я не жалю....
Теперь я чище и свѣтлѣй:
Хоть межъ людей душою холодною,
Но вѣрою къ Тебѣ она теплѣй!....

31-го Мая, 1847 г.

Авдотья Глинка.

ЖИЗНЬ.

Пускай о юности другіе вспоминають:
 Я не былъ юношей, я радостей не зналъ;
 Пускай другихъ сны прошлаго плѣняютъ:
 Къ устамъ не подносилъ я радостей фіалъ!
 Мое младенчество — болѣзненно, уныло,
 Какъ сонъ безъ грѣзъ, мелькнуло навсегда;
 Не зналъ я дѣтскихъ игръ; страдалецъ хилый,
 Я росъ безъ сверстниковъ, и развѣ иногда
 Видалъ зеленый лугъ, украшенный цвѣтами;
 Но дѣтскій голось мой на немъ не слышанъ былъ,
 Я не игралъ на немъ, рѣзвяся съ мотыльками . . .
 И сталъ я *отрокомъ* — и пуще пріунылъ:
 Ълъ хлѣбъ чужой, мнѣ данный изъ презрѣнья,
 Не зналъ я ласкъ отца, не цѣловала мать;
 Мой не встречался взоръ со взоромъ умиленья;
 И вотъ, я *юноша* — и больше сталъ страдать.
 Душа моя алкала наслажденій,
 Я трепеталъ при имени любви;
 Мнѣ звуки страстные нашептывалъ мой геній,
 И пламень клекоталъ въ взволнованной крови . . .
 Надежды тщетныя: увы! обмануть ими,
 Измучень, утомлень и тѣломъ и душой,
 Какъ старецъ, я стою межъ грѣзами моими,
 Средь степи бытія, развалиной живой!

М. Лихонинъ.

НАЧАЛО IV ГЛАВЫ ЧАЛЬДЪ-ГАРОЛЬДА

(Переводъ съ Англійскаго.)

Въ Венеціи мостьъ вздоховъ подо мною;
 Стою я межъ темницей и дворцомъ;
 Градь высится, сіяя, надъ волною,
 Какъ поднятый волшебника жезломъ.
 Здѣсь шли вѣка, и озаряетъ слава
 Тѣхъ чудныхъ дней бывшаго торжества,
 Гдѣ каждая окрестная держава
 Крылатаго еще страшилась льва,
 И воцарясь, усълась величаво
 Венеція на эти острова.

Какъ нѣкая надводная Цибела
 Она, въ тіарѣ каменной своей,
 Красуется, торжественно и смѣло,
 Давнишняя владычица морей.
 Была пора: для дочерей собирала
 Приданое она со всей земли;
 Восточные края, какъ дань вассала,
 Къ ея ногамъ сокровища несли,
 И пиршество ея дѣлать, бывало,
 Могучіе гордились короли.

Не слышны въ ней теперь октавы Тасса,
 Безмолвствуютъ въ гондалахъ ихъ гребцы,
 Стальъ рѣдокъ звукъ плѣнительнаго гласа,
 И рушатся пустынные дворцы!
 Но здѣсь, хоть все покинуто и сиро,
 Прелестно все. Въ природѣ нѣтъ утратъ,
 Нѣтъ гибели; и рядить, какъ для шира,
 Она досель возлюбленный свой градъ,
 Приютъ родной увеселеній міра,
 Итали блестащій маскарадъ.

Но манить насъ онъ славой непреложной,
 Другой чѣмъ рядъ тѣхъ доблестныхъ тѣсей,
 Которыя, въ Венеціи бездожной,
 Еще грустятъ о силѣ прежнихъ дней.
 Не нашему трофею лечь въ забвенья!
 Нѣтъ! времени не ведая обидъ,
 Переживетъ Ріальта онъ паденье;
 Шейлокъ и Мавръ прочіе, чѣмъ гранить;
 Какое-бъ здѣсь ни было разрушенье,
 Пустынно намъ ихъ образъ оживить.

Не праху подлежатъ души созданыя;
 Безсмертныя, вносясь надъ суетой,
 Въ насъ лучшаго они существованья
 Вселятъ мечту, и вложить лучъ святой.
 И эта жизнь роскошная, другая,
 Чѣмъ вялый быть въ плѣну земной тюрьмы,
 Существенность призракомъ замѣняя,
 Украсить все, что ненавидимъ мы,
 И блескъ внести и ароматы Мая
 Въ нѣмой предѣлъ безплюдности и тьмы —

И въ юности взыскательной и смѣлой
 Влечетъ насъ въ міръ счастливыхъ небывлицъ,
 И въ старости пустой и обѣдильной
 Порывъ души: — и много имъ страницъ
 Наполнилось; — наполнилась и эта.
 Но образы бывають, ихъ черты
 Существенный волшебныхъ грѣзъ поэта,
 Полный живой и дивной красоты,
 Чѣмъ все того несбыточнаго свѣта
 Блестящія и странныя мечты.

Зналъ, во снѣ или на яву, порою
 Тѣ образы я въ дняхъ моей весны;
 Миръ имъ! — они явились предо мною
 Какъ истина, и унеслись какъ снѣ.

Чтобъ ни были: теперь они мнѣ тѣни.
 Ихъ замѣнить я могъ бы.... помошь умъ
 Еще досель мной встрѣченныхъ видѣній;
 Пусть пропадутъ! стыдятся этихъ думъ
 Разсудокъ мой. Другихъ жду впечатлѣній,
 И голосовъ другихъ я слышу шумъ.

Сталь сроденъ мнѣ языкъ иноплемennyй,
 Въ толпѣ чужой я не слышу чужимъ;
 Вездѣ въ насъ духъ хранится неизмѣнный,
 И самъ онъ свой. Убѣжищемъ роднымъ
 Могла-бъ страна мнѣ сдѣлаться иная,
 И людной, да, или безлюдной брегъ:
 Хоть я и сынъ прославленнаго края,
 Гдѣ быть рожденъ гордиться человекъ;
 И мудрости отчизну покидая,
 Въ чужой предѣлъ коль перешелъ на вѣкъ, —

Люблю ее я, можетъ, и понынь;
 И еслибъ духъ безплотный могъ избрать
 Себя приютъ, — сложивъ свой прахъ въ чужбинѣ,
 Къ своей землѣ вернулся-бъ я опять.
 Хотѣлъ бы я, когда промчатся годы,
 Помянуть бытъ на языкъ родномъ.
 А если нѣтъ, — и мнѣ лишь славы восходы
 Вдругъ поднялись, чтобы пропасть потомъ,
 И межъ именъ, которыхъ чтутъ народы,
 Не вспомнится объ имени моемъ

Пусть такъ! — и лавръ, другихъ чело вѣнчая,
 Пусть лучшее украсить торжество!
 Спартаца будь мнѣ надпись гробовая:
 „Спартацы есть похвальныя его!“
 Не сродно мнѣ, пока людское племя;
 Не проситъ умъ сочувствій, и не ждетъ.
 Растилъ я тернъ; взошелъ въ свое онъ время,
 И исколѣтъ и кровь моя течетъ

Я могъ бы знать , бросая это сѣмя ,
Какой съ него собрать придется плодъ .

—

Не потому , чтобы боялся боли ,
Самъ о себѣ заговорилъ я вслухъ .
Кто зрѣлъ во мнѣ , средь мукъ , упадокъ воли ?
Когда слабѣлъ отъ судорогъ мой духъ ?
Но мѣсто дамъ я грозному укору ,
И вѣтръ небесъ не унесетъ его !
Слова мои въ свою свершатся пору ;
И въ гробъ сходя , земное существо ,
Я на главу людей взвано , какъ гору ,
Мечь тяжкую проклятья моего....

Мечь моего прощенія ! Не я ли —
Будь , небо , ты , земля , родная мать !
Будь ты судьей ! — не я-ль , кого такъ гнали ,
Довольно снесъ , чтобъ нынѣ смѣть прощать ?
Не свергли-ль въ прахъ , ругаясь надо мною ,
Они мои надежды и права ?
Не жизни-ль жизнь , въ борьбѣ съ ихъ клеветою ,
Утратилъ я ? и устоялъ едва , —
Лишь потому , что сотворень судьбою
Не весь изъ ихъ гнилаго вещества !....

1850 г.

К. Павлова.

=

КЪ ЗВѢЗДѢ.

Изумрудомъ загорѣлась,
 Ты звезда, во тьмѣ ночной:
 Мнѣ желалось, мнѣ хотѣлось
 Сердцемъ сблизится съ тобой —
 Не за то, что такъ играешь,
 Надъ Петрополемъ живымъ;
 Не за то, что освѣщаешь
 И суеть и славы дымъ;
 Но за то, что, всё лучистой,
 Ты горишь лампадой чистой,
 Предъ Создателемъ своимъ! . . .

1849. Спб.

Авдотья Глинка.

=

СКАЗКА.

Она полюбила *его* не за громкое, древнее имя, —
 Простаго *онъ* рода, не виднаго званія былъ.
Она полюбила *его* не за славу его молодую, —
Онъ славы тернистымъ лучемъ чела своего не повилъ.
Она полюбила *его* не за чудныя, страстныя пѣсни, —
Онъ пѣсней не пѣлъ ей; *онъ* былъ не поэтъ, не пѣвецъ.
Она полюбила *его* не за смѣлую удаль героя, —
 Не зналъ про геройство въ бояхъ небывальтй боецъ.
Она полюбила *его* не за статность красы величавой,
 За очи, улыбку, иль шелкъ мягкихъ кудрей *его*:
 Нѣтъ! *онъ* не хорошъ и не милъ; не высокъ, не красивъ,
 и не строень;
 Нѣтъ! женское око стыдливо не станетъ глядѣть на него:

Она полюбила его и безумно, и страстно, и нежно,
 За то, что онъ страстно, глубоко, безмолвно ее полюбилъ;
 За то, что ее лишь одну въ цѣломъ мѣрѣ онъ видѣлъ и слышалъ;
 Что ею, для ней и при ней, онъ восторженный только и жилъ!
 Она полюбила его, потому, что всю душу, все мысли,
 Все думы, мечты и желанья, безъ страха все отдалъ онъ ей!..
 Она полюбила его, потому, что она не могла-бы
 Его не любить и такъ Богомъ съ небесъ ужъ назна-
 чено ей!

А тайно дивясь двумъ любившимъ, съ улыбкой холодной
 сомнѣнья,
 Сестра молодая смотрѣла на эту святую любовь;
 И страненъ и глупъ ихъ союзъ красавицы гордой казался;
 И бѣлые плечи вздымались, и черная хмурилась бровь!....

Графиня Ростопчина.

Москва, 21 Февраля, 1850 г.

ОСЕННЕЕ НЕНАСТЬЕ.

O primavera! gioventù dell' anno!.....
O gioventù primavera della vita!.....

Сегодня тучами одѣлся день
 Слутра, и не снималъ печальной ризы;
 А солнце, полънясь, дремало гдѣ-то,
 Забывъ къ намъ выглянуть. Сырая осень
 Природу обдала печальнымъ хладомъ,
 Навѣяла на душу скорбь и скуку.
 И вспомнилося мнѣ: еще недавно
 Я видѣла весеннее ненастье,
 Грозу и дождь; но тотчасъ послѣ нихъ
 Явилось солнышко межъ облаковъ,

Гуляющих по небу голубому,
 Святилось и грело и сіяло —
 Так точно, какъ улыбки примиренья
 Между друзьями, послѣ краткой ссоры ...
 И вся природа сквозь кристальныхъ капель
 Прошедшаго дождя блистала чудно,
 Казалось, еще прекрасный — словно
 Красавица, когда младое горе
 Въ ней новая надежда усыпить,
 И разцвететъ веселая улыбка
 На миломъ личикъ, межъ слезъ жемчужныхъ....
 И что оно, то горе юныхъ лѣтъ —
 Неопытныхъ сердець недугъ мгновенный,
 Забытое такъ скоро, такъ легко,
 Смѣненное такъ часто упованьемъ?....
 И что оно, — гроза и непогода
 Весеннихъ дней, — минутное явленіе,
 Разсыпанное вмигъ дыханьемъ юга,
 Иль солнечнымъ живительнымъ лучемъ?....
 И жизнь и день свѣтлѣють послѣ нихъ,
 И снова Божій міръ отрады полною!

Но осенью ... За днемъ ненастнымъ вслѣдъ
 Дни бурные, дни зимніе придуть....
 Но подъ вечеръ страдальческаго вѣка,
 Когда бѣдна надеждами душа,
 Когда борьба и опытъ многолѣтній
 Созрѣвшій умъ сомнѣнью научили;
 Когда за нами — все, что было мило,
 Что нравилось, что радовало насъ;
 А впереди — лишь только сѣдина,
 Да старость дряхлая, да тѣсный гробъ:
 О! вотъ тогда, тогда ужасно горе!....
 Тогда его вся горечь познается!
 Тогда оно и губить и мертвить —

Мертвить не вдругъ, не смертию благодатной,
 А медленной, сжигающей, грызущей
 Отравою и немочью. . . . И вянуть,
 И сохнуть или таетъ человекъ,
 Подточенный страданьями. . . . а люди —
 А люди скажутъ холодно: «простуда,
 »Неосторожность, усталъ . . . отъ веселья
 »Излишняго, быть можетъ. . . .» и пройдутъ.
 Въ лѣсу, по крайней мѣрѣ, если буря
 И ломить и разить деревъ вершины,
 Облещиваетъ ихъ рукою нещадной,
 То все они равно поражены,
 И нѣкому ругаться надъ страданьемъ!
 Но зверь внизу и птица въ высоту,
 По-своему, безъ словъ, о нихъ жалбуютъ;
 И знаетъ тварь, и чувствуетъ созданье,
 Что минеть срокъ и бурь и непогодъ,
 Что снова Божье око взглянетъ кротко
 На нихъ; что ихъ помиуетъ Творецъ,
 И снова дастъ имъ ведро, солнце, зелень;
 И что весна замѣнитъ осень имъ.
 Но жизни человѣческой, но сердцу,
 Когда для нихъ ужъ осень наступила:
 Вновь зацвѣтетъ, вновь придетъ-ли весна?

Графиня Ростопчина.

Село Вороново, Сентябрь, 1848.

КЪ Н. Н.

Свой строгій судъ остановивъ,
 Сдержавъ готовые укоры,
 Гордыню духа усмиривъ,
 Вперявъ внимательные взоры
 Въ чужую душу полюби:
 И въ каждой, презрѣнной и пошлой,
 Въ ея невѣдомой глуби,
 И въ каждой молодости прошлой,
 Отщещь много струнъ живыхъ,
 Мгновеній чистыхъ и прекрасныхъ,
 Порывовъ доблестныхъ и страстныхъ,
 И поэтически - святыхъ!

Благія въ жизни времена
 На долю каждому даются,
 Когда душа его сильна
 Добра взлѣлять сѣмена,
 И свѣтлымъ роемъ грѣзы выются;
 И рвется сердцемъ къ красотѣ,
 И славу онъ и доблесть любить, —
 Пока въ житейской суетѣ
 Себя напрасно не погубить;
 И постепенно, день за день,
 Окаменѣть онъ льниво....
 Бери-жъ надежное огниво,
 Ударь въ безчувственный кремень!....

Да не смутить же соръ и хламъ,
 На сердце жизнью наносимый,
 Твоихъ очей! пусть смѣло тамъ
 Они провидятъ мѣръ незримый.

Любовью светлою дыша,
 Вглядись въ него: и предъ очами
 Предстанеть каждая душа,
 Съ своими вѣчными правами.
 Повѣрь: нетлѣнной красоты
 Душа не губить безъ возврата;
 И въ каждомъ ты посылшишь брата,
 И божество признаешь ты!...

1847 г.

И. Аксаковъ.

ТРИ ДУШИ. *

Но грустно думать, что напрасно
 Была намъ молодость дана.

Пушкинъ.

Въ нашъ вѣкъ томительнаго знанья,
 Корыстныхъ дѣлъ,
 Шли три души на испытанья
 Въ земной предѣль.

И имъ рекла Господня воля:
 «Въ чужбинѣ той
 Иная каждой будетъ доля,
 И судъ иной.

Мощь вдохновенія святаго
 Даю я вамъ,
 Восторгамъ вашимъ будетъ слово,
 И власть мечтамъ.

Младую грудь наполни каждой
 Въ краю земномъ
 Понятъемъ правды, чистой жаждой,
 Живымъ лучемъ.

* Это стихотвореніе относится къ тремъ женщинамъ - поетамъ, родившимся въ одинъ и тотъ-же годъ.

И если духъ падеть лѣнивый
 Въ мірскомъ бою,
 Да не винить вашъ ропотъ лживый
 Любовь мою!»

И на завѣтное призвање
 Тогда сошли
 Три женскія души, въ изгнанье
 На путь земли.

Одной изъ нихъ судило Провидѣнье
 Впервыя тамъ увидѣть дольний міръ,
 Гдѣ воцарясь, земное просвѣщенье
 Устроило свой Валтазарскій пиръ.
 Ей палъ удѣлъ: познать неволи свѣтской
 Всю лютую и пагубную власть,
 Ей съ первыхъ лѣтъ вельми стихъ свой дѣтской
 Къ ногамъ толпы смиренной даждью класть;
 Свои нести моленія и пени
 Въ житейскій гулъ, на площадь людныхъ залъ,
 Потѣхою служить холодной лѣни,
 Быть жертвою безсмысленныхъ похвалъ.
 И съ пошлостью привычной, безотлучной,
 Сроднилася и ужлася она;
 Завѣтный даръ ей сталъ гремушкой звучной,
 Заглохли въ ней святыя сѣмена;
 О дняхъ благихъ, о прежней ясной думѣ
 Она теперь не помнитъ и во снѣ,
 И тратитъ жизнь въ безумномъ свѣтскомъ шумѣ,
 Своей судьбой довольная вполне!

Другую бросилъ Богъ далеко,
 Въ Американскіе лѣса;
 Вельмѣ ей слушать одиноко
 Пустьшь святые голоса;

Вельмъ бороться ей съ нуждою,
 Противодѣйствовать судьбѣ;
 Все отгадать самой собою,
 Все заключить въ самой себѣ;
 Въ груди, непытанной страданьемъ,
 Хранить восторга оиміамъ;
 Быть вѣрной тщетнымъ упованьямъ
 И неисполненнымъ мечтамъ.
 И съ даннымъ ей тяжелымъ благомъ
 Она пошла, какъ Богъ судилъ,
 Безстрашной волей, твердымъ шагомъ,
 До истощенья юныхъ силъ.
 И съ высоты, какъ Ангелъ вѣры,
 Сіяеть въ сумракъ ночномъ
 Звѣзда не нашей полусферы
 Надъ гробовымъ ея крестомъ.

Третья — благостию Бога
 Ей указанъ мирный путь;
 Свѣтлыхъ думъ ей было много
 Вложено въ младую грудь.
 Сны въ ней гордые ясныи,
 Пѣлись пѣсни безъ числа;
 И любовь ей съ колыбелю
 Стражей вѣрною была.
 Всѣ даны ей упоенья,
 Блага всѣ даны сполна:
 Жизни внутренней движенія,
 Жизни вѣншей тишина.
 И въ душѣ, созрѣлой нынѣ,
 Грустный слышится вопросъ:
 Въ лучшей вѣка половинѣ,
 Что ей въ мѣрѣ удалось?
 Что смогла восторга сила?
 Что сказали души языкъ?

Что любовь ея свершила,
 И порывъ чего достигъ?
 Съ прошлостью, погибшей даромъ,
 Съ грозной тайной впереди,
 Съ бесполезнымъ сердца жаромъ,
 Съ волей праздною въ груди,
 Съ грёзой тщетной и упорной,
 Можетъ, лучше было ей
 Обезуметь въ жизни вздорной,
 Или угаснуть средь степей....

Ноября, 1845 г.

К. Павлова.

ДУМА.

Я снова здѣсь, подъ сѣнью крова,
 Гдѣ знала столько тихихъ грёзъ;
 И шопотъ слушаю я снова
 Знакомыхъ кедровъ и березъ;
 И, какъ прошедшею весною,
 Несутся вновь издалека
 Надъ ихъ зыбучей головою
 За облаками облака.

И вы опять несетесь мимо,
 О тѣни лучшихъ сновъ моихъ!
 Опять въ уста неотразимо
 Играющій ложится стихъ;
 Опять утихнувшихъ волнений
 Струя живая бьетъ въ груди,
 И много думъ и вдохновеній,
 И много пѣсней впереди!....

Свершу ли ихъ? пойду ли смѣло,
 Куда мнѣ Богъ судилъ идти?
 Увы! окрестность опустѣла,
 Отзывы смолкли на пути.
 Не во время стиховъ причуда,
 Исчезъ Поэтовъ хороводъ,
 И вѣтеръ буйный шоткуда
 Волшебныхъ звуковъ не несетъ....
 Пришлось молчать мечтамъ заветнымъ;
 За чѣмъ тому, кто духомъ нищъ,
 Тревожить нынѣ словомъ тщетнымъ
 Безмолвный миръ святыхъ кладбищъ?....

Гирѣево, Іюня, 1847.

К. Павлова.

НА ГРОМОВЫЕ КОЛОДЦЫ ВЪ МЫТИЩАХЪ.

(*Дорожной экспромтъ.*)

Отобѣдавъ сытной пиццей,
 Градъ Москва — водою нищій,
 Знойной жаждой былъ томимъ...
 Боги сжалились надъ нимъ:
 Надъ долиной, гдѣ Мытищи,
 Смеркла неба синева;
 Вдругъ ударъ громовой тучи
 Грянулъ въ долъ — и ключъ кипучій
 Покатился.... пей Москва!

1830 г.

И. Лыковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

Перелавскія сказанія. *М. А. Максимовича.*

1. О городъ Перелавъ въ первоначальныя времена.	1.
2. О праздникъ св. Бориса подь Перелавомъ....	7
О Карпатской Руси. <i>П. Н. Дешка</i>	19.
Запись Анны Гойской на Почаевскій монастырь, 1597 г.	32.
О Кременецкомъ замкѣ. <i>В. Θ. Домбровскаго</i>	39.
О городъ Стѣпань. <i>М. А. Максимовича</i>	45.
Белая Книжница Ольга. <i>С. М. Соловьева</i>	51
О построеніи и освященіи Кіевской церкви св. Георгія. <i>М. А. Максимовича</i>	66.
О Руской торговлѣ въ удѣльномъ періодѣ. <i>М. П. Погодина</i> .	68.
Великій Князь Михаилъ Черныговскій. <i>И. Д. Бялева</i> ..	82.
Книжная Старина Южноруская. <i>М. А. Максимовича</i>	117.
О двухъ древнѣйшихъ святыхъ Кіева. Князя <i>М. А. Оболенскаго</i>	139.
Сказаніе о Гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ. <i>М. А. Максимовича</i>	151.
Память о кунтушахъ и шапкѣ, жалованныхъ 1679 г.	184.
Лубочныя изображенія Малороссійскихъ городовъ <i>М. А. Максимовича</i>	186

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Поэту. <i>П. С. Аксакова</i>	189.
Отдыхъ. <i>Его же</i>	190.
Моей землячкѣ.***	191.
Гроза.***	192.
Чего просить? <i>Θ. П. Гинки</i>	—

	Стр.
Къ Помпейской лампадкѣ. <i>К. К. Павловой</i>	193.
Ангелу. <i>Θ. Н. Глишки</i>	194.
Александрійскія ночи. <i>С. Е. Равча</i>	195.
Благодареніе. <i>А. П. Глишки</i>	201.
Жизнь. <i>М. Н. Лихошина</i>	202.
Начало IV главы Чальдь-Гарольда. <i>К. К. Павловой</i>	203.
Къ звездѣ. <i>А. П. Глишки</i>	207.
Сказка. <i>Графини Е. П. Ростопчиной</i>	—
Осеннее несчастіе. <i>Ея же</i>	208.
Къ <i>Н. Н. П. С. Аксакова</i>	211.
Три души. <i>К. К. Павловой</i>	212.
Дума. <i>Ея же</i>	215.
На Громовые колодцы въ Мытищахъ. <i>Н. М. Языкова</i>	216.

С Н И М К И.

- Къ страницѣ 9: **Борисъ идетъ на Пегеньги**—изъ рукописи 13 вѣка.
- Къ стран. 120: Заглавный листъ изъ книги: **Вѣришь**, Кіевъ, 1622.
- Къ стран. 124: Заглавный листъ изъ книги: **Илинологія**, Кіевъ, 1630.
- Къ стран. 153: **Взятіе Кафы**, 1616 г. — изъ книги **Вѣришь**, 1622.
- Къ стран. 187: **Видъ Кіева**, съ лубочной картины, первой половины 18 вѣка.
- Къ стран. 187: **Видъ Чернигова, Переяслава, Глухова и Батурина**, съ той же картины.

